ВИТАЛИЙ

БИАНКИ

Лесная газета. Сказки и рассказы

ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

Лесная газета. Сказки и рассказы (сборник)

Виталий Валентинович Бианки

Аннотация
Виталий Бианки. Лесная газета. Сказки и рассказы
«САМОУЧИТЕЛЬ ЛЮБВИ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ...»
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА
ЛЕСНОЙ ГОД
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 1. МЕСЯЦ ПРОБУЖДЕНИЯ (ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВЕСНЫ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 2. МЕСЯЦ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ (ВТОРОЙ МЕСЯЦ ВЕСНЫ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 3. МЕСЯЦ ПЕСЕН И ПЛЯСОК (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ВЕСНЫ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 4. МЕСЯЦ ГНЁЗД (ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ЛЕТА)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 5. МЕСЯЦ ПТЕНЦОВ (ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЛЕТА)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 6. МЕСЯЦ СТАЙ (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ЛЕТА)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 7. МЕСЯЦ ПРОЩАНИЯ С РОДИНОЙ (ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 8. МЕСЯЦ ПОЛНЫХ КЛАДОВЫХ

(ВТОРОЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 9. МЕСЯЦ ЗИМНИХ ГОСТЕЙ (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 10. МЕСЯЦ БЕЛЫХ ТРОП (ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ЗИМЫ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 11. МЕСЯЦ ЛЮТОГО ГОЛОДА (ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЗИМЫ)
ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 12. МЕСЯЦ ДОТЕРПИ ДО ВЕСНЫ (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ЗИМЫ)
ОТВЕТЫ НА «ТИР». ПРОВЕРЬ, ПОПАЛ ЛИ ТВОЙ ОТВЕТ В ЦЕЛЬ
СКАЗКИ И РАССКАЗЫ
СКАЗКИ ЗВЕРОЛОВА
ТЕРЕМОК
ЛЕСНОЙ КОЛОБОК – КОЛЮЧИЙ БОК
ЛИС И МЫШОНОК
СОВА
ПЕРВАЯ ОХОТА
КРАСНАЯ ГОРКА
КАК МУРАВЬИШКА ДОМОЙ СПЕШИЛ
МЫШОНОК ПИК
АНЮТКИНА УТКА
КУЗЯ ДВУХВОСТЫЙ
ЛАТКА
ЛАТКА
МУЗЫКАНТ

ЛАЙ

КАК Я ХОТЕЛ ЗАЙЦУ СОЛИ НА ХВОСТ НАСЫПАТЬ. (РАССКАЗ КОРАБЕЛЬНОГО МЕХАНИКА)

Аннотация

В книгу замечательного писателя-натуралиста Виталия Валентиновича Бианки вошли: «Лесная газета» (в сокращении), сказки и рассказы.

Виталий Бианки
Лесная газета. Сказки и рассказы

«САМОУЧИТЕЛЬ ЛЮБВИ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ...»

Автору «Лесной газеты», Виталию Валентиновичу Бианки (1895–1959), не раз приходилось отвечать на вопросы об этой книге: как она была задумана, когда появилась на свет, как росла. Действительно, «Лесная газета», словно живое существо, росла: с каждым переизданием увеличивалась в объёме, наполнялась новыми сведениями.

Передо мной детский ежемесячный журнал «Воробей» за май месяц 1924 года. Это второй месяц лесного календаря (лесной календарь начинается не с первого января, а в день весеннего равноденствия — 21 марта). Восемь страниц занимает раздел «Лесная газета». Страницы заполнены заметками и рассказами о том, что происходит в природе в данное время. Например, сообщается, кто и как спасается от весеннего половодья — вот зайцу даже пришлось залезть на дерево. И рисунки здесь есть.

Мысль написать книгу бюллетеней-рассказов о сезонных изменениях в жизни окружающей

нас природы пришла Бианки ещё в юности. Подобные бюллетени он вёл под руководством отца-зоолога. Тогда Виталий собирался стать учёным, продолжать дело отца. Поступил в университет на биофак, однако учиться почти не пришлось. Грозные события тех лет — Первая мировая война и революция 1917 года не только не дали доучиться, но и заставили уехать из Петрограда.

В конце 1922 года Бианки вернулся домой с Алтая. Стал посещать Студию детских писателей, организованную О.И. Капицей при Герценовском Педагогическом институте. Начал писать. Очень успешно. Его книги для ребят о природе гармонично соединяли в себе биологическую правду, узнаваемость с романтичностью и даже сказочностью. Уже в 1923 — начале 1924 года были напечатаны «Чьи это ноги?», «Чей нос лучше?», «Кто чем поет?», «Лесные домишки», «Первая охота» и даже повесть «На Великом морском пути».

Именно в это время молодой писатель получил приглашение вести раздел о природе в журнале «Воробей» (позже был переименован в «Новый Робинзон»). Посоветовался со старшим братом, энтомологом. Вместе выбрали название. «Лесная газета» — игра в газету, забавное подо-

бие настоящей газеты. Через два года Виталий Валентинович собрал рассказы и заметки, напечатанные здесь, дополнил их и обработал в виде книги.

Так родилась эта книга. Ещё не очень толстая. Но при каждом переиздании автор просматривал её заново, кое-что убирал, многое добавлял, даже целые разделы.

Со второго издания в «Лесной газете» появились подлинные письма ребят-лескоров, раздел «Тир» — викторина с вопросами. В пятое издание автор включил рассказы о знаменитом охотнике Сысое Сысоиче и разделы «Война в лесу» и «Колхозная жизнь». Последний — рассказ о сельских работах и заботах, которые с жизнью лесных обитателей не очень связаны, но иногда пересекаются. Со временем для участия в «Лесной газете» Бианки пригласил в качестве автора ботаника и писателя Н.М. Павлову; ею написаны 28 заметок.

Тяжело далась Виталию Валентиновичу подготовка шестого издания. Это было в конце 40-х годов. Тот период даже в официальной советской прессе именовался как «трудные годы советской биологии». Друг, редактор Детгиза, настаивал, чтобы автор сделал исправления в «Лесной газете» — во спасение от идеологических нападок.

Он писал: «Ты зря хочешь протестовать против тех незначительных дополнений (в «Колхозной жизни», в «Лесонасаждениях» и т. п.), которые не испортят «Л.Г.», а дополнят её, главное — спасут её от иного. А пренебрегать этим сейчас не стоит».

Редактор сам внёс «исправления». Летом 1949 года автор получил шестое издание своей «Лесной газеты». Вот что он ответил редактору: «Да: вид импозантный. Но, милый, ты понимаешь, сколько автору слёз, когда в живом своём теле он находит столько инородных тел осколков вражеских снарядов, какая боль, когда его калечат, зажав в станке, производят над ним вивисекцию — да и ещё и оставляют в ранах грязноватые свои инструменты! Какая ярость! Бессильная к тому же…»

В следующем издании, 1952 года, Бианки сделал минимальные изменения: четыре заметки снял, а четыре новых включил.

Последние прижизненные издания, восьмое и девятое, прошли спокойно. «Детгиз раскошелился: дают мне 12 цветных вкладок. Я сразу же написал: «Год — солнечная поэма в 12 месяцах». Много новых заметок. Ввожу отдельчики: «Клёв на уду», «Лесные враки» и «Клуб колумбов» — необычайные открытия и приключения кружка

юнестов при редакции «Лесной газеты». Целый ряд новых заметок Н.М. Павловой», — писал Бианки.

Под конец хочется процитировать строки из письма Виталия Валентиновича: «Цель «Лесной газеты» спрашиваете? Просто — самоучитель любви к родной земле, родному лесу. Приобщить детей и тех из взрослых, которые в душе сохранили себя-ребёнка, к тем радостям, которыми так богаты проникновение в чудесные тайны жизни и «родственное внимание» (термин Пришвина) ко всему живущему на нашей планете. Ведь так обидно мало обращают внимание на мир люди, особенно — жители больших городов! И так его не знают!»

И последнее. В своём дневнике Виталий Валентинович размышлял, почему его книжку «Лесные домишки» так любят дошколята: «Что в ней угадано для маленьких?…Может быть, то доброе, что встречает Береговушку — слабую и беспомощную — в этом огромном, но уже не чужом ей мире… Собственно, почти на ту же тему у меня «Приключения Муравьишки», «Мышонок Пик» — тоже». Наверное, он прав. Детям — доброе. Это девиз творчества Бианки.

Елена Бианки

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ЛЕСНОЙ ГОД

Нашим читателям может показаться, что лесные и городские новости, напечатанные в Лесной газете, — старые новости. Это не так. Правда, каждый год бывает весна, но каждый год она новая, и, сколько лет ни живи, не увидишь двух одинаковых весен.

Год — что колесо с двенадцатью спицами — месяцами: промелькнут все двенадцать спиц, колесо сделает полный оборот — и опять мелькнёт первая спица. А колесо уже не там — далеко укатилось.

Опять придёт весна — и лес проснётся, вылезет из берлоги медведь, вода затопит подвальных жильцов, прилетят птицы. Снова начнутся игры и пляски у птиц, родятся детёныши у зверей. И в Лесной газете читатель найдёт все свежие лесные новости.

Мы помещаем здесь лесной календарь на каждый год. Он мало похож на обыкновенные календари, но в этом нет ничего удивительного.

Ведь у зверей и птиц всё не по-нашему, не по-людски; у них и календарь свой особенный: в лесу все живут по солнцу.

За год солнце делает широкий круг по небу. Каждый месяц оно проходит одно из созвездий, один из знаков Зодиака, как называются эти двенадцать созвездий.

Новый год в лесном календаре не зимой, а весной, — когда солнце вступает в созвездие Овна. Весёлые праздники бывают в лесу, когда там встречают солнце; грустные дни — когда его провожают.

Месяцев в лесном календаре мы насчитали столько же, сколько и в нашем, — двенадцать. Только назвали мы их по-другому — по-лесному.

ЛЕСНОЙ КАЛЕНДАРЬ НА КАЖДЫЙ ГОД МЕСЯЦЫ

I — МЕСЯЦ ПРОБУЖДЕНИЯ ОТ СПЯЧКИ (первый месяц весны) — с 21 марта по 20 апреля.

II — МЕСЯЦ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПЕРЕЛЁТНЫХ НА РОДИНУ (второй месяц весны) — с 21 апреля по 20 мая.

III — МЕСЯЦ ПЕСЕН И ПЛЯСОК (третий месяц весны) — с 21 мая по 20 июня.

IV — МЕСЯЦ ГНЁЗД (первый месяц лета) — с 21 июня по 20 июля.

V — МЕСЯЦ ПТЕНЦОВ (второй месяц лета) — с 21 июля по 20 августа.

VI — МЕСЯЦ СТАЙ (третий месяц лета) — с 21

августа по 20 сентября.

VII — МЕСЯЦ ПРОЩАНИЯ ПЕРЕЛЁТНЫХ С РОДИНОЙ (первый месяц осени) — с 21 сентября по 20 октября.

VIII — МЕСЯЦ ПОЛНЫХ КЛАДОВЫХ (второй месяц осени) — с 21 октября по 20 ноября.

IX — МЕСЯЦ ЗИМНИХ ГОСТЕЙ (третий месяц осени) — с 21 ноября по 20 декабря.

X — МЕСЯЦ ПЕРВЫХ БЕЛЫХ ТРОП (первый месяц зимы) — с 21 декабря по 20 января.

XI — МЕСЯЦ ЛЮТОГО ГОЛОДА (второй месяц зимы) — с 21 января по 20 февраля.

XII — МЕСЯЦ ДОТЕРПИ ДО ВЕСНЫ (третий месяц зимы) — с 21 февраля по 20 марта.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 1
МЕСЯЦ ПРОБУЖДЕНИЯ (ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВЕСНЫ)

С 21 марта по 20 апреля Солнце вступает в знак Овна

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

20 МАРТА — день весеннего равноденствия, день с ночью меряется: полсуток на небе солнышко, полсуток — ночь. В этот день в лесу празднуют Новый год — к весне поворот.

Март, говорит наш народ, парник, капельник. Солнце начинает одолевать зиму. Рыхлеет, ноздрится, становится серым снег — уж не тот, что был зимой, — сдаёт! Знать по цвету, что дело идёт к лету. С крыш свисают ледяные сосульки, блестя, струится по ним вода — и капает, капает… Натекают лужи — и уличные воробьишки весело полощутся в них, смывая с перьев зимнюю копоть. В садах звенят радостные бубенчики синиц.

Весна прилетела к нам на солнечных крыльях. У неё строгий порядок работ. Первым делом она

освобождает землю: делает проталинки. А вода ещё спит подо льдом. Спит под снегом и лес.

Утром 21 марта по старинному русскому обычаю пекут жаворонки — булочки с носиком, с изюминками на месте глаз. В этот день у нас выпускают на волю певчих птиц. И с этого дня по новому нашему обычаю начинается месяц птиц. Ребята посвящают его нашим маленьким пернатым друзьям: развешивают на деревьях тысячи птичьих домиков — скворечен, синичников, дуплянок; перевязывают кусты для гнёзд; устраивают бесплатные столовые для милых гостей; делают доклады в школах и клубах о том, как пернатые армии защищают наши леса, поля, сады и огороды, как надо беречь и привечать наших весёлых крылатых певунов.

В марте курочка под порожком напьётся.

СОСУНКИ В СНЕГУ

В поле ещё снег, а у зайчих уже родятся зайчата.

Зайчата родятся зрячими, в тёплых шубках. Сразу, как появятся на свет, они уже умеют бегать. Наевшись досыта материнского молока, они разбегаются и прячутся под кустами, кочками. Лежат смирнёхонько — не пищат, не балуются,

хоть мать и убежала куда-то.

Проходит день, другой, третий. Зайчиха по всем полям скачет, давно уж про них и забыла. А зайчатки всё лежат. Бегать им нельзя: как раз ястреб заметит или нападёт на след лиса.

Вот, наконец, бежит мимо зайчиха. Нет, не мамаша: тётка какая-то чужая. Зайчата к ней: накорми нас! Ну что ж, пожалуйста, кушайте. Накормила — и дальше.

И опять зайчата под кустиками лежат. А мамаша их где-то чужих зайчат кормит.

Так уж повелось у зайчих: всех зайчат общими считать. Где бы ни повстречала зайчиха зайчат, она их накормит. Всё равно, свои они ей или чужие.

Думаете, плохо зайчатам беспризорниками жить? Ничуть! Им тепло: шубка у них. А молоко у зайчих такое сладкое, густое, что зайчонок раз насосётся — потом несколько дней сыт.

На восьмой-девятый день зайчата начнут травку зубрить.

ПЕРВОЕ ЯЙЦО

Самка ворона первою из всех птиц снесла яйцо. Её гнездо — на высокой ели, густо засыпанной снегом. Чтобы яйцо не застыло и птенчик в нём

не замёрз, ворониха не оставляет гнезда. Пищу ей приносит ворон.

ВЕСЕННЯЯ ХИТРОСТЬ

В лесу хищники нападают на мирных животных. Где увидят, там и хватают.

Зимой на белом снегу не так-то скоро увидишь зайца-беляка и белую куропатку. А сейчас снег тает, во многих местах уже показалась земля. Волки, лисицы, ястребы, совы, даже маленькие хищные горностаи и ласки издали замечают белую шёрстку и белые перья на чёрных проталинах.

И вот беляки и белые куропатки пустились на хитрость: они линяют и перекрашиваются. Беляк стал весь серенький, у куропатки выпало много белых перьев, а на их месте отросли бурого и ржавого цвета новые перья с чёрными полосами. Теперь беляка и куропатку не так-то просто заметить: они замаскированы.

Некоторым из нападающих тоже пришлось прибегнуть к маскировке. Ласка была вся белая зимой, горностай тоже, только кончик хвоста у него был чёрный. И им обоим удобно было подкрадываться к мирным животным по снегу: белым по белому. А сейчас они перелиняли

и стали серыми. Ласка вся серая, а у горностая кончик хвоста как был, так и остался чёрным. Но ведь чёрное пятнышко на одежде не вредит ни зимой, ни летом: ведь и на снегу есть чёрные пятна — соринки да сучочки, а на земле и в траве их сколько хочешь.

ЗИМНИЕ ГОСТИ СОБИРАЮТСЯ В ПУТЬ

На проезжих дорогах по всей нашей области (имеется в виду Ленинградская область. — *Прим. ред.)* замечены стайки маленьких белых птиц, похожих на овсянок. Это наши зимние гости — снежные подорожники-пуночки.

Родина их в тундре, на островах и берегах Северного Ледовитого океана. Там не скоро еще оттает земля.

ОБВАЛЫ

В лесу начались страшные обвалы.

Белка спала в своём тёплом гнезде на ветке большой ели.

Вдруг тяжёлый ком снега обрушился с вершины дерева прямо на крышу гнезда. Белка выскочила, а её беспомощные новорождённые бельчата остались в гнезде.

Белка сейчас же принялась раскапывать снег. К счастью, оказалось, что снег только придавил крышу гнезда, сделанную из толстых прутьев. Круглое внутреннее гнездо из тёплого мягкого моха осталось цело. Бельчата даже не проснулись в нём. Они совсем еще маленькие — с крысенят, голые, слепые и глупые.

СЫРЫЕ КВАРТИРЫ

Снег тает и тает. Жителям лесных подвалов плохо приходится: кроты, землеройки, мыши, полёвки, лисы и другие зверьки и звери, живущие в норах под землёю, уже сейчас страдают от сырости. Что же будет с ними, когда весь снег превратится в воду?

В ВЕЧНОЗЕЛЁНОМ ЛЕСУ

Вечнозелёную растительность можно видеть не только в тропиках или на берегах Средиземного моря. И у нас на севере есть свои вечнозелёные леса с вечнозелёными кустарниками. Вот сейчас, в первый месяц нового года, особенно приятно пойти в такой лес, чтобы не видеть ни бурых прелых листьев, ни надоевшей сухой травы.

Пушистые серовато-зелёные молодые сосенки

приманивают издалека. Как весело тут, среди них! Всё живёт: мягкий зелёный мох, кустики брусники с глянцевитой листвою и вереск, изящный вереск, на тонких веточках которого, покрытых черепицей удивительно мелких листочков, ещё сохранились прошлогодние бледно-лиловые цветочки.

На краю болота виднеется ещё один вечнозелёный кустарник — подбел. Его тёмные, подвёрнутые по краям листья снизу точно побелели, оттого и — подбел. Но кто остановится у этого кустарничка, не станет долго разглядывать листья, потому что заметит что-то интереснее: цветы! Красивые розовые колокольчики, похожие на цветы брусники. Приятная неожиданность — найти в лесу цветы в такую раннюю пору. Наберёшь букет — и никто не хочет верить, что это с воли, а не из теплицы. Потому что мало кто гуляет ранней весною в вечнозелёном лесу.

Н. Павлова

МАТЬ-И-МАЧЕХА

На пригорках давно уже появились кучки стебельков мать-и-мачехи. Каждая кучка — семейка. Стебельки постарше — стройные, держат головку высоко, а к ним прижимаются маленькие, тол-

стенькие, неуклюжие.

Есть совсем смешные, стоят сгорбившись, опустив головку, — точно стесняются, оробели, выглянув на белый свет.

Каждая семейка выросла из подземного корневища. В нём был с осени отложен запас пищи. Теперь он постепенно тратится, но его должно хватить на всё время цветения. Скоро каждая головка превратится в жёлтый лучистый цветок, точнее, не в цветок, а соцветие, целое собрание маленьких, тесно прижатых друг к другу цветочков.

А когда они начнут отцветать, из корневища вырастут листья и примут на себя заботу — наполнить корневища новым запасом пищи.

Н. Павлова

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ПЕРВОЕ

1. С какого дня (по календарю) считается начало весны?
2. Какой снег быстрее тает — чистый или грязный?
3. Почему весной не бьют пушных зверей?
4. Кто раньше появляется весной — летучие

мыши или летучие насекомые?

5. Какие цветы первыми расцветают у нас весной?

6. Какая лесная птица весной резко меняет цвет своего оперения?

7. Когда заяц-беляк бывает всего заметней?

8. Слепыми или зрячими родятся зайчата?

9. Какие два дня в году солнце бывает на небе ровно полсуток?

10. Что вниз вершиной растёт?

11. Печь не топится, дрова не курятся, а тепло заводится.

12. Летит — молчит, сядет — молчит, как умрёт да сгниёт, так и заревёт.

13. Матушкой-зимой в белом саване, а матушкой-весной в цветном платьице.

14. Зимою греет, весною тлеет, летом умирает, осенью оживает.

15. Что было вчера и что будет завтра?

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 2
МЕСЯЦ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ
(ВТОРОЙ МЕСЯЦ ВЕСНЫ)

С 21 апреля по 20 мая
Солнца вступает в знак Тельца

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

АПРЕЛЬ — зажги снега! Апрель спит, да дует, тепло сулит, а ты гляди: что-то ещё будет!

В этом месяце с гор вода, рыба со стану. Весна, высвободив из-под снега землю, выполняет своё второе дело: освобождает из-подо льда воду. Ручейки талого снега тайно сбежались в реки, вода поднялась и сбросила с себя ледяной гнёт. Зажурчали вешние потоки — разлились широко по долинам.

Напоённая вешней водой, тёплыми дождями земля надевает зелёное платье, с пестринами нежных подснежников. А лес всё ещё стоит голый– ждёт своей очереди, когда им займётся весна. Но уже началось тайное движение сока в деревьях, наливаются почки, расцветают цветы на земле и в воздухе — на ветвях.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПТИЦ НА РОДИНУ

Птицы валом валят с зимовок. Переселение на родину идёт в строгом порядке, отрядами, каждый отряд в свою очередь.

В этом году птицы летят к нам теми же воздушными дорогами и в том же порядке, в каком летели их предки тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч лет подряд.

Первыми трогаются в путь те, что осенью улетели от нас последними. Последними — те, что первыми улетели от нас осенью. Позже других прилетают самые яркие и пёстрые птицы: им надо дождаться свежей листвы и травы. Они слишком заметны на голой земле и деревьях, и сейчас ещё им не спрятаться у нас от врагов — хищных зверей и птиц.

Как раз через наш город (имеется в виду Ленинград, ныне Санкт-Петербург. — *Прим. ред.)* и нашу Ленинградскую область проходит Великий морской путь птиц. Воздушный путь этот называется Балтийским.

Одним своим концом Великий морской путь упёрся в сумрачный Ледовитый океан, другим потерялся в цветущих, ярких жарких странах. Бесконечной вереницей, каждая в свой черёд,

своим строем, летят по небу бесчисленные стаи морских и прибрежных птиц. Летят вдоль берегов Африки, через Средиземное море, берегами Пиренейского полуострова, Бискайского залива, проливами, Северным и Балтийским морями.

В пути их ждут препятствия и беды. Густые туманы стеной встают перед крылатыми странниками. В сыром мраке птицы теряют дорогу, с размаху разбиваются об острые невидимые скалы.

Морские бури ломают их перья, сбивают крылья, уносят далеко от берегов.

Внезапные холода сковывают воды — птицы умирают от голода и стужи. Тысячи их гибнут от жадных хищников — орлов, соколов, ястребов.

Множество хищников собирается в это время на Великий морской путь, чтобы поживиться богатой и лёгкой добычей.

Сотни тысяч перелётных падают под выстрелами охотников…

Но ничто не может остановить густые толпы крылатых странников; через туманы и все препятствия они летят на родину, к своим гнёздам.

Не все наши перелётные зимуют в Африке и летят Балтийским путём. Другие летят к нам из Индии, а плосконосый куличок-плавунчик

забрался на зиму ещё дальше: в Америку. Он спешит к нам через всю Азию. От зимней квартиры до его гнезда под Архангельском ему придётся пролететь около 15 тысяч километров. Перелёт продлится почти два месяца.

ЯГОДЫ ИЗ-ПОД СНЕГА

На лесном болоте из-под снега показалась клюква. Деревенские ребята ходят собирать её и говорят, что перезимовавшая ягода слаще новой.

ЦВЕТЫ-СЕРЁЖКИ

По берегам рек и ручьёв и на лесных опушках распустились цветы-серёжки. Они не на земле, которая едва-едва оттаяла, а на пригретых весенним солнцем ветках.

Длинные коричневатые висюльки, которыми сейчас разукрасились ольха и орешник, — это и есть цветы-серёжки.

Они выросли ещё в прошлом году, но зимой были плотными, неподвижными.

А сейчас вытянулись, стали рыхлыми и гибкими.

Толкнёшь ветку — закачаются и закурятся жёлтым дымком-пыльцой.

Но и у ольхи и у орешника кроме пылящих серёжек на тех же ветках есть и другие цветы — пестичные. У ольхи это коричневые шишечки, у орешника — толстые почки, из которых высовываются розовые усики. Кажется — это усики сидящих в почке насекомых, а на самом деле это рыльца пестичных цветков. Их в каждой почке несколько: два, три, а то и пять.

Ольха и орешник сейчас без листьев, и ветер свободно гуляет между голыми ветками, раскачивает серёжки, подхватывает пыльцу и несёт её от дерева к дереву. А розовые усики-рыльца подхватывают пыльцу, и странные цветки-щетинки опыляются, чтобы к осени превратиться в орехи. Опыляются и пестичные цветки ольхи: из них к осени вырастут чёрные шишечки с семенами.

Н. Павлова

СОЛНЕЧНАЯ ВАННА ГАДЮКИ

Ядовитая гадюка каждое утро вползает на сухой пенёк и греется на солнце. Она ещё с трудом ползает, потому что кровь у неё сильно остыла на холоде.

Согревшись на солнышке, гадюка оживает и отправляется на охоту за мышами и лягушками.

МУРАВЕЙНИК ЗАШЕВЕЛИЛСЯ

Мы нашли большой муравейник под елью. Сначала мы думали — это просто куча сора и старой хвои, а не муравьиный город: ни одного муравья не было видно.

Теперь снег сошёл с кучи, и муравьи вылезли погреться на солнышке. После долгого зимнего сна они совсем обессилели и лежали на муравейнике липкими чёрными комьями.

Мы слегка потревожили их палочкой, а они едва могли пошевельнуться. У них не было даже сил отстреливаться от нас едкой муравьиной кислотой.

Пройдёт ещё несколько дней, пока они снова примутся за работу.

КТО ЕЩЁ ПРОСНУЛСЯ?

Ещё проснулись летучие мыши, разные жуки — плоские жужелицы, круглые чёрные навозники, щелкуны. Щелкуны показывают свои головоломные фокусы: положишь его на спину, а он как щёлкнет головой — подпрыгнет, перевернётся в воздухе и падает прямо на ноги.

Зацвели одуванчики, и берёзы закутались в

зелёный туман: вот-вот распустят листья.

А после первого дождя вылезли из-под земли розовые дождевые черви и появились новорождённые грибы — сморчки и строчки.

НАВОДНЕНИЕ

Весна принесла много бед жителям леса. Снег быстро растаял, реки разлились и затопили берега. В некоторых местах настоящий потоп. Со всех сторон к нам поступают известия о жертвах наводнения. Больше всех пострадали зайцы, кроты, мыши-полёвки и другие зверьки, которые живут на земле и под землёй. Вода хлынула в их жилища. Зверькам пришлось бежать из дому.

Каждый спасался от наводнения как умел.

Маленькая землеройка выскочила из норки и взобралась на куст. Она сидит и ждёт, когда схлынет вода. У неё очень несчастный вид, потому что она голодна.

Крот чуть не задохся у себя под землёй, когда вода залила берег. Он вылез из-под земли, вынырнул наверх и пустился вплавь — искать сухого местечка.

Крот — отличный пловец. Он проплыл много десятков метров, прежде чем выбрался на берег. Он очень доволен, что ни одна хищная птица

не заметила его блестящей чёрной шкурки на поверхности воды.

Добравшись до берега, он снова благополучно нырнул в землю.

ЗАЯЦ НА ДЕРЕВЕ

А с зайцем случилось вот что.

Заяц жил на островке среди широкой реки. По ночам он глодал кору с молодых осин, а днём прятался в кусты, чтобы не попасться на глаза лисе или людям.

Это был ещё молодой, не очень умный заяц.

Он и внимания не обращал, что река кругом его островка с треском сбрасывала лёд.

В тот день заяц спокойно спал у себя под кустом. Солнце пригревало его, и косой не заметил, как вода в реке стала быстро прибывать. Он проснулся только тогда, когда почувствовал, что шкурка его подмокла снизу.

Вскочил — а вокруг него уже вода.

Началось наводнение. Замочив только лапки, заяц удрал на середину островка: там было еще сухо.

Но вода в реке прибывала быстро. Островок становился всё меньше и меньше. Заяц метался с одного конца на другой. Он видел, что скоро

весь островок исчезнет под водой, но не решался броситься в холодные быстрые волны: он не мог бы переплыть разбушевавшуюся реку.

Так прошёл весь день и вся ночь.

На следующее утро из воды торчал только крошечный кусочек острова. На нём росло толстое корявое дерево. Перепуганный заяц бегал кругом его ствола.

А на третий день вода поднялась уже до самого дерева. Заяц стал прыгать на дерево, но каждый раз обрывался и шлёпался в воду.

Наконец ему удалось вскочить на толстый нижний сук. Заяц примостился на нём и стал терпеливо дожидаться конца наводнения: вода в реке больше уже не прибывала.

С голоду помереть он не боялся: кора старого дерева была хоть очень жёсткая и горькая, но всё-таки в пищу пригодная.

Гораздо страшней был ветер. Он качал дерево так сильно, что заяц еле держался на суку. Он был точно матрос на мачте корабля: сук под ним раскачивался, как рея, а внизу бежала глубокая холодная вода.

По широкой реке под ним плыли деревья, брёвна, сучья, солома и трупы животных.

Бедняга весь затрясся от страха, когда мимо

него, тихо покачиваясь на волнах, медленно проплыл другой заяц.

Он запутался лапами в хворосте и теперь плыл вместе с хворостом брюхом вверх, с вытянутыми ногами. Три дня просидел заяц на дереве.

Наконец вода спала, и он спрыгнул на землю.

Так ему и жить теперь среди реки на острове — до жаркого лета. Летом река обмелеет и он доберётся до берега.

БЕЛКА В ЛОДКЕ

Рыбак ставил мерёжи на лещей в залитых половодьем лугах. Он медленно пробирался на лодке сквозь торчащие из воды кусты.

На одном из кустов он разглядел какой-то странный рыжеватый гриб. Вдруг гриб прыгнул — и прямо к рыбаку в лодку.

В лодке он сейчас же обернулся мокрой взъерошенной белкой.

Рыбак довёз её до берега. Белка сразу выскочила из лодки и ускакала в лес.

Как она попала на куст среди воды и долго ли там просидела, — никто не знает.

ПЛОХО ПРИШЛОСЬ ДАЖЕ ПТИЦАМ

Крылатым наводнение, конечно, не так страшно. Но и они натерпелись от половодья.

Жёлтенькая овсянка выстроила себе гнездо на берегу большой канавы и уже успела положить в него яйца.

Во время разлива гнездо смыло, яйца унесло водой, и овсянке пришлось искать себе новое место для гнезда.

А бекас сидит на дереве и ждёт не дождётся, когда кончится половодье.

Бекас — кулик. Он живёт на лесном болоте и пищу себе достаёт своим длинным носом из мягкой почвы.

Сидит, ждёт, когда опять можно будет шагать по мягкой болотной земле и делать в ней дырочки носом. Не улетать же с родного болота!

Все места уже заняты, и на другое болото его не пустят тамошние бекасы.

НЕОЖИДАННАЯ ДОБЫЧА

Один наш лескор, охотник, подкрадывался к уткам, сидевшим за кустами на озере. Он тихонько передвигал ноги в высоких резиновых сапогах

— вода, выступившая из берегов, доходила ему до колен.

Вдруг за кустом перед собой увидел длинную серую гладкую спину какого-то чудовища, барахтавшегося в мелкой воде. Долго не раздумывая, он один за другим пустил два заряда утиной дроби в это неизвестное чудовище.

Вода за кустом закипела, вспенилась — и всё замолкло. Охотник подошёл и увидел там убитую им щуку длиной метра в полтора.

Сейчас щуки выходят из рек и озёр на берега, залитые полой водой, и мечут икру в траве. Мелкая водица здесь тёплая. Щурята, выйдя из икринок, уйдут в озёра и реки с отступающей водой.

Этого не знал охотник. Иначе он не нарушил бы закона, запрещающего охотиться с ружьём на рыб, выходящих весной на берега метать икру. Даже на щук и других хищников.

ЧТО ДЕЛАЛИ РЫБЫ ЗИМОЙ?

Зимой, в крепкие морозы, многие рыбы крепко спали.

Карась и линь ещё с осени зарылись в ил на дне. Пескари и уклейки зимовали в углублениях с песчаным дном. Сазан (он же карп) и лещ залегли на зиму в глубокие ямы речных и озёрных зали-

вов, поросших камышом. Осетры с осени сбились в тесные кучи на дне ятовей — углублений в непромерзающих больших реках. <…>

Все перечисленные выше рыбы проснулись и бросились метать икру — нереститься.

СЕМИДЫРКА

Странная рыба попадается в ручьях и реках по всей нашей стране, от Ленинграда до Сахалина. Узкая, длинная — с первого взгляда примешь её за змею. Плавников по бокам тела у неё нет — только на спине у хвоста. И когда она плывёт, то извивается, как змея. А кожа у неё дряблая, без чешуи, и вместо обыкновенного рыбьего рта у неё круглая дыра воронкой — присоска. Поглядишь на эту присоску и подумаешь, что это не рыба вовсе, а громадная пиявка.

В деревнях её зовут семидырка, потому что у неё по бокам тела, позади глаз, семь дыхательных щёлок.

Личинки семидырки, пескорои, похожи на вьюнов. Ребята часто ловят их для наживки на жерлицы — ставить на крупную хищную рыбу.

Бывает: присосётся семидырка к большой рыбе и путешествует с ней по реке — никак та от неё освободиться не может.

И ещё рассказывают рыбаки, будто семидырка присасывается к подводным камням. Присосётся и давай извиваться, дрыгать, дёргать всем телом. Камень и съедет с места: очень сильная рыба. В ямку на дне, где лежал камень, семи-дырка мечет свою икру.

По-учёному эта удивительная рыба-пиявка называется речная минога.

На вид-то она не очень приятна, но слегка поджаренная да с уксусом — объеденье!

УЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

По ночам на окраины города (имеется в виду Ленинград, ныне Санкт-Петербург. — *Прим. ред.)* начались налёты летучих мышей. Не обращая внимания на прохожих, они гоняются в воздухе за комарами и мухами.

Прилетели ласточки. Их у нас три вида: касатка — с длинным хвостом вилочкой и рыжеватым пятном на горле, воронок — с коротким хвостом и белым горлом и береговушка — маленькая, серовато-бурая, с белой грудью.

Касатка свои гнёзда делает в деревянных постройках на окраинах города, воронок лепит гнёзда прямо на каменных домах, а береговушка выводит птенцов в норках по обрывам.

Не скоро после ласточек появятся стрижи. Их легко отличить от ласточек: они с пронзительным визгом режут воздух над крышами. Они кажутся сплошь чёрными. А крылья у них не углом, как у ласточки, а полукругом, серпом.

Появились комары-кусаки.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ВТОРОЕ

1. Когда чёрен — куслив и задорен, а покраснеет — сейчас же и присмиреет.
2. Какие съедобные грибы появляются первыми?
3. Зачем грачи ходят по полю за пахарем?
4. Кто раньше прилетает к нам — стрижи или ласточки?
5. Зачем скворцы и галки катаются верхом на коровах, овцах и лошадях?
6. Отчего домашние утки и гуси весной начинают вдруг тоскливо кричать и приходят в сильное возбуждение?
7. Какие птицы страдают от весеннего разлива?
8. На каких рыб в весенний разлив запрещается охота с ружьём?

9. Кто больше боится холода — птицы или гады?

10. Шило-вило-мотовило, по-немецки говорило, — спереди шильце, сзади вильце, на спине синее суконце, сысподу бело полотенце.

11. Отворились двери без петелек, забегали собачки бесхвостые.

12. Чёрен, да не бык, шесть ног без копыт, летит — воет, а сядет — землю роет.

13. В мае месяце появился не рак, не рыба, не зверь, не птица, не человек. Нос долог, голос тонок, летит — кричит, сядет — молчит. Кто его убьет, тот свою кровь прольёт.

14. Один льёт, другой пьёт, третий растёт.

15. Весь мир кормлю, а сама не ем.

16. Без крыльев летят, без ног бегут, без паруса плывут.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 3
МЕСЯЦ ПЕСЕН И ПЛЯСОК (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ВЕСНЫ)

С 21 мая по 20 июня
Солнце вступает в знак Близнецов

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

Месяц МАЙ — пой да гуляй! Вот когда весна всерьёз принялась за своё третье дело: начала одевать лес.

Вот когда в лесу начался весёлый месяц — МЕСЯЦ ПЕСЕН И ПЛЯСОК!

Победа, полная победа солнца — света и его тепла — над стужей и мраком зимы. Зорька вечерняя утренней зорьке руки подаёт — у нас на севере начинаются белые ночи. Отвоевав землю и воду, жизнь поднимается во весь рост. Сияющей зеленью новорождённых листьев одеваются высокие деревья. Мириады легкокрылых насекомых поднимаются в воздух; в сумерках на охоту за ними вылетают полуночники-козодои и вёрткие летучие мыши. Днём реют в воздухе ласточки и стрижи, висят-парят над пашнями, над лесом

орлы, коршуны. Как на ниточке подвешенные к облакам, трепещут над полями пустельги и жаворонки.

Отворились двери без петелек, залетали жильцы златокрылые — труженицы-пчёлки. Всё поёт, и играет, и пляшет: косачи — на земле, селезни — на воде, дятлы — на деревьях, бекасики — небесные барашки — в воздухе над лесом. Теперь, по слову поэта, «птица и всякая зверь у нас на Руси веселятся. Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь синеет в лесу медуница».

Отчего наш месяц май
Прозывают месяц Ай?

Оттого, что тёпел и холоден. Днём солнышко, а ночью бывает — ай! — какой морозец. Бывает май — под кустиком рай, а то май — коню сена дай, а сам на печь полезай.

ВЕСЁЛЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

Каждому хочется удаль свою, силу и ловкость показать. Мало песен и плясок: зубы и клювы чешутся, охота подраться. Пух, шерсть и перья летят в воздух.

Спешат лесные жители: это последний месяц весны.

Скоро придёт лето, и с ним заботы о гнёздах и птенцах.

В деревнях говорят:

«И рада бы весна на Руси вековать вековушею, а придёт день — прокукует кукушкою, соловьем зальётся, — к лету за пазуху уберётся».

ЛЕСНОЙ ОРКЕСТР

В этом месяце соловей так распелся, что и днём и ночью свищет да щёлкает.

Ребята удивляются: а когда же он спит? Весной птицам спать долго некогда, птичий сон короток: успевай соснуть между двух песен да в полночь часок, да в полдень часок.

На утренних и вечерних зорях не только птицы — все лесные жители поют и играют, кто на чём и как умеет. Тут услышишь и звонкие голоса, и скрипку, и барабан, и флейту, и лай, и кашель, и вой, и писк, и уханье, и жужжанье, и урчанье, и кваканье.

Звонкими, чистыми голосами поют зяблики, соловьи, певчие дрозды. Скрипят жуки и кузнечики. Барабанят дятлы. Свистят флейтой иволги и маленькие дрозды-белобровики.

Лают лисица и белая куропатка. Кашляет косуля. Воет волк.

Ухает филин. Жужжат шмели и пчёлы. Урчат и квакают лягушки.

Никто не смущается, если у него нет голоса. Каждый выбирает себе музыкальный инструмент по своему вкусу.

Дятлы отыскивают звонкие сухие сучья. Это у них — барабан. А вместо палочек у них — отличный крепкий нос.

Жуки-усачи скрипят своей жёсткой шеей — чем не скрипочка?

Кузнечики — лапками по крыльям: на лапках у них зацепочки, а на крыльях зазубринки.

Рыжая цапля-выпь ткнёт свой длинный клюв в воду да как дунет в него. Бултыхнёт вода — по всему озеру гул, словно бык проревел.

А бекас, тот даже хвостом умудряется петь: взовьётся ввысь да вниз головой оттуда с распущенным хвостом. В хвосте у него ветер гудит — ни дать ни взять барашек блеет над лесом! Вот какой оркестр в лесу.

ГОСТИ

Под деревьями и кустами, невысоко над землёю, уже давно светятся жёлтые звёздочки гусиного лука.

Они появились, когда деревья были голы и

яркие лучи весеннего солнца свободно достигали земли. В этих лучах и расцвёл гусиный лук, а рядом расцветала хохлатка.

Как было радостно увидеть её первые цветы! В ней всё красиво: и причудливые с длинными шпорцами лиловые цветочки, собранные букетиком на конце стебелька, и сизоватые, рассечённые листочки.

Сейчас пора гусиного лука и его подруги-хохлатки уже отходит. Тень деревьев стала слишком густой, она мешала бы им жить, если бы они уже не приготовились уйти домой. Их дом в подземном мире. На земле они только гости. Рассеяв семена, они бесследно исчезнут. Но где-то там, в глубине, будут покоиться всё лето, всю осень и зиму маленькая луковица и круглый клубенёк.

Если хочешь пересадить их к себе, копай сейчас, пока ещё не отцвели запоздалые цветы. Копай осторожно и прилежно. Просто удивительно, какой длины бывают иногда бледные подземные стебельки этих маленьких растеньиц!

Луковицы и клубни наших гостей в тех местах, где земля сильно промерзает, лежат очень глубоко. В тёплых, защищённых местах они ближе. Помни это, когда будешь сажать их у себя.

Н. Павлова

НОЧЬЮ В ЛЕСУ

Один лескор пишет нам:

«Я ходил в лес ночью — послушать в лесу ночные голоса. Слышал разные звуки, а чьи они — не знаю. Как же мне писать про них в «Лесную газету»?»

Мы ответили ему: «Опиши, что слышал, а мы уж постараемся разобрать».

Вот он и прислал в редакцию такое письмо:

«Сказать по правде, чепуху какую-то я слышал ночью в лесу, а совсем не оркестр, как вы пишете.

Понемногу затихли все птичьи голоса, и, наконец, настала полная тишина. Была полночь.

И вот где-то в вышине началось: загудела низкая струна. Сперва тихо, потом громче, громче — толсто так, басовито — и опять тише, ещё тише — и смолкла совсем.

Я подумал: «Ну, для начала и это не плохо. Хоть на одной струне, да заиграли».

А из лесу вдруг: «Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!» — да жутким таким голосом, у меня мурашки по спине побежали.

«Вот, — думаю, — награда музыканту: хохочут над ним!»

И опять тишина. Долго. Я уж думал — больше ничего не будет.

Потом слышу: кто-то патефон заводит. Заводит и заводит — а музыки нет. «Испортился, что ли, у них патефон?» — думаю.

Перестали. Тихо. Потом опять заводят: тырр-рырр-рырр-рырр!.. — без конца, надоело даже.

Завели наконец. «Ну, — думаю, — теперь-то уж пластинку поставят, сейчас пустят».

Вдруг в ладоши захлопали. Звонко так, горячо.

«Как же это? — думаю. — Никто ничего не сыграл, а уже в ладоши хлопают?»

Вот и всё. Потом опять долго-долго заводили патефон, ничего не сыграли, а в ладоши хлопали. Я рассердился и ушёл домой».

Мы должны сказать, что сердиться нашему лескору не надо было.

Он слышал, как низкая струна гудела. Это какой-нибудь жук над ним пролетел — наверно, майский.

Жутко хохотала большая сова неясыть.

Такой у неё неприятный голос, ничего не поделаешь.

Патефон заводил — тырр-рырр-рырр-рырр! — козодой — тоже ночная птица, только не хищная. Никакого патефона у козодоя, конечно, нет: это

он так горлом делает. И воображает, что поёт.

И в ладоши хлопал тоже он, козодой. Не в ладоши, конечно, а крыльями по воздуху хлоп-хлоп-хлоп! Очень похоже на аплодисменты.

А зачем он это делает, этого редакция объяснить не может: сама не знает.

Наверно, просто так, с радости.

ИГРЫ И ПЛЯСКИ

Журавли устраивают танцы на болоте.

Соберутся в кружок, и вот один или двое выходят на серёдку и начинают приплясывать.

Сперва ничего — только подпрыгивают долгими ногами. Дальше больше: пускаются в широкий пляс и такие коленца выкидывают — помрёшь со смеху! И кружатся, и прыгают, и вприсядку — ну точь-в-точь трепака откалывают на ходулях! А те, что кругом стоят, равномерно, в такт, хлопают крыльями.

А у хищных птиц игры и пляски в воздухе.

Особенно отличаются сокола. Они поднимаются под самые облака и там показывают чудеса ловкости. То, разом сложив крылья, с головокружительной высоты камнем летят вниз — над самой землёй раскинут крылья, широкий круг дадут и снова взмоют ввысь. То застынут высоко-

высоко над землёй — и висят с распростёртыми крыльями, как на ниточке подвешенные к облакам. То вдруг примутся кувыркаться в воздухе через голову, как настоящие небесные клоуны, турманом-турманом падают к земле, выкидывают «мёртвые петли», кружатся, крыльями плещут.

ПОСЛЕДНИЕ ПТИЦЫ

Весна кончается. К нам в Ленинградскую область прибыли последние птицы, зимовавшие на юге.

Как мы и ожидали, это птицы в самых ярких и пёстрых нарядах.

Теперь, когда луга покрылись цветами, а кусты и деревья — свежей листвой, им легко прятаться от хищников.

В Петродворце видели над ручьём зимородка в изумрудно-коричнево-голубом мундире. Он прилетел из Египта.

В рощах свистят флейтой и драной кошкой кричат золотые иволги с чёрными крыльями. Они прибыли из южной Африки.

В сырых кустарниках появились синегрудые варакушки и пёстрые чеканчики, на болотах — золотистые плиски (жёлтые трясогузки).

Прилетели розовогрудые жуланы (сорокопуты), разноцветные, с пышными воротниками из перьев кулики-турухтаны, зелёно-голубые сизоворонки.

ДЕРГАЧ

А один крылатый чудак — коростель-дергач — чуть не пешком пришёл из Африки.

Дергач летает тяжело и не очень быстро.

Ястреб или сокол легко поймает его на лету.

Зато дергач замечательно быстро бегает и отлично умеет прятаться в траве.

Поэтому на крылья он поднимается только там, где ему необходимо, да и то ночью.

Теперь дергач целыми днями кричит у нас в высокой траве:

— Крек-крек! Крек-крек!

Слышать его можно, а выпугнуть из травы и рассмотреть, какой он, — попробуй-ка!

КОМУ СМЕХ, КОМУ СЛЁЗЫ

Все в лесу веселятся, а берёзы плачут.

Под горячими лучами солнца сок быстрее и быстрее течёт по всему их белому телу. Через поры коры он выступает наружу.

Люди считают берёзовый сок полезным и вкусным напитком. Они надрезают кору и собирают его в бутылки.

Деревья, у которых выпустили слишком много сока, засыхают и гибнут, потому что сок у них всё равно что у нас — кровь.

БЕЛКА ЛАКОМИТСЯ МЯСНЫМ

Белка всю зиму жила на одной растительной пище. Лущила шишки да ела заготовленные с осени грибы. Теперь пришло время ей полакомиться мясным.

Многие птицы уже устроили себе гнёзда и отложили яйца. Некоторые вывели даже птенцов.

Белке это на руку: она отыскивает птичьи гнёзда на ветвях и в дуплах деревьев и таскает из них себе на обед птенцов и яйца.

Этот хорошенький грызун не уступит любому хищнику по части разорения птичьих гнёзд.

НАШИ ОРХИДЕИ

Эти любопытные цветы — редкость у нас на севере. И когда их видишь, невольно вспоминаешь их знаменитых родственников — изумительные орхидеи, которые растут в тропических лесах.

Там они встречаются и на деревьях. У нас же — только на земле.

У некоторых наших орхидей поразительные корни: пухлые ручки с растопыренными пальчиками. А цветы порою очень красивы, но иногда невзрачны. Зато как пахнут эти цветы, цветы кокушника, любки, бровника! Пьянеешь от их аромата.

Но самую замечательную из наших орхидей я увидела впервые только на днях, в Ропше. У этого незнакомого мне растения было пять крупных красивых цветов. Я повернула один цветок кверху, но тотчас же брезгливо отдёрнула руку. Прильнув к цветку, сидела странная красно-бурая муха. Я хлопнула по ней колоском. Она и не шевельнулась. Я присмотрелась. Это была не муха. У неё было бархатистое тело с голубым пятном, короткие мохнатые крылья, голова, пара усиков. И всё-таки это была не муха. Это была часть цветка — тогда еще мне не известного — орхидеи Офрис-мухоноски.

Н. Павлова

НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Пришёл в редакцию «Лесной газеты» гражданин и рассказывает:

— Ходил я утром по парку. Вдруг из куста кто-то спрашивает меня свистом — да громко так, настойчиво: «Тришку видел?» Гляжу — кругом никого, только птичка — красная вся — сидит на кусту. Поглядел я на неё и думаю: «Что за птица такая — понятно как свистит? И про какого это она Тришку спрашивает?» А она опять своё: «Тришку видел?» Я к ней шагнул — рассмотреть хотел поближе. Она шмыг в куст и пропала.

Гражданин видел птичку, которую зовут чечевицей. Она прилетела из Индии. В свисте её, и правда, слышится вопрос. Только переводит его на свой, человеческий язык каждый по-своему: кто — «Тришку видел?», а кто — «Гришку видел?»

ПОГОНЫШ ШАГАЕТ ПО ГОРОДУ

На днях жители окраины слышали ночью низкий отрывистый свист: «Футь-футь!.. Футь-футь!»

Свист раздавался сперва из одной канавы, потом из другой. Это шёл через город погоныш — болотная курочка. Он сродни дергачу и тоже, как дергач, пришёл к нам через всю Европу пешком.

ИДИ ПО ГРИБЫ

После хорошего, тёплого дождя можешь отправляться за город по грибы: вылезли из-под земли сыроежки, подберёзовики и белые. Это первые летние грибы — колосовики. Так они называются потому, что во время их появления уже начинает колоситься озимая рожь. Скоро они пропадут — до конца лета.

А когда заметишь, что в саду начали осыпаться цветы сирени, — знай: весна кончилась, началось лето.

ЭХОЛОТ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

Летним вечером в открытое окно впорхнула летучая мышь.

— Гоните её, гоните! — закричали девочки, поспешно набрасывая себе на головы платки.

А лысый дед ворчливо прошамкал:

— Только ей и свету в окошке, что лезть вам в волосы!

До самого последнего времени учёные не могли понять, как ночью, в темноте, находит дорогу в полёте летучая мышь.

Ей залепляли глаза, залепляли нос — она всё

равно избегала все препятствия в воздухе, даже тончайшие нитки, натянутые в комнате, и ловко увёртывалась от сачка.

Только с изобретением эхолота разгадали загадку. Теперь установлено, что все летучие мыши издают в полёте ртом ультразвук — тончайший, недоступный человеческому уху, писк. Звук этот отражается от любого препятствия — и чуткие уши летучих мышей «принимают» сигнал: «впереди стена!», или: «нитка!», или: «комарик!» И только тонкие густые женские волосы очень плохо отдают, отражают ультразвук.

Лысому деду, конечно, ничего не угрожало, а пышные причёски девочек на самом деле могли показаться зверьку «светом в окошке», и летучая мышь могла устремиться в одно из этих «окошек».

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ТРЕТЬЕ

1. Какие жуки носят название того месяца, в котором появляются?
2. Чем стрекочет кузнечик?
3. Чем «блеет» бекас?
4. Почему рыжую цаплю, выпь, зовут водяным

быком?

5. Какие птицы часть пути к нам с юга шагают пешком?

6. Куда деваются из скворечен скорлупки разбитых птенцами яиц?

7. Какая птица кричит драной кошкой?

8. Какая птица «лает»?

9. Какие певчие птицы прилетают к нам последними?

10. Под корень леса ключи кипят; среди леса кузнецы куют; поверх леса свечки горят.

11. Ходячему на путь, ленивому на кнут, а хворому на здоровье.

1. Висит сито, не руками свито.

2. Тонок-долог пал в осоку, сам не вышел, а детей вывел.

3. Меня просят, ждут, а приду — прятаться начнут.

4. Кто родился с бородой?

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 4
МЕСЯЦ ГНЁЗД (ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ЛЕТА)

С 21 июня по 20 июля Солнце вступает в знак Рака

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

ИЮНЬ — розан-цвет. Конец пролетья, начало лета. Самые длинные длятся дни; на дальнем Севере и вовсе ночи нет: не заходит солнце. На сырых лугах цветы теперь всё больше солнечного цвета: купальницы, калужницы, лютики — луг от них весь золотой.

В эту пору — в самую пору солнечного рассвета — собирают люди целебные цветы, стебли, коренья себе про запас, чтобы, вдруг занедужив, передать себе собранную в них живительную силу солнца.

И вот уже прошёл самый долгий день во всём году — 22 июня, день летнего солнцестояния.

С этого дня медленно-медленно — а кажется-то: как быстро! — так же медленно, как прибывает весной свет, день идёт на убыль. И поговаривает народ: «Макушка лета уж через прясла глядит…»

У всех певчих пичужек гнёзда, во всех гнёздах — всех цветов яички. Сквозь тонкую скорлупку просвечивает нежная маленькая жизнь.

КТО ГДЕ ЖИВЁТ

Наступила пора выводить птенцов. В лесу каждый построил себе дом.

Наши корреспонденты решили узнать, где и как живут звери, птицы, рыбы и насекомые.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА

Оказывается, весь лес сверху донизу занят сейчас под жильё. Свободного местечка нигде не осталось. Живут на земле, под землёй, на воде, под водой, на деревьях, в траве и в воздухе.

В воздухе — дом у иволги. Она высоко над землёй подвесила к ветке берёзы лёгкую корзиночку, сплетённую из пеньки, стебельков, волосков и шерстинок. В корзиночке лежат иволгины яйца. Прямо удивительно, как они не бьются, когда ветер раскачивает ветку.

В траве — дома у жаворонков, лесных коньков, овсянок и многих других птиц. Больше всех нашим корреспондентам понравился шалашик пеночки-веснички. Он из сухой травы и моха, с крышей, вход сбоку.

В деревьях, в дуплах, дома у летяги (белка с

перепонками между лапами), у жуков-древоточцев и короедов, у дятлов, синиц, скворцов, сов и других птиц.

Под землёй — дома у крота, мышей, барсука, у ласточек-береговушек, у зимородка и разных насекомых.

У чомги, водяной птицы из гагар, плавучее гнездо на воде, оно из кучи болотной травы, камыша и тины. Чомга разъезжает на нём по озеру, как на плоту.

Под водой устроили себе домики ручейники и водяной паук-серебрянка.

У КОГО ДОМ ЛУЧШЕ ВСЕХ?

Наши корреспонденты решили отыскать самый лучший дом. Оказалось, не так просто решить, какой дом лучше всех.

Самое большое гнездо у орла. Оно сделано из толстых сучьев и помещается на громадной толстой сосне.

Самое маленькое гнездо у желтоголового королька. У него весь дом с кулачок, да и сам-то он ростом меньше стрекозы.

Самый хитрый дом у крота. У него столько запасных ходов и выходов, что никак его не накроешь в его норе.

Самый искусный дом у слоника-листовёрта

(маленький жучок с хоботком). Слоник перегрыз жилки у берёзовых листьев и, когда листья начали вянуть, скрутил их в трубочку и склеил слюнкой. В этот домик-трубочку слониха-самочка снесла свои яички.

Самые простые гнёзда у куличка-галстучника и козодоя-полуночника. Галстучник положил свои четыре яйца прямо в песок на берегу речки, а козодой — в ямочку, в сухие листья под деревом. Они оба не много потрудились над постройкой дома.

Самый красивый домик у пеночки-пересмешки. Она свила себе гнёздышко на берёзовой ветке, убрала его лишайником и лёгкой берёзовой кожуркой и вплела для украшения кусочки разноцветной бумаги, что валялись в саду какой-то дачи.

Самое уютное гнёздышко у долгохвостой синицы. Эту птицу зовут ещё ополовничек, потому что она похожа на разливательную ложку — ополовник. Её гнездо свито изнутри из пуха, перьев и шерстинок, а снаружи из мха и лишайников. Оно всё круглое, как тыквочка, и вход у него круглый, маленький, в самой серёдке гнезда.

Самые удобные домики у личинок ручейников.

Ручейники — крылатые насекомые. Когда они садятся, они складывают крылья крышей у себя на спине и прикрывают ими всё своё тело. А личинки ручейников бескрылые, голые, им нечем прикрыться. Живут они на дне ручьёв и речек.

Найдёт личинка сучочек или камышинку величиной со спичку, склеит на них трубочку из песчинок и залезает в неё задом.

Очень удобно получается: хочешь — совсем спрячься в трубочку и спи там спокойно, никто тебя не увидит; хочешь — высунь передние ножки и ползи по дну вместе с домом: домик-то лёгкий.

А один ручейник нашёл валявшуюся на дне тоненькую папироску, залез в неё да так и путешествует в ней.

Самый удивительный дом у водяного паука-серебрянки. Этот паук растянул паутинку под водой между водорослями, а под паутинку на мохнатом брюшке натаскал пузырьки воздуха. Так и живёт паук в домике из воздуха.

У КОГО ЕЩЁ ГНЁЗДА?

Наши корреспонденты нашли ещё рыбье гнездо и мышиное.

Настоящее гнездо выстроила себе рыбка колюшка. Строил самец; для постройки брал только

самые тяжёлые стебельки трав, которые не всплывают, если их возьмёшь со дна ртом и подкинешь вверх. Укрепил стебельки на песчаном дне. Склеил стены и потолок своим клеем и заткнул все дырочки мхом. В стенках гнезда он оставил две двери.

У мышки-малютки гнездо совсем как птичье. Мышка свила его из травинок и разодранных на тонкие волоконца стебельков. Гнездо висит на высоте почти двух метров на ветке можжевельника.

КТО ИЗ ЧЕГО СТРОИЛ СЕБЕ ДОМ?

Дома в лесу строят из всякого материала.

Дрозд певчий вымазывает изнутри стенки своего круглого гнезда цементом из гнилушек.

Из грязи, скрепляя её своей слюнкой, лепят гнёзда ласточки — касатка и воронок.

Славка-черноголовка скрепляет тонкие прутики своего гнезда лёгкими клейкими паутинками.

Поползень — птичка, что бегает по отвесным стволам деревьев вниз головой, — поселился в дупле с большим выходным отверстием. Чтобы к нему в дом не могла забраться белка, поползень замуровал двери глиной; оставил только маленькое отверстие, чтобы самому протиснуться.

А всех забавнее устроился изумрудно-коричнево-голубой зимородок. Он вырыл себе глубокую норку в берегу и устлал пол своей комнатки тонкими рыбьими косточками. Подстилка получилась мягкая.

ПО ЧУЖИМ ДОМАМ

Кто не сумел или поленился сам себе дом выстроить, устроился в чужом доме.

Кукушки подкинули свои яйца в гнёзда трясогузок, зарянок, славок и других маленьких домовитых птичек.

Лесной кулик-черныш отыскал старое воронье гнездо и выводит в нём своих птенцов.

Пескарям (рыбкам) очень понравились покинутые хозяевами рачьи норки в песчаном берегу под водой. Рыбки выметали в них свою икру.

А один воробей устроился очень хитро.

Выстроил он себе гнездо под крышей — мальчишки разорили его.

Выстроил в дупле — ласка все яйца повытаскала.

Тогда воробей пристроился в громадном гнезде орла. Между толстыми сучьями этого гнезда свободно поместился его маленький домик.

Теперь воробей живёт спокойно, никого не боится. Огромный орёл и внимания не обращает

на такую мелкую птаху. Зато уж ни ласка, ни кошка, ни ястреб, даже мальчишки не разорят воробьиного гнезда: орла-то каждый боится.

ОБЩЕЖИТИЯ

Есть в лесу и общежития. Пчёлы, осы, шмели и муравьи строят дома на сотни и тысячи жильцов.

Грачи заняли сады и рощи под свои гнездовые колонии, чайки — болота, песчаные острова и отмели, а ласточки-береговушки изрешетили обрывистые берега рек своими норками-пещерками.

ЧТО ЖЕ В ГНЁЗДАХ?

А в гнёздах — яйца, у всех разные.

И неспроста разные у разных птиц.

У бекаса-куличка они все в пятнышках да в крапинках, а у вертиголовки — белые, чуть только розоватые.

А дело в том, что вертиголовкины яйца лежат в глубоком тёмном дупле, их и так не увидишь. А у бекаса — прямо на кочке, совсем открыто. Всякий бы увидал, если б они белые были. Вот они и выкрашены под цвет кочки — скорей наступишь, чем заметишь.

У диких уток тоже яйца почти белые, а гнёзда у

них на кочках — открытые. Зато уткам и приходится пускаться на хитрость. Когда утка сходит с гнезда, она выщипывает пух у себя на животе и прикрывает им яйца. Их и не видно.

А почему у бекаса такие заострённые яйца? Ведь вот у большого хищного сарыча они круглые.

Опять понятно: бекас-куличок — птичка маленькая, раз в пять меньше сарыча. Как же он высидит и прикроет своим тельцем такие большие яйца, если они не лягут так удобно — носок к носку, острыми концами вместе, — чтобы занимать как можно меньше места?

А почему у маленького бекаса такие же крупные яйца, как у большого сарыча?

На этот вопрос придётся ответить в следующем номере Лесной газеты, когда выклюнутся птенцы из яиц.

ИНТЕРЕСНОЕ РАСТЕНИЕ

Пруды уже начали затягиваться ряской. Некоторые говорят: тиной. Но тина тиной, а ряска ряской. Ряска — интересное растение. На другие не похожа. Маленький корешок и плавучая зелёная лепёшечка с продолговатыми выступами. Эти выступы — лепёшка-стебелёк и лепёшки-ве-

точки. Листьев у ряски нет. А вот цветы иногда появляются, но это случается очень, очень редко. Не нужны ряске цветы. Она размножается просто и быстро. Отломится от стебелька-лепёшки лепёшка-веточка — вот и стало из одного растения два.

Хорошо живётся ряске, вольно, ничто её к месту не привязывает. Проплывёт мимо утка, ряска к утиной лапе прилипнет. И перелетит на утке в другой пруд.

Н. Павлова

КАК ЛИСА БАРСУКА ИЗ ДОМА ВЫЖИЛА

У лисы случилась беда: обвалился в норе потолок и чуть лисенят не задавил.

Видит лиса: дело плохо, надо перебираться на другую квартиру.

Пошла к барсуку. У него нора знатная, сам копал. Входы-выходы, запасные отнорки на случай внезапного нападения.

Большая у него нора: могут и два семейства жить.

Попросилась лиса в жильцы — барсук не пускает. Он хозяин строгий: порядок любит и чистоту, чтоб нигде ни грязинки. Куда тут с ребятами пускать!

Прогнал лису.

«Ага, — думает лиса, — ты так! Ну, погоди же!»

Будто ушла в лес, а сама за кустики; сидит и ждёт.

Барсук выглянул: лисы нет, вылез из норы и пошёл в лес — улиток искать.

А лиса шмыг в норку, нагадила на полу, напачкала — и убежала.

Вернулся барсук — батюшки, вонь какая! Хрюкнул с досады и ушёл другую нору себе копать.

А лисе только того и надо.

Перетаскала лисенят, стала жить в удобной барсучьей норе.

ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

На лугах и полянах расцвели пурпуровые луговые васильки. Когда я их вижу, вспоминаю барбарис, потому что они так же, как и барбарис, могут показать маленький фокус.

Василёк не цветок — соцветие. И его красивые растрёпанные рогатые цветочки — пустоцветы. Настоящие цветы посередине. Это тёмно-пурпуровые трубочки. Внутри такой трубочки — пестик и фокусницы-тычинки.

Стоит только дотронуться до пурпуровой трубочки, она качнётся в сторону, а из её отверстия

вылезет комочек пыльцы.

Тронешь этот же цветочек ещё раз немного спустя, он опять качнётся и опять подаёт комочек пыльцы.

Вот и весь фокус!

Даром пыльца не разбрасывается, но отпускается порциями по первому требованию каждого насекомого. Бери, ешь, пачкайся, только перенеси хоть несколько пылинок на другой луговой василёк.

Н. Павлова

ХРАБРАЯ РЫБЁШКА

Мы уже рассказали, какое гнездо выстроил под водой колюшка-самец.

Когда постройка была кончена, он выбрал себе колюшку-самочку и привёл к своему дому. Рыбка вошла в двери, выметала икру и сейчас же убежала в другие двери.

Самец отправился за другой, потом за третьей и четвёртой, но все колюшки-самки удирали от него, оставив свои икринки ему на попечение.

И вот самец остался один сторожить дом, а в доме лежит целая кучка икринок.

В реке много любителей свежей икры. Бедному маленькому самцу-колюшке приходится

защищать своё гнездо от свирепых подводных чудовищ.

Недавно напал на гнездо прожорливый окунь. Маленький хозяин гнезда храбро кинулся в бой с чудовищем.

Он поднял все пять колючек — три на спине, две на брюшке — и ловко пырнул окуня в щёку.

Всё тело окуня покрыто крепкой бронёй, чешуёй, и только щёки у него голые.

Окунь испугался смелого малыша и убежал.

ВОЛОСАТИК

В реках, озёрах и прудах, даже просто в ямах-бочагах водится таинственное существо — волосатик. Старики говорят, что это — оживший конский волос. И будто во время купания он проникает человеку под кожу, начинает ходить там, причиняя нестерпимый зуд…

Волосатик и впрямь похож на чей-то грубый волос красно-бурого цвета. Ещё больше он похож на откушенный щипцами кусок проволоки. Он так твёрд, что, положи его на камень, ударь другим камешком, — ничего ему не сделается. При этом он всё время то разжимается, то сжимается, свивается в какую-то хитрую путаницу-клубок.

На самом деле волосатик — безобидный червь

без головы. Самка его набита яичками. Из её яичек выходят в воде крошечные личинки с роговым хоботком и крючочками. Они пристают к личинкам водяных насекомых, забираются в них и покрываются оболочкой. Тут им и конец, если их «хозяина» не проглотит какой-нибудь водяной паучок или насекомое. В теле нового «хозяина» личинка волосатика превращается в безголового червя, выходящего в воду на страх суеверным людям.

НЕБЕСНЫЙ СЛОН

По небу шла туча, тёмная, как слон. Время от времени она опускала к земле хобот. Тогда с земли столбушкой поднималась пыль, завихривалась, завихривалась, росла — соединялась с хоботом небесного слона. Получался высоченный — от земли до неба — крутящийся столб. Слон вбирал в себя этот столб — и мчался дальше по небу.

… Небесный слон набежал на маленький городишко — и повис над ним. Вдруг из него хлынул дождь. Но какой дождь — настоящий волшебный ливень! По крышам домов, по поднятым над головами зонтикам забарабанили — кто бы ты думал? — головастики, лягушата, маленькие рыбки! Забились, зашныряли в уличных лужах.

Потом оказалось, что слон-туча при помощи смерча — крутящегося с земли до неба вихря — напился воды из одного лесного озерка и с водой вобрал в себя головастиков, лягушат, рыбок. Промчался много километров по небу, сбросил на городок всю свою добычу — и понёсся дальше.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

1. С какого дня (по календарю) начинается лето и чем этот день замечателен?
2. Какая рыба вьёт гнездо?
3. Какой зверёк вьёт гнездо на траве и в кустах?
4. Какие птицы не вьют гнёзд, а выводят птенцов в ямке, в песке?
5. Какого цвета яйца у этих птиц?
6. Чем отличается (по виду) гнездо городской ласточки (воронок; хвост короткий) от гнезда деревенской ласточки (касатка; хвост вилочкой)?
7. Почему нельзя трогать руками яиц в гнёздах?
8. Какая птица делает в гнезде подстилку из рыбьих костей?
9. Почему гнёзда зяблика, щегла, пеночки-пере-

смешки так мало заметны на ветках?

10. Все ли птицы выводят птенцов один раз в лето?

11. Кто строит себе дом под водой из воздуха?

12. Детёнок ещё не родился, а уж отдан на воспитание. У кого это?

13. Летит орлица через тридевять земель, крылья распластала, солнышко застлала.

14. Лыко дерёт, а лаптей не носит.

15. Живёт без тела, говорит без языка; никто его не видел, а всяк слышал.

16. Не портной, а с иголками не расстаётся.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 5
МЕСЯЦ ПТЕНЦОВ (ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЛЕТА)

С 21 июля по 20 августа Солнце вступает в знак Льва

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

ИЮЛЬ — макушка лета — устали не знает, всё прибирает. Ржице-матушке к земле кланяться велит. Овёс уже в кафтане, а на гречe и рубашки нет.

Зелёные растения сделали из солнечного света своё тело. Золотистый океан спелой ржи и пшеницы запасаем мы себе впрок на весь год. Запасаем скотине сено: уж пали леса трав, встали горы стогов.

Примолкать начинают пичужки: им уж не до песен. Во всех гнёздах птенчики. Они родятся голенькими слепышами и долго нуждаются в заботах родителей. Но земля, вода, лес, даже воздух — всё полно сейчас корма для маленьких, достанет на всех!

В лесах всюду полно маленьких сочных плодов:

ягод земляники, черники, голубики, смородины; на севере — золотистой морошки… Луга сменили золотое своё платье на ромашковое: белый цвет лепестков отражает горячие солнечные лучи. Жизни творец — Ярило-солнце в эту пору не шутит: сжечь могут его ласки.

ЛЕСНЫЕ ДЕТЁНЫШИ

СКОЛЬКО У КОГО ДЕТЕЙ?

В большом лесу за городом Ломоносовом живёт молодая лосиха. У неё в этом году родился один лосёнок.

У орла-белохвоста гнездо в том же лесу. В гнезде два орлёнка.

У чижа, зяблика, овсянки — по пяти птенцов.

У вертиголовки — восемь. У ополовничка (долгохвостой синицы) — двенадцать.

У серой куропатки — двадцать. У колюшки в гнезде из каждой икринки вывелось по мальку-колюшонку, всего — сотня колюшат. У леща — сотни тысяч. У трески не перечесть: наверное, миллион мальков.

БЕСПРИЗОРНЫЕ

Лещ и треска совсем о своих детях не заботятся. Выметали икру и ушли. А ребятишки пускай сами, как знают, выводятся, живут и кормятся.

Да как же и быть, если у тебя сотни тысяч ребятишек? За всеми не усмотришь.

У лягушки всего одна тысяча ребят — и то она о них не думает.

Конечно, беспризорным нелегко живётся. Под водой много прожорливых чудовищ, и все они падки до вкусной рыбьей и лягушечьей икорки, до рыбёшек и лягушат.

Сколько гибнет рыбьих мальков и головастиков, сколько опасностей им грозит, пока они не вырастут в больших рыб и лягушек, — прямо подумать страшно!

ЗАБОТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ

Лосиха и все птицы-матери — вот уж по-настоящему заботливые родители.

Лосиха готова жизнь отдать за своего единственного детёныша. Попробуй напасть на неё хоть сам медведь: она так начнёт брыкаться и передними и задними ногами, так отделает его копытами, что в другой раз мишка и близко не сунется к лосёнку.

Нашим корреспондентам попался в поле куропаткин сын: из-под самых ног у них выскочил и помчался в траву прятаться.

Они его поймали, а он как пискнет! Откуда ни возьмись — мать-куропатка. Увидела сына в ру-

ках у людей — заметалась, заклохтала, на землю припала, крыло волочит.

Корреспонденты подумали: она раненая. Куропатчонка бросили, за ней погнались.

Куропатка ковыляет по земле — вот-вот рукой схватишь; но только руку протянешь — она в сторону. Гнались-гнались так за куропаткой, вдруг она крыльями захлопала, поднялась над землёй — и улетела как ни в чём не бывало.

Вернулись наши корреспонденты назад, за куропатчонком, а его и след простыл. Это нарочно мать раненой притворялась, отводила от сына, чтобы спасти его. Она за каждого своего детёныша так заступается: ведь у неё их всего только двадцать.

КОЛОНИЯ НА ОСТРОВЕ

На песчаной отмели острова живут на даче маленькие чайки.

По ночам они спят в песчаных лунках (ямках) — по трое в лунке. Вся отмель в лунках — такая большая колония чаек.

Днём они учатся летать, плавать и ловить мелкую рыбёшку под руководством старших.

Старые чайки учат и зорко охраняют своих ребят.

Когда приближается враг, они слетаются стаей

и кидаются на него с таким криком и гамом, что всякому страшно станет.

Даже громадный морской орёл-белохвост спешит удрать от них подальше.

КАКИЕ ВЫВЕЛИСЬ ПТЕНЦЫ У БЕКАСА И САРЫЧА?

Вот портрет маленького сарыча, только что вылупившегося из яйца. На носу у него белая шишечка. Это «яйцевой зуб». Им-то птенец и разбивает скорлупку, когда ему пора из яйца выходить.

Сарычонок вырастет и будет кровожадным хищником — грозой грызунов.

А сейчас он — забавный малыш, весь в пуху, полуслепой.

Он такой беспомощный, такой неженка: шагу ступить не может без папы и мамы. Он умер бы с голоду, если б они его не кормили.

А есть среди птенцов и боевые ребята: как только выклюнутся из яйца, сейчас вскочат на ножки — и пожалуйста: уж и пищу сами себе добывают, и воды не боятся, и от врагов сами прячутся.

Вот сидят два бекасёнка. Они только день как из яйца, а уж гнездо своё покинули и сами себе отыскивают червячков.

Потому и были у бекаса такие большие яйца,

что бекасята в них подрастать могут. (См. «Лесную газету» № 4.)

Куропаткин сын, о котором мы сейчас рассказывали, тоже боевой. Только что родился, а уж бежит со всех ног.

Вот ещё дикий утёнок — крохаль.

Он, как только на свет появился, сейчас же заковылял к речке, бултых в воду — и стал купаться. Он и нырять уже умеет и потягивается, приподнявшись на воде, — совсем как большой.

А пищухина дочь — ужасная неженка. Целых две недели в гнезде просидела, теперь вылетела и сидит на пне.

Вот как надулась: недовольна, что мать долго не летит с кормом.

Самой скоро уже три недели, а всё еще пищит и требует, чтобы мать запихивала ей в рот гусениц и другие лакомства.

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Из разных мест огромной нашей страны нам пишут о встречах с удивительной птичкой. Видели её в этом месяце и под Москвой и на Алтае, на Каме и на Балтийском море, в Якутии и в Казахстане.

Очень милая и нарядная птичка, похожая на те

яркие поплавки, что в городах продают молодым удильщикам. И такая доверчивая, что подойди хоть на пять шагов — так и будет плавать перед тобой у самого берега, нисколько не боится.

Все другие птицы сейчас на гнёздах сидят или птенцов водят, а эти соберутся в стайки и путешествуют по всей стране.

Удивительно, что эти яркие красивенькие птички — самочки. У всех других птиц самцы ярче, красивее самок, а у этих наоборот: самцы серенькие, а самки пёстрые.

Ещё удивительнее, что эти самочки совсем не заботятся о своих детях. Далеко на севере, в тундре, они снесли яички в ямку — и до свидания! А самцы остались там высиживать яйца, кормить и беречь птенцов.

Всё шиворот-навыворот!

Зовётся эта птичка куличок-плавунчик круглоносый.

Встретить её можно всюду: сегодня здесь, а завтра там.

СТРАШНЫЙ ПТЕНЧИК

У тоненьких, нежных трясогузок в гнезде вывелось шесть крошечных голых птенчиков. Пятеро — птенцы как птенцы, а шестой — урод: весь

какой-то грубый, жилистый, большеголовый, закрытые плёнкой глаза навыкат, а клювик откроет — отшатнёшься: там целая пасть разверзнется — прорва.

Первый день он пролежал в гнезде спокойно. Только когда трясогузки подлетали с кормом, с трудом поднимал свою тяжёлую толстую голову, слабо пищал и разевал рот: кормите!

На другой день в утреннем холодке, когда родители улетели за кормом, он зашевелился. Он опустил голову, упёрся ею в пол гнезда, широко расставил ноги и начал пятиться.

Наехал задом на братишку-птенчика и начал подкапываться под него. Закинул назад свои кривые голые культяпки-крылышки, обхватил ими братишку, сжал, как клешнями, и с птенчиком на закорках всё задом, задом стал подвигаться к стенке.

В ямке на конце его спины братишка-птенчик — маленький, слабый, слепой — барахтался, как в ложке. А урод, упираясь головой и ногами, поднимал его всё выше и выше, пока птенчик не оказался у самого края.

Тогда, весь напрягшись, урод вдруг резко вскинул задом — и птенчик полетел из гнезда.

Гнездо трясогузок было в обрыве над берегом

речки.

Крошечный голый трясогузёнок шлёпнулся внизу о гальку — и разбился насмерть.

А злой урод, сам чуть не вывалившись из гнезда, покачался, покачался на краю его, но толстая голова перевесила — и он свалился назад в гнездо.

Всё это страшное дело длилось две-три минуты.

Потом урод, обессиленный, с четверть часа неподвижно лежал в гнезде.

Прилетели родители. Он поднял на жилистой шее свою тяжёлую слепую голову и, как ни в чём не бывало, разинул рот, запищал — кормите!

Поел, отдохнул — и принялся подъезжать под другого братишку.

С этим ему не удалось так легко справиться: птенчик сильно барахтался и скатывался с его спины. Но урод не унимался.

И через пять дней, когда у него прорезались глаза, он увидел, что лежит один в гнезде: всех пятерых птенчиков-братьев он выкинул прочь и убил.

Только на двенадцатый день от рождения он наконец покрылся перьями — и тогда стало ясно, что трясогузки на горе себе выкормили подкидыша — кукушонка.

Но пищал он так жалостно, так похоже на их собственных погибших детей, так умильно, дрожа крылышками, просил есть, что тонкие, нежные птички не могли ему отказать, не могли бросить его умирать с голоду.

Сами живя впроголодь, в хлопотах не успевая наесться досыта, они с восхода до захода солнца таскали ему жирных гусеничек и, нырнув головой в его широкую пасть, совали еду в его прожорливое горло-прорву.

К осени они его выкормили. Он улетел от них и больше никогда в жизни не встретился с ними.

ЯГОДЫ

Поспело много разных ягод. В садах собирают малину, красную и чёрную смородину и крыжовник.

Малину находят и в лесу. Она растёт зарослью. Не проберёшься, не поломав её хрупких стеблей. Всё потрескивают под ногами. Но для малины это не убыток. Эти стебли, на которых сейчас висят ягоды, проживут только до зимы. А вот их смена. Вот сколько вылезло из-под земли от корневища молодых стебельков. Мохнатые, все усеяны шипками. На будущее лето наступит их очередь цвести и растить ягоды.

По кустарникам и кочкам, на вырубках около пней созревает брусника, ягодки уже с красным бочком.

Они у брусники кучками на верхушках стеблей. На некоторых кустиках эти кучки такие крупные, плотные, тяжёлые, пригнулись и лежат на мху.

Хотелось бы выкопать такой кустик, пересадить к себе и ухаживать — станут ли ягоды ещё крупнее? Но пока ещё брусника «в неволе» не удаётся. А она интересная ягода. Её ягоды можно хранить для еды всю зиму, только залить кипячёной водой или потолочь, чтобы выступил сок.

Отчего она не гниёт? Сама себя законсервировала. В ней есть бензойная кислота. А бензойная кислота не даёт ягодам гнить.

Н. Павлова

КУПАНИЕ МЕДВЕЖАТ

Наш знакомый охотник шёл берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица, с ней два весёлых медвежонка и пестун — её годовалый сын, медвежья нянька.

Медведица села.

Пестун схватил одного медвежонка зубами за

шиворот и давай окунать его в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но пестун не выпускал его, пока хорошенько не выполоскал в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Пестун догнал его, надавал шлепков, а потом — в воду, как первого.

Полоскал, полоскал его, да ненароком и выронил в воду. Медвежонок как заорёт! Тут в один миг подскочила медведица, вытащила сынишку на берег, а пестуну таких плюх надавала, что он, бедный, взвыл.

Очутившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный и им было очень жарко в густых, лохматых шубках. Вода хорошо освежила их.

После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошёл домой.

КОШКИН ВЫКОРМЫШ

У нашей кошки весной родились котята, но их у неё отняли. Как раз в этот день мы поймали в лесу маленького зайчонка.

Мы взяли и подложили его кошке. У кошки было очень много молока, и она охотно стала

кормить зайчонка.

Так зайчонок и вырос на кошкином молоке. Они очень подружились и даже спят всегда вместе.

Смешней всего, что кошка научила зайчонка-приёмыша драться с собаками. Как только собака забежит к нам на двор, кошка бросается на неё и яростно царапает. А следом за ней подбегает заяц и так барабанит передними лапами, что у собаки шерсть клочьями летит. Все собаки кругом боятся нашей кошки и её выкормыша-зайца.

ФОКУС МАЛЕНЬКИХ КРУТИГОЛОВОК

Наша кошка увидела на дереве дупло и подумала, что там гнездо какой-нибудь птички. Она захотела съесть птенчиков, полезла на дерево, просунула голову в дупло и видит: на дне дупла гадючата копошатся-извиваются. Да как зашипят! Кошка струсила, прыг с дерева, только бы ноги унести!

А в дупле-то были совсем не гадючата, а птенцы крутиголовки (вертишейки). Это у них фокус такой, чтоб от врагов защищаться: головами крутят, шеями вертят — шейки у них, как змейки, извиваются. Да при этом они ещё и шипят по-гадючьи. Ядовитых-то гадюк всякий боится. Вот

маленькие крутиголовки и подражают гадюке, чтобы врагов напугать.

ОСТАВИЛИ С НОСОМ

Большой сарыч высмотрел тетёрку с целым выводком жёлтеньких пушистых тетеревят.

«Вот, — думает, — пообедаю».

Он уже нацелился было ударить по ним сверху, да тут тетёрка заметила его.

Она крикнула — и все тетеревята в один миг исчезли. Сарыч глядел-глядел — нет ни одного, как сквозь землю провалились! Полетел другую добычу искать себе на обед.

Тогда тетёрка опять крикнула — и кругом неё повскакали на ножки жёлтенькие пушистые тетеревята. Никуда они не проваливались, а тут же и лежали, плотно прильнув к земле. Поди-ка отличи их сверху от листьев, травы и комков земли!

ХИЩНЫЙ ЦВЕТОК

Летал-летал комарик в лесу над болотом — и устал, пить захотел. Видит: цветок; стебелёк зелёный, наверху — маленькие белые колокольчики, внизу — круглые багровые листочки розеткой

кругом стебля. На листочках — реснички, на ресничках блестят светлые капельки росы.

Комарик сел на листочек, опустил нос в капельку, а капелька-то липкая, клейкая, влип комариный нос.

Вдруг реснички все зашевелились, потянулись, как щупальца, схватили комарика. Закрылся круглый листочек — и нет комара.

А когда потом опять раскрылся листочек, упала на землю пустая комариная шкурка: цветок выпил всю комариную кровь.

Это страшный цветок, хищный цветок — росянка. Он ловит маленьких насекомых и ест их.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ПЯТОЕ

1. Когда у птиц бывает зуб?
2. В какое время года хищным зверям и птицам сытней всего живется?
3. Кто дважды родится, один раз умирает?
4. Кто трижды родится, прежде чем стать взрослым?
5. Отчего говорят: «как с гуся вода»?
6. Птенцы какой птицы не знают своей матери?

7. Птенцы какой птицы шипят из дупла, как змеи?

8. Какая рыба заботится о своих детях, пока они не вырастут?

9. Куда «лицом» обращена головка подсолнечника в полдень?

10. Есть ли у нас хищные растения?

11. Ходит тур по горам, а туриха по межам; тур крикнет, а туриха мигнет.

12. Утром поле голубое, за полдень зелёное.

13. Стоят старички красношапочники. Кто подойдёт, тот и поклонится.

14. Сидит на палочке в красной рубашке, брюшко светлое, камешками набито.

15. Спит на земле, а утром исчезает.

16. Кто в лесу без топоров строит избу без углов?

17. Глаза на рогах, а дом на спине.

18. Цветы ангельские, а когти дьявольские.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 6
МЕСЯЦ СТАЙ (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ЛЕТА)

С 21 августа по 20 сентября
Солнце вступает в знак Девы

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

Август — зарник. Ночью беззвучно озаряют леса быстрые зарницы.

Последний раз летом луга меняют наряд: теперь он пёстрый, цветы по нему всё больше тёмные — синие, лиловые. Начинает слабеть солнце-Ярило, надо собирать, хранить его прощальные лучи.

Поспевают крупные плоды: овощи, фрукты. Поспевают и поздние ягоды: брусника; зреет клюква на болоте, на дереве — рябина.

Нарождаются старички — те, что не любят жаркого солнца, те, что прячутся от него в прохладной тени, — грибы. А деревья перестают расти и толстеть.

НОВЫЕ ЛЕСНЫЕ ОБЫЧАИ

Лесные ребятишки подросли и вылезли из

гнёзд.

Птицы, что весной жили каждая пара на своём участке, кочуют теперь с ребятишками по всему лесу.

Лесные жители ходят в гости друг к другу.

Даже хищные звери и птицы не так строго охраняют свои охотничьи участки. Дичи везде много. На всех хватит.

Куница, хорёк, горностай бродят по всему лесу — и всюду им лёгкая пожива: глупые птенчики, неопытные зайчата, неосторожные мышата.

Певчие птицы сбиваются в стайки, странствуют по кустам и деревьям.

В стае свой обычай.

Обычай такой:

ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО

Кто первый увидал врага, должен пискнуть или свистнуть — предупредить всех, чтобы стая успела броситься врассыпную. Если один попал в беду, стая поднимает крик и гам на страх врагам.

Сто пар глаз и сто пар ушей сторожат врага, сто клювов готовы отразить нападение. Чем больше выводков примыкает к стае, тем лучше.

Для ребят в стае существует закон: во всём подражай старшим. Старшие спокойно клюют зёрнышки — и ты клюй. Старшие головы подня-

ли и не шевелятся — и ты замри. Старшие наутёк — и ты наутёк.

УЧЕБНЫЕ ПЛОЩАДКИ

А у журавлей и тетеревов для молодёжи настоящие учебные площадки.

У тетеревов — в лесу. Соберутся молодые косачи и смотрят, что старый токовик станет делать.

Токовик забормочет, и молодые забормочут. Токовик чуффыкнет, и молодые зачуффыкают — тоненькими голосами.

Только теперь уж токовик не так бормочет, как весной. Весной бормотал: «Продам шубу, куплю балахон». А теперь: «Продам балахон, продам балахон, куплю шубу».

Молодые журавли прилетают на площадку отрядами. Учатся держаться на лету правильным строем — треугольником. Этому нужно выучиться, чтобы беречь силы при полёте на далёкие расстояния.

Первым в треугольнике летит самый сильный старый журавль. Ему, как передовому, труднее рассекать воздух.

Когда он устанет, он переходит в хвост отряда, а его место занимает другой, со свежими силами.

За передовыми — голова к хвосту, голова к хвосту, — в такт махая крыльями, летят молодые.

Кто сильнее — впереди, послабее — сзади. Волны воздуха бегут от угла треугольника, точно лодка носом режет воду.

ПАУЧКИ-ЛЁТЧИКИ

Крыльев нет — как полетишь?

А вот (надо же ухитриться!) превратились некоторые паучки в пилотов-воздухоплавателей.

Паучок из брюшка выпустит тонкую паутинку, зацепит её за куст, ветер её подхватит, туда-сюда рвёт, а разорвать не может: она крепкая, как шелковинка.

Паучок на земле сидит. Паутинка между землёй и веткой в воздухе вьётся. Паучок сидит и мотает паутинку. Сам спутается — весь как в шёлковом шарике, — а паутинку всё больше отпускает.

Паутинка становится всё длиннее — ветер её сильнее рвёт.

Паучок ногами за землю держится, крепко вцепился.

Раз, два, три! — пошёл паучок против ветра. Откусил прицепленный конец. Рвануло порывом, оторвало паучка от земли. Полетели. Живей разматывай паутинку!

Поднимается воздушный шарик… Летит высоко над травой, над кустами.

Пилот глядит сверху: где бы спуститься?

Лес внизу, речка. Дальше, дальше!

Вот какой-то дворик, мухи вьются над кучей навоза. Стоп! Вниз!

Пилот паутинку под себя сматывает, катает лапками в шарик. Воздушный шарик всё ниже, ниже… Готово: посадка!

Кончиком паутинки зацепился за травку — приземлился!

Тут можно спокойно зажить своим домком.

Когда много таких паучков и их паутинок летает по воздуху — а это бывает осенью в хорошую сухую погоду, — в деревнях говорят: настало бабье лето. Серебрятся седые волосы осени…

НАКРЫЛИ РАЗБОЙНИКА

Жёлтенькие пеночки стайкой кочевали по лесу. С дерева на дерево, с куста на куст. Каждое дерево, каждый куст облазят, обшарят снизу доверху. Где червячка, где жучка, бабочку найдут под листом, на коре, в скважине — всё подберут, вытащат.

«Тюить! Тюить!» — тревожно пискнула одна из птичек. Все сразу насторожились и увидели: внизу, прячась между корнями деревьев, то мелькая тёмной спиной, то исчезая в валежнике, крадётся

хищный горностай. Его узкое тело извивается змеей, злые глазки сверкают в тени, как искры.

«Тюить! Тюить!» — запищали со всех сторон, и вся стайка поспешно снялась с дерева.

Хорошо, когда светло. Кто-нибудь да заметит врага, и все спасутся. А ночью прикорнут птички под ветвями, спят. Но не спят враги. Бесшумно раздвигая воздух мягкими крыльями, подлетит сова, высмотрит — и цоп! Брызнут во все стороны перепуганные сонные малыши, а двое-трое из них бьются в железных крючьях разбойника. Плохо, когда темно!

С дерева на дерево, с куста на куст пробирается стайка всё дальше в глубь леса. Шмыгают лёгкие птички по всей листве, в самые таинственные уголки забираются.

В середине чащи — толстый пень. На пне — уродливый древесный гриб.

Одна пеночка подлетела совсем близко к нему: нет ли тут улиток?

Вдруг серые веки гриба медленно поднялись. Два круглых глаза зажглись под ними.

Только тут разглядела пеночка круглое, как у кошки, лицо и на нём хищно загнутый клюв.

Испуганно шарахнулась в сторону. «Тюить! Тюить!» — переполошилась стайка. Но никто не

улетает. Все собираются вокруг страшного пня:

«Сова! Сова! Сова! На помощь! На помощь!»

Сова только сердито щёлкнула клювом: «Нашли-таки! Поспать не дадут хорошенько!»

А уж со всех сторон слетаются мелкие птахи на тревожный сигнал пеночек.

Накрыли разбойника!

Крошечные желтоголовые королькиспустились с высоких елей. Бойкие синицы выскочили из кустов и смело кинулись в атаку; так и вьются, так и кружат перед самым носом у совы, насмешливо кричат ей:

«Ну-ка, тронь, ну-ка, поймай, догони, схвати! Попробуй-ка при солнышке, подлая ночная разбойница!»

Сова только клювом щёлкает и хлопает глазами: днём что она может сделать?

А птицы всё прибывают и прибывают. Писк и шум пеночек и синиц привлёк в чащу целую стаю смелых и сильных лесных ворон — голубокрылых соек.

Перепугалась сова, взмахнула крыльями — и наутёк! Уноси ноги, пока цела; забьют сойки клювами.

Сойки за ней. Гнались, гнались, пока совсем из лесу не выгнали.

Будут эту ночь спокойно спать пеночки: после этакой трёпки сова не скоро решится вернуться на старое место.

МЕДВЕЖЬЯ БОЛЕЗНЬ

Вечером поздно возвращался охотник из леса в деревню. Дошёл до овсяного поля, глядит: что такое там, в овсе, тёмное ворочается?

Скотина разве забрела куда не следует?

Пригляделся — батюшки, медведь в овсе! Лежит на брюхе, передними лапами загрёб колосья в охапку, поджал под себя и сосёт. Развалился, посапывает от удовольствия; видно, по вкусу ему овсяное молочко.

У охотника пули с собою не случилось. Дробь одна мелкая (на птицу ходил). Да парень храбрый был.

«Эх, — думает, — была не была: пальну в воздух. Не давать же Топтыгину колхозников разорять. Если не ранить, он не тронет».

Приложился — как бахнет над самым ухом зверя!

Мишка от неожиданности как подскочит! У края полосы тут хвороста куча была, так мишка через неё птицей перемахнул.

Кубарем, через голову, опять на ноги — и в лес

без оглядки.

Посмеялся охотник над мишкиной храбростью и домой пошёл.

А наутро думает: «Дай погляжу, много ли Топтыгин овса намял на полосе?» Пришёл на место и видит: с перепугу у мишки живот расстроился — так след и тянется в лес.

МЕТЕЛИЦА

Вчера над озером у нас разыгралась метелица. Лёгкие белые хлопья носились в воздухе, опускались к воде, опять поднимались, кружились, сыпались с высоты. Небо было ясное. Солнце пекло. Жаркий воздух тихонько струился под его раскалёнными лучами; ветра и в помине не было. Но над озером бушевала метелица.

А утром сегодня всё озеро и его берега усыпаны хлопьями сухого мёртвого снега.

Странный это снег: он не тает под горячим солнцем, не сверкает искринками под его лучами; он тёплый и хрупкий.

Мы пошли посмотреть его и, когда подошли к берегу, увидели, что это не снег совсем, а тысячи, тысячи маленьких крылатых насекомых — подёнок.

Вчера они вылетели из озера. Целых три года

они жили в тёмной глубине. Они были тогда безобразными маленькими личинками и копошились в иле на дне озера.

Питались они гнилой, вонючей тиной и никогда не видели солнца.

Так прошло три года — целая тысяча дней.

И вот вчера личинки вылезли на берег, скинули с себя отвратительные шкурки-личины, расправили лёгкие крылышки, распустили хвосты — три тонкие длинные ниточки — и поднялись в воздух.

Один только день дан подёнкам, чтобы радоваться и плясать в воздухе. Поэтому и зовут их ещё однодневками.

Весь день они плясали в солнечных лучах, носились и кружились в воздухе, как лёгкие хлопья снега. Самочки опускались на воду и роняли в воду крошечные свои яички.

Потом, когда зашло солнце и настала ночь, мёртвые тельца однодневок усеяли берег и воду.

Из яичек подёнок выйдут личинки. И опять пройдёт тысяча дней в мутной глубине озера, пока не взлетят над водой весёлые крылатые однодневки.

СЪЕДОБНЫЕ ГРИБЫ

После дождей опять пошли грибы.

Самый лучший гриб — это белый, который вырос в бору.

Белые грибы — боровики — толстенькие, плотные крепыши. Шляпки у них тёмно-каштановые. И пахнет от них как-то особенно приятно.

По лесным дорогам среди низенькой травки, иногда прямо в колее, растут масленики. Они хороши, когда ещё молоды, похожи на клубочек. Хороши, но уж очень слизкие, и всегда к ним что-нибудь прилипнет: то лист сухой, то травинки.

В том же бору на лужайках — рыжики. Очень рыжие эти боровые рыжики, издалека увидишь. И много же их тут! Старые чуть не с блюдечко, шляпки продырявлены червями, пластинки позеленели. Лучше всего средние, чуть побольше пятака. Эти крепкие, шляпка у них посередине вогнута, а по краям — подвёрнута.

Много грибов и в еловом лесу. И белые грибы растут под ёлками, и рыжики, но тут они другие, чем в бору. У белых грибов шляпка светлая, желтоватая, ножка тоньше и выше. А рыжики раскрашены уже совсем по-другому, чем в бору, — не рыжая у них сверху шляпка, а синева-

то-зеленоватая и по ней кружки, как на пне.

Под берёзками, осинами — свои грибы. Так и называются — берёзовики и подосиновики. Но берёзовик вырастет и вдали от берёзки, а уж подосиновик крепко связан с осиной. Красивый гриб подосиновик, стройный, аккуратненький.

Н. Павлова

ПОГАНКИ

Поганок тоже после дождей развелось немало. У съедобных грибов главный — белый. У поганок — бледная поганка. Берегитесь её! В ней содержится самый сильный из всех грибных ядов. Съеденный кусочек бледной поганки — сильнее укуса змеи. Он смертелен. Редко кто выздоравливал, отравившись этим грибом.

По счастью, узнать бледную поганку нетрудно. От всех съедобных грибов она отличается тем, что ножка у неё будто вылезает из горлышка широкого горшочка. Говорят, бледную поганку можно спутать с шампиньоном (у обоих шляпки белые), но у шампиньона ножка как ножка — никто не подумает, что она вставлена в горшочек.

Больше всего бледная поганка походит на мухомор. Её даже называют иногда белым мухомором.

И если нарисовать её карандашом — не угадать, мухомор это или она. Так же, как у мухомора, на шляпке белые обрывочки, а на ножке — воротничок.

Есть ещё две опасных поганки, их можно принять за белый гриб. Называют эти ядовитые грибы: жёлчный и сатанинский.

Отличаются они от белого гриба тем, что у них нижняя сторона шляпки не белая или желтоватая, как у белого гриба, а розовая или даже красная. И потом, если разломить шляпу белого гриба, она останется белой, а разломленные шляпки жёлчного и сатанинского грибов вначале покраснеют, потом почернеют.

Н. Павлова

КНЯЗЁК

На середину озера опустилась стая кряковых уток.

Следя за ними с берега, я с удивлением заметил среди однообразно-серых в летнем пере селезней и уток одну бросающегося в глаза светлого цвета. Она держалась в самой середине стаи.

Подняв бинокль, я хорошо рассмотрел её во всех подробностях. Вся она от клюва до хвоста была бледно-палевого цвета. Когда из-за тучи вы-

ходило яркое утреннее солнце, она вспыхивала вдруг нестерпимо яркой белизной, резко выделяясь среди своих тёмно-серых товарок. Во всём остальном она нисколько от них не отличалась.

За пятьдесят лет охоты я впервые видел перед собой утку-альбиноса, или, как альбиносов-птиц и зверей называет народ, князька. У этих животных не хватает пигмента — красящего вещества в крови; они родятся и остаются на всю жизнь совсем белыми или только слегка окрашенными, лишёнными столь спасительной в природе, так называемой покровительственной, или защитной, окраски, делающей их малозаметными там, где они живут.

Конечно, мне страстно захотелось добыть эту редчайшую птицу, каким-то чудом уцелевшую от когтей хищников. Но сейчас это было просто невозможно: стая уток для того и садится отдыхать на середину озера, чтобы к ним нельзя было подобраться на выстрел. И я совсем потерял покой: пришлось ждать случая, когда князёк попадётся мне где-нибудь у берега.

И такой случай подвернулся скорее, чем я ожидал.

Я шёл по берегу узмени — узкого залива озера. Вдруг из травы вырвалось несколько крякв и сре-

ди них — князёк. Я выстрелил в него навскидку. Но в самый момент выстрела одна из серых уток заслонила собой белую. И упала, сражённая моей дробью. А князёк умчался с остальными.

Была ли это случайность? Несомненно! Но я видел этого князька в то лето ещё несколько раз на середине озера и в заливах, но всегда в сопровождении нескольких уток, как бы под их конвоем. И естественно, что дробь охотника невольно принимали на себя обыкновенные серые утки, а князёк под их защитой улетал цел и невредим.

Мне, по крайней мере, так и не удалось добыть его.

Было это на озере Пирос — на самой границе Новгородской и Калининской (ныне Тверской. — *Прим. ред.)* областей.

В. В.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ШЕСТОЕ

1. Какие звери летают?

2. Что делают мелкие птички, когда днём заметят сову?

3. Когда и как летают пауки?

4. У какого насекомого (взрослого) нет рта?

5. Почему стрижи и ласточки в хорошую погоду летают высоко, а в сырую — над самой землёй?

6. Как узнать о приближении дождя, наблюдая муравейник?

7. Какой страшный хищный зверь падок до малины?

8. Где летом лучше всего наблюдать следы птиц?

9. Что такое «чёртов табачок»?

10. Серёдка на дворе, голова на столе, ноги на поле.

11. Лежит мужичок в золотом кафтане, подпоясан поясом, встать не может — люди поднимают.

1. Никто не пугает, а вся дрожит.

2. Что за трава, которую слепые знают?

3. Выпуча глаза сидит, не по-русски говорит; родилась в воде, а живёт на земле.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 7
МЕСЯЦ ПРОЩАНИЯ С РОДИНОЙ
(ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ)

С 21 сентября по 20 октября Солнце вступает в знак Весов

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

СЕНТЯБРЬ — хмурень, ревун. Всё чаще начинает хмуриться небо, ревёт ветер. Подошёл первый месяц осени.

У осени своё рабочее расписание, как у весны, только наоборот. Она начинает с воздуха. Высоко над головой исподволь начинает желтеть, краснеть, буреть лист на деревьях. Как только листьям станет не хватать солнышка, они начинают вянуть и быстро теряют свой зелёный цвет. В том месте, где черешок сидит на ветке, образуется дряблый поясок. Даже в безветренный, совсем тихий день вдруг оборвётся с ветки тут — жёлтый берёзовый, там — красный осиновый лист и, легко покачиваясь в воздухе, бесшумно скользнёт по земле.

Когда, проснувшись утром, первый раз уви-

дишь на траве изморозь, запиши у себя в дневнике: «Началась осень». С этого дня, вернее с этой ночи, потому что первый заморозок всегда бывает под утро, всё чаще будут срываться листья с ветвей, пока не задуют ветры-листодёры, не сорвут с леса весь роскошный летний наряд.

Исчезли стрижи. Ласточки и другие летовавшие у нас перелётные собираются в стаи — и незаметно, по ночам, отбывают в дальний путь. Воздух пустеет. И холодеет вода: больше уж не тянет купаться…

И вдруг — как память о красном лете — устанавливается вёдро: тёплые, ясные, тихие дни. В спокойном воздухе летят, серебрятся длинные паутинки… И радостно блестит в полях свежая молодая зелень.

— Бабье лето стаёт, — улыбаясь, говорит народ в деревнях, с любовью поглядывая на жизнерадостную озимь.

В лесу всё готовится к долгой зиме, вся будущая жизнь надёжно прячется, тепло укутывается — все заботы о ней прерваны до весны.

Одни зайчихи никак не могут успокоиться, всё еще не могут помириться, что лето прошло: опять принесли зайчат! Листопадничков. Появились тонконожки-опёнки: лето кончилось.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Уж сильно поредела на берёзах листва. Сиротливо качается на голом стволе давно покинутый хозяевами домик — скворечня.

Вдруг — что такое? — подлетели два скворца. Самочка скользнула в скворечню, деловито копошится в ней. Самец сел на веточку, посидел, поглядел по сторонам… и запел! Но тихонько запел, будто про себя.

Вот кончил. Самочка вылетела из скворечни — скорей назад, к стае. И он за ней. Пора, пора: не сегодня-завтра в путь далёкий.

Простились с домиком, где летом вывели ребят.

Они его не забудут и весной опять поселятся в нём.

ПОСЛЕДНИЕ ЯГОДЫ

На болотах поспела клюква. Она растёт на торфяных кочках, и ягоды лежат прямо на мху. Ягоды-то видны издалека, а вот на чём они растут, незаметно. Только присмотришься поближе, увидишь, что по моховой подушке протянуты тонкие, как нити, стебельки. На них в обе сторо-

ны маленькие жёсткие блестящие листики.

Вот и весь кустарничек!

Н. Павлова

БИТВА ЛЕСНЫХ ВЕЛИКАНОВ

На вечерней заре в лесу раздаётся глухой короткий рёв. Из чащи выходят лесные великаны — громадные рогатые самцы-лоси. Глухим, будто из утробы, рёвом они вызывают противника на битву.

Бойцы сходятся на поляне. Они роют землю копытами и грозно потрясают тяжёлыми рогами. Глаза их наливаются кровью. Они кидаются друг на друга, наклонив рогатые головы, с треском и грохотом сталкиваются рогами, сцепляются. Налегают всей тяжестью громадного тела и стараются свернуть противнику шею.

Расходятся — и снова бросаются в бой, пригибаются к земле, вздымаются на дыбы, бьют рогами.

Стук и гром стоят в лесу от ударов тяжёлых рогов. Недаром самцов-лосей зовут сохатыми: рога у них широкие и громадные, как сохи.

Бывает — побеждённый противник поспешно бежит с поля битвы. Бывает — падает под смертоносными ударами страшных рогов с переломленной шеей, истекая кровью. Ударами

острых копыт победитель добивает противника.

И опять могучий рёв оглашает лес. Сохатый трубит победу.

В глубине леса ждёт его безрогая лосиха. Победитель становится хозяином этих мест.

Ни одного сохатого он не допустит в свои владения. Даже молоденьких самцов он не терпит, прогоняет их прочь.

И грозно звучит далеко окрест его глухой рёв.

Замирает вдали звонкий гогот перелётных, а в глубине каменного двора мечутся давно отвыкшие от полёта домашние гуси и утки.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Почти каждую ночь на окраинах города тревога.

Заслышав шум на дворе, люди соскакивают с кроватей, высовывают головы в окна. Что такое, что случилось?

Внизу, во дворе, громко хлопают крыльями птицы, гогочут гуси, кричат утки. Уж не напал ли на них хорёк, не пробралась ли во двор лисица?

Но какие же лисы и хорьки в каменном городе, за чугунными воротами домов?

Хозяева осматривают двор, осматривают птичники. Всё в порядке. Никого нет, никто не мог

пробраться за крепкие замки и засовы. Просто, верно, дурной сон приснился птицам. Вот они уже и успокаиваются. Люди ложатся в постели, засыпают спокойно.

А через час опять гогот и кряканье. Переполох, тревога. Что такое? Что там опять?

Открой окно, притаись и слушай. В чёрном небе мерцают золотые искры звёзд. Всё тихо.

Но вот словно чья-то неуловимая тень скользит вверху, по очереди затмевая золотые небесные огоньки. Слышится лёгкий прерывистый свист. Неясные голоса звучат с высокого ночного неба.

Мгновенно просыпаются дворовые утки и гуси. Давно, казалось, забывшие волю птицы в смутном порыве бьют крыльями по воздуху. Они приподнимаются на лапках, вытягивают шею, кричат, кричат горестно и тоскливо.

С высокого чёрного неба им отвечают призывом вольные, дикие сестры. Над каменными домами, над железными крышами тянут стая за стаей крылатые странники. Свистят утиные крылья. Звенит гортанная перекличка диких гусей и казарок.

— Го! го! го! В дорогу, в дорогу! От холода и голода! В дорогу, в дорогу!

Замирает вдали звонкий гогот перелётных, а в

глубине каменного двора мечутся давно отвыкшие от полёта домашние гуси и утки.

ОСЕННИЕ ГРИБЫ

Грустно сейчас в лесу, голо, сыро пахнет прелой листвой. Одна отрада — опёнки. Весело на них смотреть. Громоздятся кучками на пнях, влезли на стволы деревьев, рассыпались по земле, будто бродят здесь в одиночку, оторвавшись от стада.

Весело смотреть и приятно собирать; в несколько минут наберёшь корзинку. А ведь собираешь только шляпки, да и то с выбором.

Очень хороши маленькие опята, у которых шляпка еще натянута, как чепчик у ребёнка, а под ней белый шарфик. Потом она отстанет и будет настоящей шляпкой, а шарфик превратится в воротничок.

Вся шляпка в махорчатых чешуйках. Какого она цвета? Трудно определить точно, но это приятный, спокойный буроватый цвет. А пластинки под шляпкой у молодых опят белые, у старых чуть желтоватые.

А замечали, когда шляпки старых грибов наползают на молоденькие, те точно напудрены? Думаешь: «Не плесень ли на них выросла?» Но вспомнишь: «Это же споры!» Насыпались из-под

старых шляпок.

Хочешь есть опёнки — твердо знай все их приметы. Часто, очень часто на рынок вместо опят приносят ядовитые поганки. Есть похожие и тоже растут на пнях. Но у всех этих поганок под шляпкой нет воротничка, на шляпке нет чешуек, цвет шляпки яркий, жёлтый или красноватый, пластинки жёлтые или зеленоватые, а споры тёмные.

Н. Павлова

ПРЯЧУТСЯ...

Холодно становится, холодно! Прошло красное лето... Стынет кровь, вялыми становятся движения, одолевает дремота.

Хвостатый тритон всё лето прожил в пруду, ни разу не вылезал из него. Теперь вскарабкался на берег, побрёл в лес. Нашёл гнилой пень, скользнул под кору, свернулся там в клубочек.

Лягушки, наоборот, скачут с берега в пруд. Ныряют на дно, забиваются поглубже в тину, в ил. Змеи, ящерицы прячутся под корни, зарываются в тёплый мох. Рыбы стаями громоздятся в омутах, в глубоких подводных ямах.

Забрались в щёлочки, скважинки коры, в трещины стен и заборов бабочки, мухи, комары,

жуки. Муравьи закупорили все ворота, все входы-выходы своего высокого стовратного города. Забрались в самую глубину его, жмутся там в кучи, потесней — застывают так.

Голодно становится, голодно!

Холод не так страшен тем животным, у которых кровь горячая, — зверям, птицам. Лишь бы пища была: поел — словно печечку в себе затопил. Но с холодом приходит и голод.

Скрылись бабочки, мухи, комары — и нечего стало есть летучим мышам. Они прячутся в дупла, в пещеры, в расселины скал, под крышу на чердаках. Повисают там вниз головой, прицепившись за что-нибудь коготками задних лапок. Запахиваются, как плащом, своими крыльями — засыпают.

Скрылись лягушки, жабы, ящерицы, змеи, улитки. Спрятался ёж в своё травяное гнездо под корнями. Барсук реже выходит из норы.

ОТЛЁТ ПТИЦ НА ЗИМОВКИ

ОСЕНЬ С НЕБА

Взглянуть бы на бескрайнюю нашу страну с неба. Осенью. Подняться на стратостате выше леса стоячего, выше облака ходячего — километров бы на тридцать над землёй. Конца-края

нашей земли всё равно не увидишь, но овидь — что видно кругом — оттуда огромная. Если, конечно, небо чистое, не закрывает землю от глаз сплошная туча — оболочина.

И покажется с такой высоты, что вся наша земля в движении: что-то движется над лесами, степями, горами, морями…

Это — птицы. Бесчисленные птичьи стаи.

Наши перелётные покидают родину — летят на зимовки.

Некоторые, конечно, остаются: воробьи, голуби, галки, снегири, чижи, синицы, дятлы и прочая мелочь. Все дикие куры, кроме перепёлочек. Большой ястреб-тетеревятник, большие совы. Но и этим хищникам мало работы у нас зимой: большинство птиц всё-таки улетает от нас на зиму. Отлёт начинается с конца лета: первыми улетают те, что прилетели весной последними. И длится всю осень — пока воды не закроются льдом. Последними отлетают от нас те, что первыми появились весной: грачи, жаворонки, скворцы, утки, чайки…

КТО КУДА

Думаете, со стратостата отлёт на зимовки — сплошной поток птичьих стай с севера на юг? Вот уж нет!

Разные виды птиц улетают в разное время, большинство летит ночью: так безопасней. И далеко не все летят зимовать с севера на юг. Есть птицы, которые осенью улетают с востока на запад. Другие наоборот — с запада на восток. А есть у нас и такие, что летят зимовать прямо на север!

Наши специальные корреспонденты телеграфируют нам беспроволочным телеграфом, передают беспроволочной почтой — по радио — куда кто летит и как чувствуют себя крылатые странники в пути.

С ЗАПАДА НА ВОСТОК

«Че-й! Че-й! Че-й!» — так переговаривались в стайке красные канарейки — чечевички. Они начали своё путешествие с берега Балтийского моря, из Ленинградской и Новгородской областей ещё в августе. Летят не спеша: еды всюду достаточно — куда торопиться? Не на родину летят — гнёзда завивать, детишек выводить.

Мы видели их на пролёте через Волгу, через Уральский невысокий хребет, а теперь видим в Барабе — западносибирской степи. День за днём они подвигаются всё на восток, всё на восток — в ту сторону, где солнце всходит. Летят от рощи до рощи: вся Барабинская степь в колках — берёзо-

вых рощицах.

Лететь стараются ночью, а днём отдыхают и кормятся. Хоть они летят стайками и каждая пичуга в стае смотрит в оба, как бы не попасть в беду, всё-таки случается: не укараулят себя, и одну-другую из них схватит ястребок. Очень уж их много тут, в Сибири: перепелятник-ястребок, соколки — чеглок-белогорлик, дербник… Быстрокрылые — страсть! Пока летишь от колка до колка — скольких выхватят! Ночью всё-таки лучше: сов меньше.

Тут, в Сибири, чечевичкам свёрток: через горы Алтай, через пустыню Монголии — сколько ещё гибнет их, маленьких, в трудном пути! — в жаркую Индию. Там зимуют.

С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Тучи уток и целые облака чаек выводятся каждое лето на Онежском озере. Приходит осень — эти тучи и облака подаются на запад — на заход. Стая уток-шилохвостов, стая чаек сизых тронулись в путь на зимовки. Полетим за ними на самолёте.

Слышите резкий свист? За ним плеск воды, шум крыльев, отчаянное кряканье уток, крики чаек!..

Это шилохвосты и чайки расположились было на отдых на лесном озерке, а перелётный сокол

сапсан тут их и настиг. Как длинный пастуший кнут, со свистом пронизал воздух, пронёсся над самой спиной поднявшейся в воздух утки — рассек её когтем заднего пальца, острым, как кривой ножичек. Плетью свесив длинную шею, раненая птица не успела упасть в озеро, как стремительный сокол круто повернул, скогтил её над самой водой, умертвил одним ударом стального клюва в затылок и унёс себе на обед.

Сапсан этот — горе-злосчастье утиной стаи. Вместе с нею тронулся он в отлёт с Онежского озера, вместе с ней миновал Ленинград, Финский залив, Латвию… Когда сыт — равнодушно смотрит, сидя где-нибудь на скале или дереве, как летают над водой чайки, как кувыркаются на воде вниз головой утки. Как они поднимаются с воды и, собравшись в кучку или растянувшись вожжой, продолжают свой путь на запад — туда, где в серые воды Балтийского моря жёлтым шаром опускается солнце. Но как только сапсан проголодается, он быстро нагоняет свою стаю и выхватывает из неё себе уточку.

Так он будет лететь за ними вдоль берегов Балтийского, Северного морей, перелетит за ними на Британские острова — и только близ их побережья, быть может, отвяжется, наконец, от них

этот крылатый волк. Здесь наши утки и чайки останутся зимовать, а он, если захочет, полетит за другими стаями уток на юг — во Францию, Италию, через Средиземное море в знойную Африку.

НА СЕВЕР, НА СЕВЕР — В КРАЯ ПОЛНОЧНЫЕ!

Гаги-утки — те самые, что дают нам для шуб такой изумительно тёплый и лёгкий пух, — спокойно вывели своих птенцов на Белом море — в Кандалакшском заповеднике. Уже много лет здесь охраняют гаг, а студенты и учёные кольцуют их: надевают им на ножки лёгкие металлические колечки с номерами, чтобы знать, куда гаги улетают из заповедника, где у них зимовки, много ли гаг возвращается назад в заповедник, к своим гнездовьям, и разные другие подробности жизни этих чудесных птиц.

И вот узнали, что гаги летят из заповедника почти прямо на север — в полночный край, в Ледовитый океан, где живут гренландские тюлени и громко, протяжно вздыхают белухи-киты.

Белое море скоро всё покроется толстым льдом, и гагам тут зимой кормиться нечем. А там, на севере, весь год открыта вода, там ловят рыбу тюлени и огромные белухи.

Гаги сощипывают со скал и водорослей моллюсков — подводные ракушки. Им — северным

птицам — главное, чтоб было сытно. И пусть тогда страшный мороз, и вода кругом, и тьма кромешная — им это не страшно: у них шубки на гагачьем пуху, на непроницаемом для холода, самом тёплом в мире пуху! Да то и дело там сполохи — чудесные северные сияния на небе, и огромная луна, и звёзды ясные. Что ж такого, что солнце там несколько месяцев не выглядывает из океана? Полярным уткам всё равно хорошо, сытно и привольно проводить там долгую полярную зиму-ночь.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ СЕДЬМОЕ

1. С какого дня (по календарю) начинается осень?
2. У какого зверя осенью в листопад ещё родятся детёныши?
3. Листья каких деревьев осенью краснеют?
4. Все ли перелётные улетают от нас осенью на юг?
5. Отчего старых лосей-быков называют «сохатыми»?
6. Какие птицы весной бормочут: «Куплю балахон, продам шубу», а осенью: «Продам балахон,

куплю шубу»?

7. Что значит, если над каким-нибудь местом в лесу с карканьем вьётся вороньё?

8. Куда осенью деваются бабочки?

9. Сидит — зеленеет, летит — пожелтеет, падёт — почернеет.

10. Долговяз в траве увяз.

11. Серовато, зубовато, по полю рыщет, телят, ребят ищет.

12. Маленький воришка в сером армячишке по полю шныряет, корм подбирает.

13. На бору, на юру стоит старичок — бурый колпачок.

14. Сам не берёт и воронам не даёт.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 8
МЕСЯЦ ПОЛНЫХ КЛАДОВЫХ (ВТОРОЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ)

С 21 октября по 20 ноября
Солнце вступает в знак Скорпиона

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

ОКТЯБРЬ — листопад, грязник, зазимник.

Ветры-листодёры срывают с леса последние отрепья. Дождь. Скучает на заборе мокрая ворона. Ей ведь тоже скоро в путь: летовавшие у нас серые вороны незаметно откочёвывают к югу, а на их место также незаметно перемещаются такие же вороны, родившиеся на севере. Выходит, и ворона — птица перелётная. Там, на дальнем севере, ворона — первая прилётная, как у нас — грач, и последняя отлётная.

Покончив с первым своим делом, раздеванием леса, осень принимается за второе: студит и студит воду. Всё чаще по утрам лужи покрываются хрупким ледком. Как воздух, вода уже оскудела жизнью. Те цветы, что красовались на ней летом, давно уронили свои семена на дно, утянули под

воду длинные свои цветоножки. Рыбы забиваются в ямы, ятови, зимовать там, где не замерзает вода. Мягкий хвостатый тритон-харитон всё лето прожил в пруду, а теперь выполз из воды — пополз зимовать на суше, где-нибудь во мху под корнями. Льдом покрываются стоячие воды.

Стынет и на суше нежаркая кровь. Прячутся куда-то насекомые, мыши, пауки, многоножки. Забравшись в сухие ямы, переплетаются, застывают змеи. Забиваются в тину лягушки, прячутся за отставшую кору пней ящерки — обмирают там… Звери — кто одевается в тёплые шубки, кто набивает свои кладовки в норах, кто устраивает себе берлогу. Готовятся.

В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крушит, мутит, ревёт и льёт, и снизу метёт.

ГОТОВЯТСЯ К ЗИМЕ

Мороз не велик, а зевать не велит: как грянет — разом землю и воду скуёт льдом. Где тогда еды себе достанешь? Куда спрячешься?

В лесу каждый готовится к зиме по-своему.

Кому положено, улетел от голода и холода на крыльях. Кто остался, торопится набить свои кладовые, заготовляет запасы пищи впрок.

Особенно усердно таскают короткохвостые

мышки-полёвки. Многие из них вырыли себе зимние норы прямо в стогах и под хлебными скирдами и каждую ночь воруют зерно.

К норе ведут пять или шесть дорожек, каждая дорожка — в свой вход. Под землёй — спальня и несколько кладовых.

Зимой полёвки собираются спать только в самые сильные морозы. Поэтому они делают большие запасы хлеба. В некоторых норах собрано уже по четыре-пять килограммов отборного зерна.

Маленькие грызуны обворовывают хлебные поля. Надо оберегать от них урожай.

ЗАПАСЫ ОВОЩЕЙ

Короткоухая водяная крыса летом жила на даче, у самой речки. Там у неё была одна жилая комната под землёй. Ход из комнаты вёл косо вниз — прямо в воду.

Теперь водяная крыса устроила себе хорошую, тёплую зимнюю квартиру далеко от воды, на кочковатом лугу. В квартиру ведут подземные ходы-переходы по сто шагов длиной и больше.

Спальня выстлана мягкой, тёплой травой и помещается под самой большой кочкой.

Кладовая соединена со спальней особыми ходами.

В кладовой сложены в строгом порядке, по сортам, похищенные и перетащенные крысой с полей и огородов хлебные зёрна, горох, луковицы, бобы и картофель.

БЕЛКИНА СУШИЛЬНЯ

Белка отвела под кладовую одно из своих круглых гнёзд на деревьях. Там у неё сложены лесные орешки и шишки.

Кроме того, белка собрала грибы — маслята и берёзовики. Их она насадила на обломанные сучочки сосен и сушит впрок. Зимой она будет бродить по ветвям деревьев и подкрепляться сушёными грибами.

САМ СЕБЕ КЛАДОВАЯ

А многие звери никаких особых кладовых себе и не устраивают. Они сами себе кладовые.

Просто наедятся хорошенько за осенние месяцы, станут толстые-претолстые, жирные-прежирные — и всё тут. Жир ведь тот же запас пищи. Он лежит толстым слоем под кожей, и когда зверю нечего есть, проникает в кровь, как пища через стенки кишок. А уж кровь разносит пищу по всему телу.

Так устраиваются медведь, барсук, летучие мыши и все другие звери и зверьки, что крепко спят всю зиму. Да еще и греет их жир: он холода

не пропускает.

ВОР У ВОРА ЗАПАСЫ УКРАЛ

На что уж хитра и воровата лесная ушастая сова, а нашёлся вор и её провёл.

Видом ушастая сова — совсем филин, только маленький. Клюв крючком, перья на голове торчком, лупоглазая. Как ни темна ночь, эти глаза всё увидят, уши всё услышат.

Зашуршит мышь в сухой листве — сова уж тут. Цоп! — и поднимается мышь на воздух. Мелькнёт ли зайчишка через полянку — ночной разбойник уж над ним. Цоп! — и бьётся зайчишка в когтях.

Натаскала себе сова битых мышей в дупло. Сама не ест и другим не даёт: бережёт про чёрный день.

Днём сидит в дупле, сторожит запасы. Ночами на охоту летает. Сама нет-нет и вернётся к дуплу: всё ли цело?

Вдруг стала замечать сова: будто меньше запасы её становятся. Хозяйка зоркая: считать не обучена — примечает так, на глазок.

Ночь пришла, проголодалась сова, полетела на охоту.

Возвращается — нет ни одной мыши! Видит: копошится на дне дупла зверюшка серенький, с

крысу длиной.

Хотела когтями впиться, а он шмыг низом в скважину и несётся по земле. В зубах — мышонок.

Сова — за ним и уж совсем было настигла да разглядела, кто воришка, струхнула и не стала отнимать. Воришкой-то оказался хищный зверёк — ласка.

Ласка разбоем промышляет, и хоть маленький зверёк, но до того смелый и ловкий, что и с совой поспорит. Вцепится ей в грудь зубами — ни за что не оторвёшь.

СТРАШНО...

Облетели деревья — поредел лес.

Лежит лесной зайчишка-белячишка под кустом, прижался к земле — только глазами по сторонам зыркает. Страшно ему. Кругом — шорохи, шелесты... Уж не ястреба ли крылья шелестят в ветвях? Уж не лисонькины ли ножки шебуршат опавшей листвой? А он — зайка — белеет, весь пятнами пошёл. Что бы подождать, когда снег выпадет! Кругом всё ярко так, цветисто стало в лесу, всюду на земле жёлтая, красная, бурая листва.

А вдруг — охотник?!

Вскочить? Бежать? Куда там! Сухой лист гремит

под ногами, как железо. От своего собственного топота с ума сойдёшь!

И лежит зайчишка-белячишка под кустиком, в мох вжавшись, к берёзовому пеньку прижавшись, лежит — притаился, не шевельнётся — одними глазами по сторонам зыркает.

Очень страшно...

ЗАГАДКА ОРЕХОВКИ

Есть в наших лесах такая ворона — поменьше обыкновенной серой вороны и вся крапчатая. У нас её называют ореховкой, а в Сибири — кедровкой.

Она собирает на зиму запасы орехов — в дуплах и под корнями деревьев.

Зимой ореховки кочуют с места на место, из леса в лес, и пользуются этими запасами.

Своими? В том-то и дело, что каждая из ореховок пользуется не теми запасами, которые сама сделала, а запасами своих родичей. Прикочует в какую-нибудь рощу, где сроду не бывала, и сразу начинает искать чужие запасы. Заглядывает во все дупла — и там находит орехи.

В дуплах-то понятно. А вот как ореховка находит зимой орешки, запрятанные другими ореховками под корни деревьев и кустов? Ведь

земля-то вся под снегом! А ореховка подлетит к кусту, разроет под ним снег — и всегда без ошибки находит под ним чужой запас. Откуда же она знает, что именно под этим из тысяч растущих кругом кустов и деревьев хранятся орехи? По каким признакам? Этого мы ещё не знаем. Надо придумать хитрые опыты, чтобы узнать, чем руководствуются ореховки, разыскивая под однообразной пеленой снега чужие запасы.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ВОСЬМОЕ

1. Куда зайцу бежать удобней — с горы или в гору?
2. Какие птичьи тайны открывает нам листопад?
3. Какой лесной житель сушит себе на деревьях грибы?
4. Какой зверь летом живет в воде, а зимой в земле?
5. Собирают ли птицы себе на зиму запасы?
6. Как готовятся к зиме муравьи?
7. Куда исчезают на зиму лягушки?
8. Пал Палыч пал на воду, сам не утонул и воду не замутил.

9. Бежать-бежать — не добежать, лететь — не долететь.

10. Вороне через три года что бывает?

11. В пруду купался, а сух остался.

12. Не княжеской породы, а ходит с короной; не всадник, а со шпорами. Сам рано встает и другим спать не даёт.

13. С хвостом, а не зверь; с перьями, а не птица.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 9
МЕСЯЦ ЗИМНИХ ГОСТЕЙ (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ)

С 21 ноября по 20 декабря Солнце вступает в знак Стрельца

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

НОЯБРЬ — полузимник. Ноябрь — сентябрёв внук, октябрёв сын, декабрю родной брат: ноябрь с гвоздём, декабрь с мостом. Выезжает на пегой кобыле: то снег, то грязь, то грязь, то снег. Не велика у ноября кузница, а на всю Русь в ней оковы куются: ледостав уже на прудах и озёрах.

Третье своё дело завершает осень: раздев лес, сковав воду, прикрывает землю снежным покрывалом. Неуютно в лесу: исхлёстанные дождями, голые, чёрные стоят деревья. Блестит лёд на реке, а поди сунься на него: треснет под ногой, и ты провалишься в ледяную воду. И на земле присыпанная снегом всякая зябь останавливается в росте.

Но это ещё не зима: только предзимье. Ещё нет-нет да выдаётся солнечный денёк. И ух ты, как

обрадуется солнышку всё живое! Глядишь, там из-под корней вылезают чёрные комарики, мушки, взлетают в воздух. Тут под ногами расцвёл золотой одуванчик, золотая мать-и-мачеха — весенние цветки! Снег стаял… Но крепко-накрепко заснули деревья, замерли до весны, ничего не чувствуют.

Теперь начинается пора лесозаготовок.

ЛЕТАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

До чего сиротливо торчат чёрные сучья ольшаника! Ни листочка на ветвях, ни зелёной травки на земле. Усталое солнце едва выглянуло из серых туч.

И вдруг заиграли под ним на чёрном ольшанике весёлые пёстрые цветы. Необычайно крупные — белые, красные, зелёные, золотые. Они обсыпали чёрные ветви ольх, броскими пятнами запестрели на белой коре берёз, падают на землю, трепещут в воздухе яркими крыльями.

Перекликаются свирельным свистом. Переносятся с земли на ветви, с дерева на дерево, из леска в лесок. Кто они, откуда?

С СЕВЕРА

Это наши зимние гости — маленькие певчие птицы с далёкого севера. Тут и красногрудые, красноголовые маленькие чечётки, и дымчатые, с пятью красными пальчиками-перьями на крыльях хохлушки-свиристели, и малиновые щуры, и зелёные самки, красные самцы — клесты. Тут и золотисто-зелёные чижи, и желтопёрые щеглята, и толстые, с пышной ярко-красной грудью снегири. Наши чижи, щеглы и снегири передвинулись к югу, где потеплей. А эти гнездовали на севере. Там теперь такой мороз и стужа, что им у нас кажется тепло.

Чижи и чечётки занялись ольховыми и берёзовыми семенами. Свиристели, снегири — рябиной и другими ягодами. Крестоносые клесты — сосновыми и еловыми шишками. И все сыты.

С ВОСТОКА

Низенький ивняк неожиданно расцвёл пышными цветами белых роз. Белые розы порхают с куста на куст, крутятся на веточках, быстро перебирают стебельками-лапками с чёрными цепкими коготками. Трепет белых лепестков-

крылышек, свист и лёгкие мелодичные голоса в воздухе.

Это синицы, белые лазоревки.

Они не с севера, они перебрались к нам через горный Урал с востока, из вьюжной, морозной Сибири. Там уже давно зима, и глубокий снег засыпал низкорослый тальник.

ПОРА СПАТЬ

Сплошная серая туча надвинулась на солнце. С неба падает мокрый серый снег.

Сердито хрюкая, проковылял к себе в нору жирный барсук. Он недоволен: сыро в лесу, грязно. Пора поглубже под землю — в сухое, чистое песчаное логово. Пора спать заваливаться.

Маленькие всклокоченные лесные вороны — кукши — передрались в чаще. Мелькают мокрым пером цвета кофейной гущи. Орут резкими вороньими голосами.

Глухо каркнул с вершины старый ворон: завидел падаль вдали. Полетел, блестя лаком иссиня-чёрных крыльев.

Тихо в лесу. Серый снег тяжело падает на почерневшие деревья, на бурую землю. На земле гниёт лист.

Снег гуще, гуще. Пошёл большими хлопьями,

засыпал чёрные сучья деревьев, покрыл землю…

Схваченные морозом, одна за другой замерзают реки нашей области: Волхов, Свирь, Нева. Наконец замёрз и Финский залив.

ЗАЯЧЬИ ХИТРОСТИ

Ночью русак пробрался во фруктовый сад. К утру ободрал две яблоньки: кора у молодых яблонь очень уж сладкая. Снег на голову ему падает, он и внимания не обращает: грызёт да жуёт, грызёт да жуёт.

В деревне петух пропел — раз, и два, и три. Собака тявкнула.

Тут русак спохватился: надо в лес бежать, пока люди не встали. Кругом бело: рыжеватенькую его шкурку издалека видно. Позавидуешь беляку: он теперь весь белый.

А пороша за ночь выпала тёплая, печатная. Бежит русак, лапами на снегу печатает. От задних длинных ног след вытянутый, с пяточкой; от коротких передних — кружочками. И так отчётливо в тёплой пороше каждый коготок виден, каждая царапинка.

Русак через поле, русак по лесу, а след за ним тянется. Русаку теперь бы под куст да соснуть часик-другой после сытного обеда. Да вот беда:

куда ни спрячься — след выдаст.

Пустился русак на хитрости: стал свой след запутывать.

А в деревне уж люди проснулись. Вышел хозяин в сад — батюшки мои! — две лучших яблоньки ободраны! Глянул на снег и всё понял: заячьи следы под деревцами. Погрозил кулаком: погоди же! Шкурой ответишь за порчу.

Вернулся в избу, ружьё зарядил и с ним по снегу.

Вот здесь русак через плетень перемахнул, вот по полю бежал. В лесу след пошёл кружить по кустам. Этим не спасёшься: распутаем.

Вот первая петля: русак дал круг по кустам и пересёк свой же след.

Вот вторая.

Хозяин за ним по пятам, обе петли выкружил. Ружьё наготове.

Стой, что такое? След оборвался — кругом чистое место.

Если бы заяц прыгнул, видно было бы.

Хозяин к следу нагнулся. Эге! Новая хитрость: русак повернулся и назад по своему следу пошёл. Лапка в лапку аккуратно ступал — не сразу и различишь «вздвойку» — двойной след.

Хозяин по следу назад. Шёл, шёл — опять на

поле вышел. Значит, проглядел; значит, там ещё какая-нибудь хитрость.

Вернулся, прошёл опять по «вздвойке». Ага, вот оно что: «вздвойка»-то скоро кончается, дальше след опять один тянется. Ищи, значит, «скидки» здесь — прыжка в сторону.

Ну, так и есть: прямо по следу русак через куст махнул — и в сторону. Опять след ровный. Оборвался. Новая «вздвойка» через куст — и дальше прыжками.

Теперь гляди в оба… Ещё одна «скидка». И лежит русак где-нибудь под кустом. Врёшь, не обманешь!

Русак, и правда, лежал близко. Только не под кустом, где охотник думал, а под большой кучей валежника.

Сквозь сон услышал шорох шагов. Ближе, ближе…

Поднял голову — шагают ноги в валенках. Чёрный ствол ружья к земле опущен.

Тихонько вылез русак из логова — и шасть за кучу. Белый куцый хвостик мелькнул в кустах — только его и видели.

Вернулся хозяин ни с чем домой.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ-НЕВИДИМКА

К нам в лес прибыл ещё один ночной разбойник. Увидеть его очень трудно: ночью темно, а днём его не отличишь от снега. Он — житель полярных стран и одет под цвет вечных снегов севера. Речь идёт про белую полярную сову.

Ростом она почти с филина и силой немного уступает ему. Она ест больших и маленьких птиц, мышей, белок, зайцев.

В её родной тундре так холодно, что там почти все зверьки попрятались по норам, а птицы улетели.

Голод заставил белую сову отправиться в путешествие и поселиться у нас. Она не собирается возвращаться домой раньше весны.

СПРОСИ У МЕДВЕДЯ

В защиту от студёных ветров медведь любит устраивать себе зимнее убежище — берлогу — в низких местах, даже в болотах, в частом ельничке. Но вот удивительно: если зима предстоит мягкая, будут оттепели — все медведи непременно залягут на высоких местах, на пригорочках, на юру. Это проверено многими поколениями

охотников.

Понятно: медведь боится оттепели. Ну как, в самом деле, среди зимы побегут ему под брюхо струйки растаявшего снега, а там вдруг опять хватит мороз — обледенелый снег превратит мохнатую шкуру мишки в железные латы? Тут уж не до сна — вскочишь, пойдёшь шататься по всему лесу, чтобы хоть как-нибудь согреться!

А раз не спишь, двигаешься, расходуешь свои запасы сил — значит, надо есть, подкрепляться. А есть-то медведю зимой в лесу нечего. Вот он, на тёплую-то зиму глядя, и выбирает себе для берлоги местечко повыше, где его не подмочит и в оттепель. Это-то нам понятно.

А вот откуда он знает, по каким таким своим медвежьим приметам чует, какая впереди будет зима — мягкая или жесткая? Почему всегда, ещё с осени, безошибочно выбирает себе местечко для берлоги либо в болоте, либо на пригорышке? Это нам неизвестно.

Слазай в берлогу, спроси об этом у медведя.

КУЗНИЦА ДЯТЛА

У нас за огородом много старых осин и берёз да одна старая-престарая ёлка. На ней висело несколько шишек. Вот за этими шишками и при-

летел пёстрый дятел. Дятел сел на ветку, сорвал одну шишку своим долгим носом и поскакал вверх по стволу. Он вторнул шишку в щербину и начал долбить её носом. Достав из шишки семечки, он столкнул её вниз и отправился за другой. В ту же щербину вторнул вторую шишку, потом третью — и так работал до темноты.

Лескор Л. Куборер

РАЗВЕДЧИКИ

Кусты и деревья городских садов и кладбищ нуждаются в охране. Враги у них такие, с какими не справиться людям. Они так хитры, малы и незаметны, что садовникам не уследить за ними. Тут требуются специальные разведчики.

Отряды таких разведчиков можно видеть за работой у нас на кладбищах и в больших садах.

Предводителем у них — пёстрый дятел с красным околышем на шапке. У него нос — как пика. Он им пробивает насквозь кору. Он командует отрывисто и громко: кик! кик!

За ним летят разные синицы: гренадёрки в высоких остроконечных шапках, пухлячки, похожие на короткий гвоздь с толстой шляпкой, черномазые московки. Тут же в отряде пищухи в буреньких шинельках с носами-шильцами и

поползень в голубом мундирчике, с белой грудью и острым, как кинжальчик, носом.

Дятел командует: кик! Поползень повторяет команду: твуть! Синицы отвечают: цик, цик, цик! — и весь отряд принимается за дело.

Разведчики быстро занимают стволы и ветви деревьев. Дятел долбит кору и острым, крепким, как игла, языком вытаскивает из неё короедов. Поползень кружит по стволу вниз головой и просовывает свой тонкий кинжальчик в каждую скважинку коры, где заметит какое-нибудь насекомое или его личинку. Пищухи бегут по стволу снизу и поддевают их своими кривыми шильцами. Весёлой ватагой крутятся на ветвях синицы. Они осмотрят каждую дырочку, каждую щёлочку, и ни одна крошечная зловредная личинка не ускользнёт от их быстрых глаз и проворных клювов.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ДЕВЯТОЕ

1. Где раки зимуют?
2. Если зайцы поздно начали белеть, какой ждать зимы — ранней или поздней?
3. Что такое «кузница дятла»?

4. Какой ночной хищник появляется у нас только зимой?

5. Что такое «заячья скидка»?

6. Когда улетают от нас последние чайки и утки?

7. С какими птицами осенью и зимой водят компанию дятлы?

8. Что называют следопыты «вздвойкой»?

9. Какой зверь на зиму становится весь белый, кроме кончика хвоста?

10. Без рук, без ног, стучит — в избу просится.

11. Стоит копна посреди двора; спереди — вилы, сзади — метла.

12. Ни окошек, ни дверей, полна горница людей.

13. Росло-повыросло, из куста повылезло, по рукам покатилось, на зубах очутилось.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 10
МЕСЯЦ БЕЛЫХ ТРОП (ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ЗИМЫ)

С 21 декабря по 20 января Солнце вступает в знак Козерога

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

ДЕКАБРЬ — студень. Декабрь мостит, декабрь гвоздит, декабрь приколачивает. Декабрь год кончит, а зиму начинает.

С водой покончено: даже буйные реки скованы льдом. Земля и лес укутаны снежным одеялом. Солнце скрылось за тучей. День становится короче и короче, ночь растёт.

Сколько мёртвых тел погребено под снегом! В свой срок выросли, расцвели, дали плоды растения-однолетники. И рассыпались в прах, снова превратились в землю, из которой вышли. В свой срок рассыпались в прах однолетние животные — многие маленькие беспозвоночные.

Но растения оставили семена, животные отложили яички. В свой срок солнце, как прекрасный царевич в сказке о мёртвой царевне, поцелуем

пробудит их к жизни. Заново создаст из земли живые тела. А многолетние животные и растения сумеют сохранить свою жизнь всю долгую северную зиму — до новой весны. Ведь не успела ещё зима войти в полную силу, а уж близится день рождения солнца — 23 декабря!

Солнце вернётся в мир. С солнцем возродится жизнь.

Но надо ещё пережить зиму.

КНИГА ЗИМЫ

Белым ровным слоем покрыл снег всю землю. Поля и лесные поляны теперь — как гладкие чистые страницы какой-то гигантской книги. И кто ни пройдёт по ним, всяк распишется: «Был здесь такой-то».

Днём идёт снег. Кончится — страницы чистые.

Утром придёшь — белые страницы покрыты множеством таинственных знаков, чёрточек, точек, запятых. Значит, ночью были тут разные лесные жители, ходили, прыгали, что-то делали.

Кто был? Что делал?

Надо скорей разобрать непонятные знаки, прочесть таинственные буквы. Опять пройдёт снег, и тогда, точно кто страницу перевернул, — снова только чистая, гладкая белая бумага перед

глазами.

ПИСЬМО ПРОСТОЕ И ПИСЬМО С ХИТРОСТЬЮ

Наши корреспонденты выучились читать в книге зимы про разные лесные происшествия. Наука эта им нелегко далась: оказывается, не всякий в лесу расписывается попросту — некоторые с хитростью.

Легко и просто разобрать и запомнить белкин почерк: она по снегу прыгает — как в чехарду играет. Короткими передними лапками обопрётся — длинные задние далеко вперёд вынесет, широко их расставит. От передних лапок след у неё маленький. Две точки отпечатаны, обе рядом. От задних — след длинный, вытянутый, как от крошечной ручки с тонкими пальцами.

У мышей почерк хоть очень мелкий, а тоже простой, разборчивый. Вылезая из-под снега, мышь часто делает петельку и тогда уж бежит прямо, куда ей надо, или возвращается назад к себе в норку. Получаются на снегу длинные строчки двоеточий — двоеточие от двоеточия на одинаковом расстоянии.

Птичий почерк — сороки, скажем, — тоже легко разобрать. От трёх передних пальцев крестики на снегу, сзади от четвёртого пальца — тире (прямая чёрточка). По бокам от крестиков отпе-

чатки перьев крыла, как пальцы. И уж где-нибудь непременно мазнёт по снегу своим длинным ступенчатым хвостом.

Эти все следы без фокусов. Сразу видно: вот тут белка с дерева спустилась, поскакала по снегу, опять на дерево прыгнула. Мышь из-под снега выскочила, побегала, покружилась и опять под снег. Сорока села — скок, скок, скок по твёрдому насту, мазнула хвостом, ударила крыльями — и до свидания.

А вот разберись в лисьем да в волчьем почерке. С непривычки сразу запутаешься.

МАЛЕНЬКАЯ СОБАКА И ЛИСА, БОЛЬШАЯ СОБАКА И ВОЛК

Лисий следок похож на след маленькой собаки. Разница только в том, что лиса держит лапу в комке: крепко сжимает пальцы.

Собака пальцы раздвигает, след её поэтому рыхлее и мягче.

Волчий след похож на след большой собаки. Разница та же: лапа у волка сжата с боков. След волка получается длиннее и стройнее собачьего; отпечатки когтей и подушечек у него глубже. Расстояние между передними и задними когтями одной лапы больше, чем на собачьем следу. Передние когти волка на снегу часто сливаются

в один отпечаток. У собак отпечатки подушечек пальцев сливаются, у волка — нет.

Это — азбука.

Читать строки волчьих следов особенно мудрено, потому что волк любит пускаться на хитрость, чтобы запутать свой след. Лиса — тоже.

ВОЛЧЬИ ХИТРОСТИ

Когда волк идёт шагом или труском (рысью), он аккуратно ступает правой задней ногой в след своей передней левой ноги, а левой задней — в след правой передней; поэтому следы его ложатся прямой, как по верёвочке, строчкой — в одну линейку.

Глядишь на такую строчку и читаешь: «Тут прошёл здоровенный волк».

Вот и ошибся! Правильно прочесть надо: «Тут прошло пять волков». Впереди шла мудрая матёрая волчица, за ней старый волк, за ним молодые волчата.

Ступали след в след, да так аккуратно, что и в голову не придёт, что это след пяти зверей. Надо очень набить глаз, чтобы стать хорошим следопытом по белотропу (так называют охотники следы на снегу).

СТРАШНЫЙ СЛЕД

Нашли наши лескоры след под деревьями с

такими длинными отпечатками когтей, что прямо страх на них напал. Сам-то след невелик, с лисий будет, а когтищи длинные, прямые, как гвозди. Хватит такими по животу — и кишки на сторону.

Осторожно пошли по следу. Дошли до большой норы — шерстинки тут на снегу валяются. Разглядели их: шерстинки прямые, довольно твёрдые, но не ломкие, белого цвета с черноватыми кончиками. Из таких кисти делают.

Тут сразу поняли: барсук в норе живёт, угрюмый зверь, но не очень страшный. Прогуляться, видно, вышел в оттепель.

ЛЕС ЗИМОЙ

Может ли мороз убить дерево?

Конечно, может.

Если дерево промёрзнет всё насквозь, до самой сердцевины, оно умрёт. В особенно суровые, малоснежные зимы у нас погибает немало деревьев, большей частью молоденьких. Пропали бы и все деревья, если б каждое дерево не хитрило, чтобы сберечь в себе тепло, не допускать мороз глубоко внутрь себя.

Кормиться, расти, производить на свет потомство — всё это требует большого расхода сил,

энергии, большого расхода своего тепла. И вот деревья, собрав за лето силы, к зиме отказываются от еды, перестают питаться, перестают расти, не тратят силы на размножение. Становятся бездеятельными, погружаются в глубокий сон.

Много выдыхают тепла листья — долой на зиму листья! Деревья сбрасывают их с себя, отказываются от них, чтобы сохранить в себе необходимое для жизни тепло. А кстати, сброшенные с ветвей, гниющие на земле листья сами дают тепло и предохраняют нежные корни деревьев от промерзания.

Мало того! На каждом дереве есть панцирь, защищающий живую плоть растения от мороза. Всё лето, каждый год откладывают деревья под кожицей своего ствола и веток пористую пробковую ткань — мёртвую прослойку. Пробка не пропускает ни воды, ни воздуха. Воздух застаивается в её порах и не даёт источаться теплу из живого тела дерева. Чем старше дерево, тем толще в нём пробковый слой, вот почему старые, толстые деревья лучше переносят холод, чем молоденькие деревца с тонкими стволиками и ветвями.

Мало и пробкового панциря. Если лютый мороз сумеет и под него пробиться, он встретит в живом

теле растения надёжную химическую оборону. К зиме в соках деревьев откладываются различные соли и крахмал, превращённый в сахар. А раствор солей и сахара очень холодоустойчив.

Но самая лучшая защита от морозов — пушистое снежное покрывало. Известно, что заботливые садовники нарочно пригибают к земле зябкие молодые фруктовые деревца и забрасывают их снегом: так им теплее. В многоснежные зимы снег, как пуховое одеяло, накрывает лес, и уж тогда лесу не страшна никакая стужа.

Нет, как ни лютуй мороз — не убить ему нашего северного леса!

Выстоит наш Бова-королевич против всех бурь и буранов.

МАЛОГРАМОТНЫЙ ЛИСЁНОК

Лисёнок увидал на поляне мышиные мелкие строчки.

«Ага, — думает, — сейчас закусим!»

Не потрудился хорошенько носом прочесть, кто тут был, глянул только: вон куда след ушёл — под тот куст.

Подкрался к кусту.

Видит: шевелится в снегу кто-то маленький в серенькой шкурке с хвостиком. Цоп его! И сразу

на зуб — хруст!

Фрррр!.. — гадость какая вонючая! Выплюнул зверюшку, отбежал, давай скорей снег глотать… Хоть снегом рот выполоскать. До того запах противный.

Так и остался без завтрака. Зря только зверюшку загубил.

А была та зверюшка не мышь и не полёвка, а землеройка.

Она только издали на мышь похожа. Вблизи сразу отличишь: рыльце землеройки хоботком вытянуто; спина горбиком. Она из насекомоядных, сродни кроту и ежу. Её ни один грамотный зверь не трогает, потому что запах от неё ужасный: мускусом пахнет.

НА ДНЕ СНЕЖНОГО МОРЯ

Хуже нет для полевого и лесного зверья малоснежного начала зимы. Голая земля промерзает всё глубже и глубже.

Холодно становится в норках. Крот и тот страдает, с трудом роет своими заступами-лапами твёрдую, как камень, мёрзлую землю. А каково мышам, полёвкам, ласке, горностаю?

Но вот, наконец, повалил снег. Валит и валит и уж больше не тает. Сухое снежное море покры-

вает всю землю. Человеку это море по колено, а рябчики, тетерева, даже глухари ныряют в него с головой. Мыши-полёвки, землеройки — все зверюшки-норушки, что не спят зимой, — выходят из своих подземных жилищ, бегают по дну снежного моря. Как крошечный тюлень, без устали ныряет в нём хищная ласка. Выскочит на минутку, оглядится — не высунул ли где рябчик голову из снега? — и опять нырк на дно. Так невидимкой и подкрадывается к птицам под снегом.

На дне снежного моря куда теплее, чем на его поверхности. Сюда не достаёт леденящий ветер, смертельное дыхание зимы. Толстый слой сухой воды не пропускает к земле большого мороза. Многие мышки-норушки строят себе зимние гнёзда прямо на земле под снегом — вроде как выезжают зимой на дачу.

И вот так происшествие! У одной парочки куцехвостых полёвок из травы и шёрстки гнёздышко над землёй — на ветках засыпанного снегом куста. Из гнёздышка струится лёгкий пар.

А внутри этого тёплого гнёздышка под глубоким снегом — голенькие слепые мышенята-полёвочки, только что родились! А мороз-то, мороз — двадцать градусов!

СНЕЖНЫЙ ВЗРЫВ И СПАСЁННАЯ КОСУЛЯ

Долго не могли понять наши корреспонденты одной загадочной истории, записанной следами на снегу.

Сперва шёл спокойный след маленьких узких копыт. Прочесть не трудно: шла по лесу косуля, беды не чуяла.

Вдруг сбоку — большие когтистые следы, а косулин след скачками пошёл.

И это понятно: косулю увидал волк из чащи, кинулся ей наперерез. Пошла косуля галопом от него.

Дальше волчий след всё ближе, ближе к косульему — стал настигать волк.

У большого поваленного дерева оба следа совсем слились. Видно, чуть-чуть успела косуля через толстый ствол прыгнуть — тут и волк за ней махнул.

А по ту сторону ствола — глубокая яма: весь снег разворочен и раскидан, точно здесь громадная бомба взорвалась под снегом.

И уж после этого косулий след в одну сторону, волчий в другую, а посерёдке неизвестно откуда взявшийся громадный след, очень похожий на человечий (когда босиком человек), только с

кривыми, страшными когтями.

Что за бомба в снегу? Чей новый страшный след? Отчего волк в одну сторону кинулся, косуля в другую? Что такое случилось здесь?

Долго бились наши корреспонденты над этими вопросами.

Наконец поняли, чьи эти громадные когтистые следы, и тогда всё сразу стало ясно.

Косуля через поваленный ствол легко перенеслась на своих воздушных ногах и дальше помчалась. А волк-то махнул за ней, да не домахнул: тяжёл больно. Со ствола бух в снег — да и провалился всеми четырьмя в медвежью берлогу. Тут она была, как раз под стволом.

Мишка-то, перепугавшись спросонок, вскочил — снег да лёд, да сучья кругом как от бомбы разнесло, — и бегом в лес (думал, верно, охотники на него напали).

Волк кубарем в снег, а как увидал этакую тушу — и косулю забыл, лишь бы самому ноги унести.

А косули давно и след простыл.

СТАЯ ПТИЦ ПОД СНЕГОМ

Скакал заяц по болоту. С кочки на кочку, с кочки на кочку, да — бух! — сорвался и в снег по самые уши.

И чувствует косой: под ногами у него живое что-то шевелится. В ту же минуту из-под снега кругом него с громким хлопаньем крыльев пошли вырываться белые куропатки. До смерти перепуганный заяц кинулся назад в лес.

Оказалось — целая стая белых куропаток живёт в снегу на болоте. Днём они вылетают, ходят по болоту, клюкву выкапывают. Поклюют — и опять в снег.

Там им тепло и безопасно. Кто их под снегом заметит?

ВЕСТИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ. ТОЛКУЧКА В ЕГИПТЕ

В редакцию «Лесной газеты» сообщают из-за границы подробности жизни наших перелётных птиц.

Наш знаменитый певец — соловей — зимует в Средней Африке, жаворонок живёт в Египте, а скворцы разделились и путешествуют по Южной Франции, Италии и Англии.

Там они песен не поют, заботятся только о своём пропитании и гнёзд не вьют и птенцов не выводят; они ждут весны, когда наступит пора возвращаться на родину, потому что «в гостях хорошо, а дома лучше».

Египет — зимний рай для птиц. Могучий Нил с

его бесчисленными протоками, илистыми берегами, плодородные заливные луга и поля, озёра и болота с солёной и пресной водой, изрезанные бухтами берега тёплого Средиземного моря — во всех этих местах роскошный стол готов для сотен тысяч, миллионов птиц. Тут и летом их тьма, а на зиму прибыли сюда ещё и наши перелётные.

Толчея получилась невообразимая. Кажется, точно пернатые со всего света собрались здесь.

На озёрах и протоках Нила водяная птица сидит так густо, что издали воды не видно. Грузные пеликаны с большим мешком под клювом ловят рыбу рядом с нашими серенькими утками и чирятами. Наши кулики снуют между высоких ног розовопёрых красавцев фламинго, шарахаются в разные стороны при появлении пёстрого африканского орла-крикуна или нашего орлана-белохвоста.

Если выстрелить из ружья на озере, густые стаи разной водяной птицы поднимутся с таким шумом, который можно сравнить только с боем тысячи барабанов. На озеро сразу ложится глубокая тень, потому что тучи птиц, поднявшись в воздух, закрывают солнце.

Так живут наши перелётные на зимних квартирах.

Есть и в нашей огромной стране (ныне на территории стран СНГ. — *Прим. ред.)* свой птичий Египет для птиц, не хуже африканского. Многие наши водоплавающие и болотные птицы зимуют там. И, как в Египте, там увидишь зимой стаи пеликанов и фламинго вперемешку с утками, гусями, куликами, чайками и хищниками.

Мы сказали: зимой. Но зимы-то как раз там и нет, такой зимы — со снегом, морозом и вьюгами, — как у нас. И в мелких тенистых заливах тёплого моря, в камышах и прибрежных зарослях кустов, в тихих степных озёрах круглый год полно всякого птичьего корма.

Места эти заповеданы, охотникам не позволено переводить здесь птиц, отдыхающих после летних трудов перелётных.

Это наш Талышский Государственный заповедник на юго-восточном берегу Каспийского моря под Ленкоранью в Азербайджане.

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ДЕСЯТОЕ

1. С какого дня (по календарю) начинается зима и чем этот день замечателен?

2. На следу каких хищных зверей нет отпечатка

когтей и почему?

3. Растёт ли дерево зимой?

4. Почему охотники больше всего ценят охоту по свежей пороше?

5. Какие птицы ночуют, зарывшись в снег?

6. Почему след задних ног бегущего зайца впереди следа его передних ног?

7. Вьют ли гнёзда наши перелётные зимой на юге?

8. Какого маленького зверька не ест ни лиса, ни хорь?

9. След какого хищного зверя похож на человечий?

10. Бежит по снегу, а следу нету.

11. Старик у ворот тепло уволок, сам не стоит и стоять не велит.

12. Кто мостик на реке мостит без топора, без гвоздей, без клиньев и без досок?

13. Лечу, кручу, на весь мир ворчу.

14. В землю крошки, из земли лепешки.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 11
МЕСЯЦ ЛЮТОГО ГОЛОДА (ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЗИМЫ)

С 21 января по 20 февраля Солнце вступает в знак Водолея

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

ЯНВАРЬ, говорит народ, к весне поворот; году начало, зиме серёдка; солнце на лето, зима на мороз. На Новый год день прибавился на заячий скок.

Земля, вода и лес — всё покрыто снегом, всё кругом погружено в непробудный и, кажется, мёртвый сон.

В трудную пору жизнь отлично умеет притворяться мёртвой. Замерли травы, кусты и деревья. Замерли, но не умерли.

Под мёртвым покрывалом снега они таят могучую силу жизни, силу расти и цвести. Сосны и ели хранят в сохранности свои семена, крепко зажав их в свои кулачки-шишки.

Животные с холодной кровью, затаясь, застыли. Но тоже не умерли, даже такие нежные, как

мотыльки, попрятались в разные убежища.

У птиц особенно горячая кровь, они никогда не впадают в спячку. Многие звери, даже крошечные мыши, бегают всю зиму. И не диво ли, что спящая в берлоге медведица под глубоким снегом в январские морозы производит на свет крошечных слепых медвежат и, хоть сама всю зиму ничего не ест, кормит их до весны своим молоком!

ХОЛОДНО В ЛЕСУ, ХОЛОДНО!

Ледяной ветер гуляет в открытом поле, носится по лесу меж голых берёз и осин. Он забирается под тугое перо, проникает в густую шерсть, студит кровь.

Не усидишь ни на земле, ни на ветке: всё покрыто снегом, стынут лапы. Надо бегать, прыгать, летать, чтобы как-нибудь согреться.

Хорошо тому, у кого тёплое, уютное логово, норка, гнездо; у кого запасов полна кладовая. Закусил поплотней, свернулся калачиком — спи крепко.

КТО СЫТ, ТОМУ ХОЛОД НЕ СТРАШЕН

У зверей да птиц всё дело в сытости. Хороший обед изнутри греет, кровь горячей, по всем

жилкам разливается тепло. Под кожей жирок — лучшая подкладка под тёплую шерстяную или пуховую шубку. Сквозь шерсть пройдёт, сквозь перо проймёт, а жир под кожей никакой мороз не прошибет.

Если бы пищи вволю, не страшна была бы зима. А где зимой взять её — пищу?

Бродит волк, бродит лиса по лесу — пусто в лесу, все звери и птицы попрятались, улетели. Летают днём вороны, летает ночью филин, добычу высматривают — нет добычи.

Голодно в лесу, голодно!

ЗИНЗИВЕР В ИЗБЕ

В Месяц Лютого Голода всякий зверь лесной, всякая птица жмётся к человеческому жилью. Тут легче промыслить себе пищу, поживиться отбросами.

Голод убивает страх. Осторожные лесные жители перестают бояться людей.

Тетерева и куропатки забираются на гумна, в амбары с зерном. Русаки приходят в огороды, горностаи и ласки охотятся за мышами и крысами в подвалах. Беляки приходят щипать сено из стогов к самой деревне. В лесную избушку наших корреспондентов через открытую дверь смело

влетел зинзивер — синица-кузнечик — жёлтый, с белыми щеками и чёрной полосой на груди. Не обращая внимания на людей, он проворно стал клевать крошки на обеденном столе.

Хозяева закрыли дверь — и зинзивер очутился в плену.

Целую неделю он прожил в избе. Трогать его не трогали, но и кормить не кормили. Однако он с каждым днём заметно толстел и толстел. Он целыми днями охотился по всей избе. Разыскивал сверчков, спящих в щелях мух, подбирал крошки, а на ночь забивался спать в щель за русскую печь.

Через несколько дней он переловил всех мух и тараканов и принялся клевать хлеб, портить клювом книжки, коробки, пробки — всё, что только попадалось ему на глаза.

Тогда хозяева открыли дверь и выгнали незваного маленького гостя из избы.

КОМУ ЗАКОНЫ НЕ ПИСАНЫ

Сейчас все лесные жители стонут от жестокой зимы. Лесной закон велит: зимой спасайся от холода и голода, как умеешь, а о птенцах забудь. Птенцов выводи летом, когда тепло и пищи вволю.

Ну, а кому и зимой пищи полон лес, тому этот закон не писан.

Наши корреспонденты нашли на высокой ёлке гнездо маленькой птички. Ветка, на которой гнездо помещается, вся засыпана снегом, а в гнезде яички лежат.

Пришли на следующий день наши корреспонденты, как раз мороз трескучий был, носы у всех красные, глядят, а в гнезде уже птенчики вывелись, голенькие лежат среди снега, слепые ещё.

Что за чудо?

А чуда никакого нет. Это парочка клестов-еловиков гнездо свила и птенцов вывела.

Такая уж птица клёст, что ни холода, ни голода зимы не боится.

Круглый год можно видеть в лесу стайки этих птичек. Весело перекликаясь, они перелетают с дерева на дерево, из леса в лес. Круглый год они ведут кочевую жизнь: сегодня здесь, завтра — там.

Весной все певчие птицы разбиваются на пары, выбирают себе участок и живут на нём, пока не выведут птенцов.

А клесты и в это время летают стайками по всем лесам, нигде подолгу не останавливаясь.

В их шумных летучих стаях круглый год можно

видеть вместе со старыми и молодых птиц. Точно птенцы у них так и родятся в воздухе, на лету.

В Ленинграде у нас клестов зовут ещё попугаями. Такое название им дали за их пёстрый и яркий, как у попугая, наряд и за то ещё, что они лазают и крутятся на жёрдочках тоже, как попугаи.

Перья самцов-клестов оранжевого цвета разных оттенков; у самок и молодых — зелёные и жёлтые.

Лапки у клестов цепкие, клюв ухватистый. Клесты любят повиснуть вниз головой, держась лапками за верхнюю веточку, а клювом схватившись за нижнюю.

Совсем чудом кажется, что тело клеста после смерти очень долго не гниёт. Труп старого клеста может пролежать лет двадцать — и ни одно перышко с него не упадёт, и запаха не будет. Как мумия.

Но интересней всего у клеста нос. Такого носа нет ни у одной другой птицы.

Нос у клеста крестом: верхняя половинка вниз загнута, нижняя — вверх.

В носу у клеста вся сила и разгадка всем чудесам.

Родятся клесты с прямыми носами, как и все

птицы. Но как только птенец подрастёт, он принимается доставать носом семечки из еловых и сосновых шишек. При этом его нежный ещё нос загибается крест-накрест, да так и остаётся на всю жизнь. Клесту это на пользу: крестовым-то носом куда удобней семечки вылущивать из шишек.

Тут все и становится понятным.

Почему клесты всю жизнь бродят по лесам?

Да потому, что они ищут, где лучший урожай шишек. В этом году у нас в Ленинградской области шишки уродились. Клесты у нас. В будущем году где-нибудь на севере шишечный урожай — клесты туда.

Почему клесты зимой песни распевают и птенчиков выводят среди снега?

Да почему же им не петь и птенцов не выводить, раз пищи кругом вволю?

Гнездо тёплое — там и пух, и перо, и мягкая шёрстка, а самка, как отложит первое яичко, так уж с гнезда не сходит. Пищу ей самец таскает.

Сидит самка, греет яйца, а птенчики выклюнутся — она их кормит размягченными в зобу еловыми да сосновыми семечками. Шишки-то ведь круглый год на деревьях.

Сойдётся парочка, захочет своим домком пожить, малых деток вывести, — улетит из стаи, всё

равно зимой ли, весной ли, осенью ли (в каждом месяце гнёзда клестов находили). Совьют гнездо — живут. Птенцы подрастут — всё семейство опять пристанет к стае.

Почему же после смерти клесты в мумии превращаются?

А всё потому же, что они шишки едят. В еловых да сосновых семечках смолы много. Иной старый клёст за долгую-то жизнь этой смолой пропитается, как смазной сапог дёгтем. Смола и не даёт его телу гнить после смерти.

Египтяне-то ведь тоже покойников своих смолой натирали и делали мумии.

ПРИСПОСОБИЛСЯ

Поздней осенью медведь выбрал себе место для берлоги на склоне холма, заросшего частым ельничком. Надрал когтями узкие полоски еловой коры, снёс в яму на холме, сверху накидал мягкого моху. Подгрыз ёлочки вокруг ямы так, что они шалашом накрыли её, залез под них и заснул спокойно.

Но не прошло и месяца, как лайки нашли его берлогу, и он едва успел убежать от охотника. Пришлось лечь прямо на снегу — на слуху. Но и тут его разыскали охотники, и опять он чуть

спасся.

И вот спрятался он в третий раз. Да так, что никому и в голову не пришло, где его надо искать.

Только весной обнаружилось, что он отлично выспался высоко на дереве. Верхние ветви этого дерева, когда-то сломанного бурей, росли в небо, образуя как бы яму. Летом орёл натаскал сюда хворосту и мягкой подстилки, вывел здесь птенцов и улетел. А зимой догадался забраться в эту воздушную «яму» потревоженный в своей берлоге медведь.

МЫШИ ДВИНУЛИСЬ ИЗ ЛЕСА

У многих лесных мышей теперь уже не хватает запасов в кладовых. Многие бежали из своих норок, спасаясь от горностаев, ласок, хорьков и других хищников.

А земля и лес покрыты снегом. Грызть нечего. Целая армия голодных мышей двинулась из лесу. Хлебным амбарам грозит серьёзная опасность. Надо быть начеку.

Следом за мышами идут ласки. Но их слишком мало, чтобы переловить и уничтожить всех мышей.

Берегите зерно от грызунов!

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

1. Тощим или жирным ложится медведь в берлогу?

1. Что значит — «волка ноги кормят»?

2. Что птицам страшнее — холод или голод зимы?

3. Почему заготовленные зимой дрова ценятся больше заготовленных летом?

4. Как по пню срубленного дерева узнать, сколько было этому дереву лет?

5. Почему зимой многие звери и птицы покидают лес и жмутся к человеческому жилью?

6. Все ли грачи улетают от нас на зиму?

7. Что ест зимой жаба?

8. Каких зверей зовут шатунами?

9. Куда на зиму исчезают летучие мыши?

10. Все ли зайцы белы зимой?

11. Почему тушка мёртвого клеста даже и в тепле долго не разлагается?

12. Какая птица выводит птенцов в любое время года, даже среди снега?

13. Я как песчинка мал, а землю покрываю.

14. Летом гуляет, зимой отдыхает.

15. Сидела красна девица в тёмной темнице — коса на улице.

16. Сидела бабка на грядках — вся в заплатках.

17. Не шит, не кроен, весь в рубцах; без счёту одёжек и все без застёжек.

18. Кругла, да не луна; зелена, да не дубрава; с хвостиком, да не мышь.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА № 12
МЕСЯЦ ДОТЕРПИ ДО ВЕСНЫ (ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ЗИМЫ)

С 21 февраля по 20 марта
Солнце вступает в знак Рыб

ГОД – СОЛНЕЧНАЯ ПОЭМА В 12-ти МЕСЯЦАХ

ФЕВРАЛЬ — перезимок. Вьюги да метели под февраль полетели; бегут по снегу, а следу нету.

Последний, самый страшный месяц зимы. Месяц лютого голода, волчьих свадеб, налётов волков на деревни и маленькие города — с голодухи утаскивают собак, коз, залезают в овчарни по ночам. Тощают все звери. Нагулянный с осени жирок уже не греет, не питает их.

Кончаются запасы у зверюшек и в норах, в подземных кладовых.

Снег из друга, сохраняющего тепло, для многих всё больше теперь превращается в смертельного врага. Под его непосильной тяжестью ломаются ветви деревьев. Дикие куры — куропатки, рябчики, тетерева — радуются глубокому снегу: им хорошо ночевать, зарывшись в него с головой.

Но вот беда, когда после дневной оттепели ударит ночью мороз и покроет снег ледяной коркой — настом. Бейся тогда головой о ледяную крышу, пока солнышко не распустит наст!

И метёт-метёт позёмка, засыпает февраль-дорогорушник санные пути-дороги…

ДОТЕРПЯТ ЛИ?

Настал последний месяц лесного года, самый трудный месяц — Месяц Дотерпи до Весны.

У всех жителей леса к концу подошли запасы в кладовых. Отощали все звери и птицы — нет уже тёплого жира под кожей. От долгой жизни впроголодь много поубавилось силы.

А тут, как назло, вьюги и метели по лесу полетели, морозы что дальше, то крепче. Последний месяц зиме гулять, она и грянула лютой стужей. Держись теперь всякий зверь и птица, собирай последние силы — терпи до весны.

Наши лескоры обошли весь лес. Их очень беспокоил вопрос: дотерпят ли звери и птицы до тепла?

Много печального пришлось им увидеть в лесу. Иные жители леса не выдержали голода и холода — погибли. Удастся ли остальным проскрипеть ещё месяц? Попадаются, правда, и такие, за кото-

рых тревожиться нечего: не пропадут.

ГОЛОЛЁД

Страшней всего, пожалуй, когда после оттепели вдруг разом грянет резкий холод, сразу заморозит снег сверху. Такая ледяная корка на снегу — крепкая, жёсткая, скользкая — её не разобьёшь ни слабыми лапками, ни клювом. Копыто косули пробьёт её, но острые края пробитой корки льда как ножом режут шерсть, кожу и мясо ног.

Как птицам достать из-под гололёда травку, зёрнышки — пищу?

У кого нет силы пробить стекло ледяной корки, тот голодает.

А бывает и так.

Оттепель. Снег на земле стал сырым, рыхлым. Вечером пали в него серые полевые куропаточки, совсем легко проделали себе в нём норки, уснули в парной теплоте.

А ночью грянул мороз.

Куропаточки спали в тёплых подземных своих норках, не проснулись, не почувствовали холода.

Проснулись утром. Тепло под снегом. Только дышать трудно.

Надо наружу: вздохнуть, размять крылышки,

поискать еды.

Хотели взлететь — над головой крепкий, как стекло, ледок.

Гололёд. Поверх него ничего нет, под ним снег мягкий.

В кровь разбивают о лёд свои головки серые куропаточки — только бы вырваться из-под ледяного колпака.

И счастливы, хоть и на голодный желудок, те, кому удалось всё-таки вырваться из смертельного плена.

ЗАСОНИ

На берегу реки Тосны, недалеко от станции Саблино Октябрьской железной дороги, есть большая пещера. Там прежде брали песок, а теперь уж много лет туда никто не заходит.

Лескоры наши побывали в этой пещере и на потолке её нашли много летучих мышей-ушанов и кожанов. Уж пять месяцев, как они спят здесь головой вниз, лапками уцепившись за шероховатый песчаный свод. Ушаны спрятали свои громадные уши под сложенные крылья, крыльями завернулись, как в одеяло, висят — спят.

Встревоженные таким долгим сном ушанов и кожанов, наши корреспонденты сосчитали им

пульс и поставили термометр.

Летом у летучих мышей температура такая же, как у нас, около +37°, а пульс — 200 ударов в минуту.

Сейчас пульс оказался всего 50 ударов в минуту, а температура — только + 5°.

Несмотря на это, здоровье маленьких засонь признано не вызывающим никаких опасений.

Они ещё свободно могут проспать месяц, даже два, и проснуться вполне здоровыми, когда настанут тёплые ночи.

НЕВТЕРПЁЖ

Как только отпустят немножко морозы и настанет оттепель, из-под снега в лесу вылезает всякая нетерпеливая шушера: дождевые черви, мокрицы, пауки, божьи коровки, личинки жуков-пилильщиков.

Где только есть уголочек свободной от снега земли, вьюги часто выметают весь снег из-под коряг — тут они устраивают гулянье.

Насекомые разминают свои затёкшие ножки, пауки охотятся. Бескрылые комарики-снежники бегают, прыгают босиком прямо на снегу. В воздухе вьются долгоногие крылатые комары-толкунчики.

Как только ударит мороз, гулянье кончается, и вся компания опять прячется под листья, в мох, в траву, в землю.

БРОСАЮТ ОРУЖИЕ

Лесные богатыри-сохатые и самцы-косули скинули рога.

Сохатые сами сбрасывали с головы своё тяжёлое оружие: тёрлись рогами о стволы деревьев в чаще.

Заметив одного из безоружных богатырей, два волка решили напасть на него. Победа казалась им лёгкой.

Один волк накинулся на лося спереди, другой сзади.

Бой кончился неожиданно скоро. Крепкими передними копытами лось раскроил череп одному волку, мигом повернулся и опрокинул другого в снег. Весь израненный, волк едва успел улизнуть от врага.

У старых лосей и косуль в последние дни показались уже новые рога. Это еще не затвердевшие бугорки, покрытые кожей и пушистой шерстью.

ЛЮБИТЕЛЬ ХОЛОДНЫХ ВАНН

У проруби во льду речки около станции Гатчина Балтийской железной дороги один из наших лескоров заметил маленькую чернобрюхую птичку.

Был трескучий мороз, и, хоть на небе блистало солнце, нашему лескору не раз в то утро пришлось оттирать снегом побелевший нос.

Поэтому он очень удивился, услышав, как весело распевает чернобрюхая птичка на льду.

Он подошёл поближе. Тогда птичка подскочила и с размаху — бух в прорубь!

«Утопилась!» — подумал лескор и живо подбежал к проруби, чтобы вытащить сумасшедшую птичку.

Птичка гребла под водой крыльями, как пловец руками.

Тёмная спинка её блестела в прозрачной воде, как серебряная рыбка.

Птичка нырнула на самое дно и побежала по нему, цепляясь острыми коготками за песок. В одном месте она задержалась немножко. Перевернула клювом камешек и вытащила из-под него чёрного водяного жука.

А минуту спустя она уже выскочила на лёд

через другую прорубь, встряхнулась и как ни в чём не бывало залилась весёлой песенкой.

Наш лескор сунул руку в прорубь. «Может быть, тут горячие ключи и вода в речке тёплая?» — подумал он.

Но он сейчас же выдернул руку из проруби: ледяная вода обожгла его.

Тогда только он понял, что перед ним водяной воробей — оляпка.

Это тоже одна из птиц, для которых законы не писаны, как для клеста.

Перья у неё покрыты тонким слоем жира. Когда водяной воробей ныряет, воздух пузырится на его жирных перьях и блестит серебром. Птичка точно в одежде из воздуха, и ей не холодно даже в ледяной воде.

У нас в Ленинградской области водяной воробей — редкий гость и бывает только зимой.

ЖИЗНЬ ПОД СНЕГОМ

Всю-то долгую зиму глядишь, глядишь на засыпанную снегом землю да невольно и раздумаешься: что там под ним, под этим холодным сухим морем снега? Осталось ли там, на дне его, хоть что-нибудь живое?

Наши корреспонденты выкопали в лесу, на

полянах и в поле глубокие — до самой земли — колодцы в снегу.

То, что мы увидали там, превзошло все наши ожидания. Там показались зелёные розетки каких-то листочков и молодые острые росточки, пробивающиеся из сухих дернинок, и зелёные стебельки разных трав, придавленные к промёрзлой земле тяжёлым снегом, но живые. Подумайте только — живые!

Оказывается, живут на дне мёртвого снежного моря, зеленеют себе и земляника, и одуванчик, и кашка, и кошачьи лапки, и асколка, и дубровка, и щавель, и множество ещё разных растений! А на нежной, сочной зелени травки-мокрицы даже крошечные бутоны.

В стенах снежных колодцев наших лескоров были обнаружены круглые дырочки. Это перерезанные лопатами ходы-переходы малых зверюшек, отлично умеющих добыть себе еду в снежном море. Мыши и полёвки грызут под снегом вкусные и питательные корешки, и хищные землеройки, ласки, горностаи охотятся тут зимой за этими грызунами, да и за птицами, ночующими в снегу.

Прежде думали, что у одних только медведей детёныши родятся среди зимы. Счастливые ре-

бята, говорят, родятся «в рубашечке». Медвежата появляются на свет очень маленькими, с крыс, и не то что в рубашечке — прямо в шубках.

Теперь учёные дознались, что некоторые мыши и полёвки зимой вроде как выезжают на дачу: перебираются из своих летних подземных норок наверх — «на лёгкий воздух» — и устраивают себе гнёзда под снегом на корнях и нижних ветвях кустов. И вот чудеса: зимой у них тоже бывают детёныши! Крошечные мышиные малыши родятся совсем голенькими, но в гнезде тепло, и маленькие мамы кормят их своим молочком.

ВЕСНЫ ПРИМЕТЫ

Хоть и крепки ещё в этом месяце морозы, да уж не те, что были среди зимы. Хоть и глубок снег, да уж не тот, что был — блестящ и бел. Потускнел, посерел, ноздреват стал. А с крыш сосульки растут, а с сосулек капель. Глядишь — уж и лужицы.

Солнце всё чаще выглядывает, солнце уж начинает пригревать. И небо уж не мёрзлое, бело-голубого зимнего цвета. Небо синеет день ото дня. И облака по нему не сероватые, зимние: они уже слоятся и, того и гляди, поплывут крепкими, сбитыми кучками.

Чуть солнце — под окном уж вызванивает ве-

сёлая синица:

— Скинь шубак, скинь шубак, скинь шубак!

Ночами на крышах кошачьи концерты и драки.

В лесу нет-нет да раскатится радостная барабанная дробь пёстрого дятла. Хоть носом по суку, а всё считается песня!

И в самой глуши, под елями и соснами, на снегу кто-то чертит таинственные знаки, непонятные чертежи. И при виде их замрёт вдруг, потом сильно забьётся охотничье сердце: ведь это мошник — бородатый лесной петушище, глухарь избороздил крепкий весенний наст крутыми перьями могучих крыльев. Значит… значит, вот-вот начнётся глухариный ток, таинственная лесная музыка.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

В морозный, но солнечный день прозвучала в городских садах первая весенняя песенка.

Пел зинзивер, синица-кузнечик. Песня нехитрая:

«Зин-зи-вер! Зин-зи-вер!»

Только и всего. Но так весело звенит эта песня, точно бойкая златогрудая птичка хочет сказать на своём птичьем языке:

— Скинь кафтан! Скинь кафтан! Весна!

ТИР

БЕЙ ОТВЕТОМ ПРЯМО В ЦЕЛЬ! СОСТЯЗАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

1. Какой зверёк спит всю зиму вниз головой?
2. Что делает зимой ёж?
1. Какая певчая птичка достаёт себе пищу, ныряя в воду под лёд?
2. Где раньше начинает таять снег — в лесу или в городе? И почему?
3. С прилёта каких птиц считаем мы начало весны?
4. В новой стене в круглом окне за день стекло разбито, за ночь вставлено.
5. В избе мёрзнут, на улице нет.
6. Что выше лесу, что краше свету?
7. Ума нет, а хитрее зверя.
8. Весной веселит, летом прохлаждает, осенью питает, зимой согревает.

ОТВЕТЫ НА «ТИР»
ПРОВЕРЬ, ПОПАЛ ЛИ ТВОЙ ОТВЕТ В ЦЕЛЬ

СОСТЯЗАНИЕ ПЕРВОЕ

1. С 21 марта.

2. Грязный, потому что он тёмный. Тёмные цвета поглощают больше солнечных лучей. (В чёрной шапке летом жарче всего.)

3. Весной пушные звери линяют, теряют густой и тёплый подшёрсток; это обесценивает мех. Кроме того, весной у зверей детёныши.

4. Летучие мыши появляются после вылета насекомых, которыми они питаются.

5. Мать-и-мачеха, перелески, подснежники.

6. Белая куропатка: зимой она белая, летом пегая.

1. Когда вылиняет в серый цвет раньше, чем растает снег, или когда земля обнажится прежде, чем беляк вылиняет.

2. Зрячими.

3. 21 марта — в день весеннего равноденствия и 21 сентября — в день осеннего равноденствия.

4. Ледяная сосулька.

5. Весной тепло от солнца.

6. Снег; растает — ручьи побегут, заревут.

7. Земля зимой в снегу, весной цветами одевается.

8. Снег.

9. Новое утро.

СОСТЯЗАНИЕ ВТОРОЕ

1. Рак.

2. Сморчки и строчки.

3. Пахарь вырывает плугом из земли много червей, личинок жуков и других насекомых. Грачи подбирают их.

4. Ласточки.

5. Таскают шерсть для гнёзд и выклёвывают насекомых и их личинок из кожи старых животных.

6. Предки наших домашних гусей и уток были перелётными птицами. Весной, во время пролёта диких, домашние гуси и утки тоскуют: их также тянет куда-то лететь.

7. Весной неожиданно разлившаяся вода часто заливает яйца и птенцов птиц, гнездящихся на земле.

8. На всех. Крупные щуки в конце апреля выходят метать икру по разливам полой воды на такие мелкие места, что спины их часто высовываются

наружу. Тут их и стреляют браконьеры.

9. Гады, потому что у них кровь холодная; в холод они замирают. А птицы, если они сыты, почти не боятся холода.

10. Деревенская ласточка, касатка.

11. Улей, пчёлы.

12. Жук.

13. Комар-кусака.

14. Льёт дождь, пьёт земля, трава растёт.

15. Мать-земля сырая.

16. Облака.

СОСТЯЗАНИЕ ТРЕТЬЕ

1. Хрущи — майский и июньский.

2. На ноге у кузнечика — зазубринки, на крыле — зацепочки. Треск получается от трения ноги о крыло.

3. Хвостом.

4. Потому что самец-выпь издаёт звук, похожий на рёв быка.

5. Коростель, болотная курочка.

6. Скворцы в клювах уносят из гнезда разбитые птенцами яйца и бросают скорлупки далеко от скворечен.

7. Иволга.

8. Самец белой куропатки: весной во время тока он издаёт звук, похожий на собачий лай.

9. Птицы, оперенье которых окрашено в яркие цвета. Они прилетают к нам, когда деревья покроются яркой, молодой листвой.

10. В муравейниках у муравьев жизнь ключом кипит; дятлы стучат, как кузнецы куют; ночью над лесом звёзды, как свечи, горят.

11. Берёза: путник вырежет себе из неё палку, кто на телеге едет — кнутовище, а хворых поят в деревнях берёзовым соком.

1. Паутина.

2. Дождь: ручьи от него выбегают из травы.

3. Дождь.

4. Козёл.

СОСТЯЗАНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

1. 21 июня. Это самый долгий день в году.

2. Колюшка.

3. Мышь-малютка.

4. Чайки, кулики, живущие по песчаным берегам.

5. Под цвет песка и гальки.

6. В гнезде касатки вход сверху, в гнезде воронка — сбоку.

7. Потому что птица бросает гнездо, если тронуть его руками.

8. Зимородок.

9. Потому что эти птички убирают, «маскиру-

ют» свои гнёзда снаружи лишаями тех деревьев, на которых строят гнёзда.

10. Далеко не все. Многие (зяблики, щеглы, пеночки) выводят дважды, а некоторые (воробьи, овсянки) даже три раза в лето.

11. Водяной паук-серебрянка.

12. У кукушки.

13. Туча.

14. Коза.

15. Эхо.

16. Ёж.

СОСТЯЗАНИЕ ПЯТОЕ

1. У птенцов, когда они ещё не вылупились из яйца, на клюве (сверху) есть маленькая твёрдая шишечка. Ею птенец разбивает скорлупу яйца. Эта шишечка называется «яйцевым зубом». После вылупления этот «зуб» у птенца отпадает.

2. Летом, когда всюду беспомощные птенцы и зверята.

3. Птица.

4. Многие насекомые, например бабочка: яичко, гусеница, из куколки которой выходит бабочка.

5. Оперенье гуся всегда покрыто жиром, поэтому вода не смачивает перьев и каплями скатывается с них.

6. Птенцы кукушки. Она подбрасывает яйца и отдаёт своих птенцов на выкорм другим птицам.

7. Вертиголовки (вертишейки).

8. Колюшка.

9. К солнцу, то есть прямо на юг.

10. Есть. У нас на моховых болотах растёт росянка. Росянка ловит и съедает садящихся на её круглые клейкие листочки комаров, мошек и других насекомых. В реках и озёрах растёт пузырчатка; она ловит забирающихся в её пузырьки водяных рачков, насекомых, рыбёшек.

11. Гром и молния.

12. Лён цветёт голубыми цветочками до полудня.

13. Красные грибы, подосиновики.

14. Ягоды шиповника.

15. Роса.

16. Муравьи.

17. Улитка.

18. Шиповник, роза.

СОСТЯЗАНИЕ ШЕСТОЕ

1. Летучие мыши. Расстояние в несколько десятков метров пролетает и летяга (полетуха) — живущая в наших лесах белка с кожистыми перепонками между лапками.

2. Собираются стаями, кричат и кидаются на

сову, пока не прогонят.

3. В ясные осенние дни. Ветер вместе с паутинкой поднимает и носит по воздуху молодых паучков.

4. У подёнки (однодневки).

5. Летая, ласточки ловят мошек, комаров и других крылатых насекомых. В ясную погоду воздух сухой, и эти насекомые поднимаются высоко над землёй. В сырую погоду воздух тяжёлый, полный влаги и не даёт им подниматься вверх.

6. Перед дождём муравьи прячутся в муравейник и закупоривают все входы в него.

7. Медведь.

8. На грязи, тине или по берегам рек, озёр, прудов: сюда много слетается разных птиц, и все они оставляют ясные отпечатки ног.

9. Споры гриба-дождевика («заячья картошка»). Спелый дождевик лопается от лёгкого удара, и из него вырывается облако пыли («чёртов табачок») — споры.

10. Хлебные колосья: на дворе солома, на столе хлеб, а жнитвина осталась на поле.

11. Сноп.

12. Осина.

13. Крапива.

14. Лягушка.

СОСТЯЗАНИЕ СЕДЬМОЕ

1. С 21 сентября — дня осеннего равноденствия.

2. У зайчихи. Поздние зайчата так и называются — листопадники.

3. Рябины, осины, клёна.

4. Не все. Некоторые улетают от нас на восток (через Уральский хребет), например маленькая певчая птичка бормотушка, чечевичник, куличок-плавунчик.

5. Сохатый — от слова «соха», на которую похожи рога старого лося.

6. Косачи (тетерева-самцы). Слова эти подобраны в подражание его песне — бормотанью. Бормочет косач весной и осенью.

7. Это значит, что в том месте в лесу находится падаль или раненое животное.

8. Большинство их гибнет с первыми же холодами. Некоторые же забираются в щели деревьев, заборов, домов, под кору — и там перезимовывают.

9. Листва.

10. Дождь.

11. Волк.

12. Воробей.

13. Белый гриб.

14. Пугало.

СОСТЯЗАНИЕ ВОСЬМОЕ

1. В гору. У зайца передние ноги коротки, задние длинны. Поэтому заяц в гору бежит легко, а с отвесной горы летит кубарем через голову.

2. На облетевших деревьях видны хорошо скрытые летом в листве птичьи гнёзда.

3. Белка. Она втаскивает грибы на деревья и насаживает на сучочки, а зимой, в бескормицу, отыскивает их и съедает.

4. Водяная крыса.

5. Очень немногие: совы собирают себе про запас в дуплах убитых мышей, сойка (ронжа) — жёлуди, орехи.

6. Закрывают все входы-выходы в муравейнике и собираются сами все в кучу.

7. Уходят под воду, забиваются под камни, в ямы, в тину или под мох; бывает — забираются даже в погреба.

8. Лист с дерева.

9. Горизонт.

10. Четвёртый год идёт.

11. Гусь, утка.

12. Петух.

13. Рыба.

СОСТЯЗАНИЕ ДЕВЯТОЕ

1. В норках по берегам рек и озёр.

2. Поздней.

3. «Кузницей дятла» называют дерево или пень, в щель которого дятел засовывает шишки, чтобы обработать их клювом. На земле под такой «кузницей» часто накапливается целая горка развороченных дятлом шишек.

4. Полярная белая сова.

5. Прыжок зайца со следа в сторону.

6. Когда замёрзнут последние озёра, пруды и реки.

7. Осенью (и на всю зиму) дятлы присоединяются к стайкам синиц, пищух, поползней.

8. След, по которому заяц прошёл дважды — туда и назад.

9. Горностай.

10. Ветер.

11. Бык.

12. Огурец.

13. Орех.

СОСТЯЗАНИЕ ДЕСЯТОЕ

1. С 22 декабря. Это самый короткий день в году.

2. На следу кошек, потому что кошки при ходьбе втягивают когти.

3. Не растёт: замирает.

4. Потому, что на свежевыпавшем снегу все сле-

ды свежие: по какому следу ни пойдёшь — зверя найдёшь.

5. Тетерева, куропатки и рябчики.

6. Потому что на бегу заяц выкидывает длинные задние ноги вперёд.

7. Гнёзд не вьют, птенцов не выводят.

8. Землеройку, потому что тонкому обонянию хищных зверей невыносим резкий запах мускуса, исходящий от землеройки.

9. Медведя.

10. Ветер.

Позёмка.

11. Мороз.

12. Мороз.

13. Вьюга, буран.

14. Рожь, овёс, пшеница.

СОСТЯЗАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

1. Жирным. Жир греет и питает спящего медведя.

2. Волк не стережёт добычу в засаде, как кошки, а догоняет её бегом.

3. Голод птицам страшней. Утки, лебеди, чайки, например, бывает остаются у нас всю зиму, если им есть чем кормиться, если где-нибудь остаётся непокрытая льдом вода.

4. Зимой деревья замирают, не впитывают в

себя воду; дрова из деревьев, срубленных зимой, суше.

5. Возраст спиленного дерева узнают по количеству кругов его древесины.

6. Потому что зимой около человеческого жилья им легче найти себе пищу.

7. Не все. Часть грачей остаётся зимовать у нас. Зимой на помойках, в рощах на ночёвке обычно можно видеть одного или несколько грачей среди стаи ворон.

8. Ничего не ест. Она зимой спит.

9. Медведей, согнанных с берлоги и вовсе не спящих зимой.

1. Летучие мыши зимой спят в дуплах, пещерах, на чердаках и под крышей.

2. Белеют только беляки, русаки остаются серыми.

3. Клесты питаются семенами хвойных деревьев. Всё тело их пропитывается смолой. Смола сохраняет тело от тления.

4. Клёст. Клесты выкармливают своих птенцов сосновыми и еловыми семечками.

5. Снег.

6. Медведь, барсук и другие звери, зимой впадающие в спячку.

7. Морковь, репа.

8. Капуста.
9. Кочан капусты.
10. Репа.

СОСТЯЗАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

1. Летучая мышь.
2. Спит, с осени забравшись в гнездо из травы и сухих листьев.
3. Оляпка.
4. В городе, потому что снег в городе грязней.
5. С прилёта грачей.
6. Прорубь во льду ночью затягивает.
7. Окна замерзают только изнутри.
8. Солнце.
9. Капкан.
10. Лес.

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

СКАЗКИ ЗВЕРОЛОВА

ЛЮЛЯ

— Прежде земли вовсе не было, — рассказывает хант-зверолов. — Только одно море было. Звери и птицы жили на воде и детей выводили на воде. И это было очень неудобно.

Вот раз собрались звери и птицы со всех концов моря, устроили общее собрание. Председателем выбрали большого-большого Кита. И стали думать, как беде помочь. Долго спорили, шумели, наконец постановили: достать со дна моря щепотку земли и сделать из неё большие острова. И тогда на земле жить, и детей выводить на земле.

Хорошо придумали. А как земли достать со дна — не знают. Море-то ведь глубокое, не донырнёшь до дна.

Стали звери и птицы рыб просить:

— Принесите нам, рыбы, щепотку земли со дна.

— А вам зачем? — спрашивают рыбы.

— Острова делать.

— Нет, — говорят рыбы, — не дадим вам земли острова делать. Нам без островов лучше жить:

плыви, куда хочешь.

Стали звери и птицы Кита просить:

— Ты из нас самый сильный и большой зверь. Ты председатель наш. Понатужься — нырни на дно.

Собрание просит — нельзя отказываться.

Набрал Кит воздуху, ударил хвостом по воде — нырнул. Пошли по морю волны, закачались на них звери и птицы.

Ждут-пождут — нет Кита. Только большие пузыри из воды выскакивают да с треском лопаются. И волны улеглись.

Вдруг забурлила вода, всколыхнулось море — выкинуло Кита высоко в воздух. Упал Кит назад в воду, выпустил из ноздрей две струи.

— Нет, — говорит, — не достать мне до дна. Очень уж я толстый, не пускает меня вода.

Загрустили звери и птицы: уж если Кит не может достать — кто же достанет?

Собрались все в круг, молчат, горюют. Вдруг выплывает в середину круга востроносенькая птица.

— Давайте, — говорит, — я попробую. Может быть, я донырну до дна.

Посмотрели звери и птицы: да ведь это Люля-Нырец! Ростом с малую уточку. На головке рожки

из перьев торчат.

Зашумели, рассердились звери и птицы:

— Ты, Люля, смеёшься над нами! Кита-великана море, как щепку, выкинуло. А уж тебя-то, слабенькую, разом расплющит.

— А может быть, и ничего, — говорит Люля. — Попробую.

И как сидела на воде, так и ушла под воду: только голову опустила — и нет Люли. Даже ряби на волнах не осталось.

Ждут-пождут звери и птицы — нет Люли. И море спокойно, только белые пузырики из воды выскакивают и лопаются без шума.

Вдруг на том месте, где Люля нырнула, опять она сидит. А когда вынырнула — никто и не заметил.

Сидит, дышит тяжело.

Зашумели, засмеялись звери и птицы:

— Где тебе, Люля, до дна достать! Маленькая ты, слабенькая ты, а с Китом тягаться хочешь.

А Люля молчит.

Отдышалась, отдохнула — опять под воду ушла.

Ждут-пождут звери и птицы, смотрят на воду — нет Люли. И море спокойно, только розовые пузырьки из воды выскакивают, лопаются без

шума.

Вдруг на том месте, где Люля нырнула, опять она сидит. А когда вынырнула — никто и не заметил.

Сидит, тяжело дышит. И глаза у неё розовые стали, и на клюве розовый от крови пузырик. Зашумели звери и птицы: жалко им стало маленькую Люлю.

— Довольно, — говорят, — ты для нас постаралась. Отдыхай теперь. Всё равно не достать земли со дна моря.

А Люля молчит.

Отдышалась, отдохнула — опять под воду ушла.

Ждут-пождут звери и птицы, смотрят на воду — нет Люли. И море спокойно.

Только красные пузырики из воды выскакивают, лопаются без шума.

Зашептали звери и птицы:

— Красные пузырики пошли — это кровь Люлина. Раздавило море Люлю. Не видать нам больше Люли.

Вдруг видят: глубоко в воде, под тем местом, где Люля сидела, что-то тёмное мелькает, приближается. Ближе, ближе — и всплыла наверх Люля ножками кверху. Подхватили её звери и

птицы, перевернули, посадили на воду ножками вниз и видят: сидит Люля, еле дышит. Глаза у неё красной кровью налились, на клюве — красный кровяной пузырик, а в клюве — щепотка земли со дна морского.

Обрадовались звери и птицы, взяли у Люли щепотку земли и сделали большие острова.

А маленькой Люле за то, что землю достала со дна моря, постановили дать награду: пусть в память об этом подвиге навсегда останутся у Люли глаза и клюв красивого красного цвета.

На этом собрание и кончилось. И помчались звери, помчались птицы делить между собой землю. А Люля осталась сидеть, где она сидела: она не могла ещё отдышаться.

Звери и птицы разобрали всю землю, до последнего клочка. Для Люли-то и не осталось места.

Вот и живёт она на воде по-прежнему.

Придёт пора детей выводить — соберёт камыш да ветки, что с берега в воду упали, устроит себе плотик плавучий. На нём и выводит детей.

Так и плавает всю жизнь по воде.

А глаза и клюв у Люли — это верно — и до наших дней красные остались.

КУЗЯР-БУРУНДУК И ИНОЙКА-МЕДВЕДЬ

Прежде Кузяр-Бурундук был весь жёлтый, как кедровый орешек без скорлупки. Жил он — никого не боялся, ни от кого не прятался, бегал, где хотел.

Да раз ночью поспорил с Инойкой-Медведем. А маленькому с большими — знаешь, как спорить: и выспоришь, да проиграешь.

Спор у них был: кто первый утром солнечный луч увидит?

Вот взобрались они на пригорышек и сели.

Инойка-Медведь сел лицом в ту сторону, где утром из-за леса солнцу вставать. А Кузяр-Бурундук сел лицом туда, где вечером солнце зашло за лес. Спиной к спине сели и сидят — ждут.

Перед Кузяром-Бурундуком высокая гора поднимается. Перед Инойкой-Медведем лежит долина гладкая.

Инойка-Медведь думает:

«Вот глупый Кузяр! Куда лицом сел! Там до вечера солнца не увидишь».

Сидят, молчат, глаз не смыкают.

Вот стала ночь светлеть, развиднелось.

Перед Инойкой-Медведем долина чёрная лежит, а небо над ней светлеет, светлеет, свет-

леет…

Инойка и думает:

«Вот сейчас падёт на долину первый лучик, — я и выиграл. Вот сейчас…»

А нет, всё ещё нету лучика. Ждёт Инойка, ждёт…

Вдруг Кузяр-Бурундук за спиной у него как закричит:

— Вижу, я вижу! Я первый!

Удивился Инойка-Медведь: перед ним долина всё ещё тёмная.

Обернулся через плечо, а позади-то макушки горы так солнцем и горят, так золотом и блещут!

И Кузяр-Бурундук на задних лапках пляшет — радуется.

Ой, как досадно Инойке-Медведю стало! Проспорил ведь малышу!

Протянул тихонько лапу — цоп! — за шиворот Кузяра-Бурундука, чтоб не плясал, не дразнился.

Да рванулся Кузяр-Бурундук — так все пять медвежьих когтей и проехали у него по спине. От головы до хвоста пять ремешков выдрали.

Шмыгнул Кузяр-Бурундук в норку. Залечил, зализал свои раны.

Но следы от медвежьих когтей остались. С той поры робкий стал Кузяр-Бурундук. Ото всех бе-

гает, по дуплам, по норкам прячется. Только и увидишь: пять чёрных ремешков мелькнут на спинке — и нет его.

ГЛАЗА И УШИ

Жил Инквой-Бобёр на извилистой лесной речке. Хороша у Бобра хата: сам деревья пилил, сам их в воду таскал, сам стены и крышу складывал.

Хороша у Бобра шуба: зимой тепло, и в воде тепло, и ветер не продувает.

Хороши у Бобра уши: плеснёт в речке рыба хвостом, упадёт лист в лесу — всё слышат.

А вот глаза у Бобра подгуляли: слабые глаза. Подслеповат Бобёр: и на сто коротеньких бобриных шагов не видит.

А в соседях у Бобра на светлом лесном озерке жил Хоттын-Лебедь. Красивый был и гордый, ни с кем дружить не хотел, даже здоровался нехотя. Поднимет белую шею, окинет взглядом с высоты соседа — ему кланяются, он чуть кивнёт в ответ.

Вот раз случилось, работает Инквой-Бобёр на берегу речки, трудится: осины зубами пилит. Подпилит кругом до половины, ветер налетит и свалит осину. Инквой-Бобёр её на брёвнышки распилит и тащит на себе брёвнышко за брёвнышком к речке. На спину себе взвалит, одной

лапой придерживает брёвнышко — совсем как человек идёт, только трубки в зубах нет.

Вдруг видит — по речке Хоттын-Лебедь плывёт, совсем близко. Остановился Инквой-Бобёр, брёвнышко с плеча скинул и вежливо сказал:

— Узя-узя!

Здравствуй, значит.

Лебедь гордую шею поднял, чуть головой кивнул в ответ и говорит:

— Близко же ты меня увидал! Я тебя ещё от самого поворота речки заметил. Пропадёшь ты с такими глазами.

И стал насмехаться над Инквой-Бобром:

— Тебя, слепыша, охотники голыми руками поймают и в карман положат.

Инквой-Бобёр слушал, слушал и говорит:

— Спору нет, видишь ты лучше меня. А вот слышишь ты тихий плеск вон там, за третьим поворотом речки?

Хоттын-Лебедь прислушался и говорит:

— Выдумываешь, никакого плеска нет. Тихо в лесу.

Инквой-Бобёр подождал, подождал и опять спрашивает:

— Теперь слышишь плеск?

— Где? — спрашивает Хоттын-Лебедь.

— А за вторым поворотом речки, на втором пустоплесье.

— Нет, — говорит Хоттын-Лебедь, — ничего не слышу. Всё тихо в лесу.

Инквой-Бобёр ещё подождал. Опять спрашивает:

— Слышишь?

— Где?

— А вон за мысом, на ближнем пустоплесье!

— Нет, — говорит Хоттын-Лебедь, — ничего не слышу. Тихо в лесу. Нарочно выдумываешь.

— Тогда, — говорит Инквой-Бобёр, — прощай. И пускай тебе так же послужат твои глаза, как мне мои уши служат.

Нырнул в воду и скрылся.

А Хоттын-Лебедь поднял свою белую шею и гордо посмотрел вокруг: он подумал, что его зоркие глаза всегда вовремя заметят опасность, — и ничего не боялся.

Тут из-за леса выскочила лёгонькая лодочка — айхой. В ней сидел Охотник.

Охотник поднял ружьё — и не успел Хоттын-Лебедь взмахнуть крыльями, как грохнул выстрел.

И свалилась гордая голова Хоттын-Лебедя в воду.

Вот и говорят ханты — лесные люди: «В лесу

первое дело — уши, глаза — второе».

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

— Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

— А зачем тебе хвост? — говорит Человек.

— А затем мне хвост, — говорит Муха, — зачем он у всех зверей, — для красоты.

— Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать; то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

— Ну ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко.

Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползёт. Подлетела Муха к Слизняку и кричит:

— Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

— Что ты, что ты! — говорит Слизняк. — У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его

сжимаю да разжимаю, — только так и ползаю. Я — брюхоног.

Муха видит — ошиблась, — и полетела дальше.

Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак — оба с хвостами. Муха к Рыбе:

— Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

— Совсем не для красоты, — отвечает Рыба. — Хвост у меня — руль. Видишь: надо мне направо повернуть — я хвост вправо поворачиваю. Надо налево — я влево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

— Отдай мне твой хвост, Рак!

— Не могу отдать, — отвечает Рак. — Ножки у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлёпну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёп, шлёп — и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит, Муха к нему:

— Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

— Вот чудачка! — говорит Дятел. — А как же я

деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?

— А ты носом, — говорит Муха.

— Носом-то носом, — отвечает Дятел, — да ведь и без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся Дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом да как стукнет носом по суку — только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, — нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше.

Видит: Оленуха в кустах со своими оленятами. И у Оленухи хвостик — маленький, пушистый, беленький хвостик. Муха как зажужжит:

— Отдай мне твой хвостик, Оленуха!

Оленуха испугалась.

— Что ты, что ты! — говорит. — Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

— Оленяткам-то зачем твой хвост? — удивилась Муха.

— А как же, — говорит Оленуха. — Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь — спрятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу,

как платочком: «Сюда бегите, сюда!» Они видят — беленькое впереди мелькает, — бегут за мной. Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидала Лисицу. Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый!

«Ну, — думает Муха, — уж этот-то хвост мой будет».

Подлетела к Лисице, кричит:

— Отдавай хвост!

— Что ты, Муха! — отвечает Лисица. — Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня, бесхвостую, поймают. А хвостом я их обману.

— Как же ты, — спрашивает Муха, — обманешь их хвостом?

— А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! — хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает:

«Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока

он мне хвост не сделает».

Человек сидел у окошка, смотрел на двор. Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! — а Муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу! — а Муха уж опять на носу.

— Отстань ты от меня, Муха! — взмолился Человек.

— Не отстану, — жужжит Муха. — Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала — у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи — вон какая надоедная!

Подумал и говорит:

— Муха, Муха, а вон Корова на дворе. Спроси у неё, зачем ей хвост.

— Ну ладно, — говорит Муха, — спрошу ещё у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, выспрашивать:

— Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине — и пришлёпнула Муху.

Упала Муха на землю — дух вон, и ножки квер-

ху.

А Человек и говорит из окошка:

— Так тебе, Муха, и надо — не приставай к людям, не приставай к зверям, надоеда.

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый. Прилетел Дятел пёстрый, шапка красная, нос вострый. По стволу скок-поскок, носом стук-постук — выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил — выдолбил глубокое дупло. Лето в нём пожил, детей вывел и улетел. Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло Скворец. Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка. Чем Скворцу не теремок? Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал Скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живёт, другой живёт — сохнет старый дуб, крошится; больше дупло — шире дыра.

На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка с кошачью голову.

Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил Дятел пёстрый — нос вострый, теперь я живу — Скворец, первый в роще певец. А ты кто?

— Я Сыч. Попадёшь мне в когти — не хнычь. Ночью прилечу — цоп! — и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался Скворец Сыча, улетел.

Ничего не натаскал Сыч, стал так в дупле жить: на своих пёрышках.

Год живёт, другой живёт — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про дупло Белка. Прискакала. Видит — дуб, в дубу — дырка с собачью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил Дятел пёстрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, теперь я живу — Сыч. Попадёшь мне в когти — не хнычь. А ты кто?

— Я белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, востры, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался Сыч Белки, улетел.

Натаскала Белка моху, стала в дупле жить.

Год живёт, другой живёт — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Куница. При-

бежала, видит — дуб, в дубу — дыра с человечью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил Дятел пёстрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, жил Сыч — попадёшь ему в когти — не хнычь, теперь я живу — Белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

— Я Куница — всех малых зверей убийца. Я страшней Хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Белка Куницы, ускакала.

Ничего не натаскала Куница, стала так в дупле жить: на своей шёрстке.

Год живёт, другой живёт — крошится старый дуб, шире дупло. На третий год узнали про то дупло пчёлы. Прилетели. Видят — дуб, в дубу — дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил Дятел пёстрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, жил Сыч — попадёшь к нему в когти — не хнычь, жила Белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка, теперь я живу — Куница — всех малых зверей убийца. А вы кто?

— Мы пчелиный рой — друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Куница пчёл, убежала.

Натаскали пчёлы воску, стали в дупле жить. Год живут, другой живут — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло Медведь. Пришёл. Видит — дуб, в дубу — дырища с целое окнище. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил Дятел пёстрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, жил Сыч — попадёшь ему в когти — не хнычь, жила Белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка, жила Куница — всех малых зверей убийца, теперь мы живём — пчелиный рой — друг за дружку горой. А ты кто?

— А я Медведь, Мишка, — вашему терему крышка!

Влез на дуб, просунул голову в дупло да как нажал!

Дуб-то пополам и расселся, а из него — считайка, сколько лет копилось:

шерсти,

да сена,

да воску,
да моху,
да пуху,
да перьев,
да пыли —
да пх-х-х!..
Теремка-то и не стало.

ЛЕСНОЙ КОЛОБОК – КОЛЮЧИЙ БОК

Жили-были старик со старухой — те самые, от которых Колобок укатился. Пошли они в лес. Старик и говорит старухе:

— Глянь-ка, старуха, никак под кустиком-то наш Колобок лежит?

Старик плохо видел, да и у старухи глаза слезились. Наклонилась она поднять Колобок — и наткнись на что-то колючее. Старуха:

«Ой!» — а Колобок вскочил на коротенькие ножки и покатил по дорожке.

Катится Колобок по дорожке — навстречу ему Волк.

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, Серый Волк, я тебе песенку спою:

Я лесной Колобок – Колючий Бок!
Я по коробу не скребён,
По сусеку не метён,
На сметане не мешен.
Я под кустиком рос,
Весь колючками оброс,

Я на ощупь нехорош,
Меня голыми руками не возьмёшь!
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
От тебя, Волк, подавно уйду!

Волк рассердился — хвать его лапой. Колючки в лапу впились Волку — ой, больно! А Колобок подскочил и покатился по дорожке, только его Волк и видел!

Катится Колобок — навстречу ему Медведь.

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я лесной Колобок – Колючий Бок!
Я по коробу не скребён,
По сусеку не метён,
На сметане не мешен.
Я под кустиком рос,
Весь колючками оброс,
Я на вкус нехорош,
Меня в рот не возьмёшь!
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от Волка ушёл,

От тебя, Медведь, подавно уйду!

Медведь разозлился, хотел его в пасть схватить, губы наколол — ой, больно! А Колобок опять покатился — только Медведь его и видел!

Катится Колобок — навстречу ему Лиса.

— Колобок, Колобок, куда катишься?

— Качусь по дорожке.

— Колобок, Колобок, спой мне песенку! Колобок и запел:

– Я лесной Колобок – Колючий Бок!
Я по коробу не скребён,
По сусеку не метён,
На сметане не мешен.
Я под кустиком рос,
Весь колючками оброс,
Я кругом нехорош,
Как меня ты возьмёшь?
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от Волка ушёл,
От Медведя ушёл,
От тебя, Лиса, не хитро уйти!

И только было покатился по дорожке — Лиса

его тихонечко, одними коготками толк в канаву! Колобок — плюх! — в воду. Мигом развернулся, заработал лапками — поплыл. Тут все и увидели, что это совсем не Колобок, а настоящий лесной ёж.

ЛИС И МЫШОНОК

— Мышонок, Мышонок, отчего у тебя нос грязный?

— Землю копал.

— Для чего землю копал?

— Норку делал.

— Для чего норку делал?

— От тебя, Лис, прятаться.

— Мышонок, Мышонок, я тебя подстерегу!

— А у меня в норке спаленка.

— Кушать захочешь — вылезешь!

— А у меня в норке кладовочка.

— Мышонок, Мышонок, а ведь я твою норку разрою.

— А я от тебя в отнорочек — и был таков!

СОВА

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт — молоком белит. Летит мимо Сова.

— Здорово, — говорит, — друг!

А Старик ей:

— Ты, Сова, отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонишься — какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

— Ладно же, — говорит, — старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить — сам лови.

А Старик:

— Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

— Погляди-ка, кума, не летит ли Сова — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

— Не видать Совы, не слыхать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

— А пускай идут, — говорит Старик. — Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

— А пускай летят, — говорит Старик. — Что от них толку: ни мёду, ни воску, — волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

— И ветер разнесёт, — говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок — не

родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит: трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; пойло лижет, а молоко всё жиже да жиже.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придёшь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить — пошёл Старик Сове кланяться:

— Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

— То-то, — говорит, — старый. Дружно не груз-

но, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей пугать.

Сова полетела мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уважать.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, — думает, — на охоту за дикими зверями и птицами».

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» — думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» — думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» — думает Щенок, и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула на него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается

взад-вперёд,

взад-вперёд.

У Щенка перед глазами жёлтые и коричневые полосы качаются

взад-вперёд,

взад-вперёд.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась — тонкая-тонкая, и вся в жёлтые и коричневые полосы раскрашена. Стоит, качается

взад-вперёд,

взад-вперёд.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел — не видно Выпи в камыше.

«Ну, — думает, — обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю».

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет — то развернёт, то сложит.

«Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» — думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пёстрый лоскут, и торчит из него кривая игла.

Удивился Щенок: куда же Удод девался? «Неужели я эту пёструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю».

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

«Ага! — думает Щенок. — Попалась!»

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в чёрном дупле чёрная змея извивается и страшно шипит.

Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял — и наутёк.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у неё змейкой извивается полоска чёрных перьев.

«Уф! Напугала как! Еле ноги унес. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихонько к ней подкрался Щенок — прыг! — и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама под камень!

Хвост в зубах у Щенка извивается.

Фыркнул Щенок, бросил хвост — и за ней. Да

куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отращивает.

«Ну, — думает Щенок, — уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю».

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, в воздухе бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг стало кругом, как на загадочной картинке: все тут, а никого не видно. Спрятались все.

Зелёные кузнечики в зелёной траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли: их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили — не разберёшь, где кора, где листья, где бабочки.

Один крошечный Жук-Бомбардир идёт себе по земле, никуда не прячется.

Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился да как пальнёт в него летучей едкой струйкой — прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся — да через луг, да в подворотню.

Забился в конуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые — все опять за свои

дела принялись.

КРАСНАЯ ГОРКА

Чик был молодой красноголовый воробей. Когда ему исполнился год от рождения, он женился на Чирике и решил зажить своим домком.

— Чик, — сказала Чирика на воробьином языке, — Чик, а где же мы устроим себе гнездо? Ведь все дупла в нашем саду уже заняты.

— Эка штука! — ответил Чик, тоже, конечно, по-воробьиному. — Ну, выгоним соседей из дому и займём их дупло.

Он очень любил драться и обрадовался такому удобному случаю показать Чирике свою удаль. И раньше чем робкая Чирика успела его остановить, он сорвался с ветки и помчался к большой рябине с дуплом. Там жил его сосед — такой же молодой воробей, как Чик.

Хозяина около дома не было.

«Заберусь в дупло, — решил Чик, — а когда прилетит хозяин, буду кричать, что он хочет отбить у меня дом. Слетятся старики — и вот зададим соседу!»

Он и забыл совсем, что сосед женат и жена его уже пятый день мастерит гнездо в дупле.

Только Чик просунул в дырку голову — рраз! —

кто-то больно щёлкнул его по носу. Пискнул Чик и отскочил от дупла. А сзади уже мчался на него сосед. С криком сшиблись они в воздухе, упали на землю, сцепились и покатились в канаву.

Чик дрался на славу, и соседу его приходилось уже плохо. Но на шум драки со всего сада слетелись старики воробьи. Они сейчас же разобрали, кто прав, кто виноват, и задали Чику такую встрёпку, что он не помнил, как и вырвался от них.

В себя пришёл Чик в каких-то кустах, где прежде ему никогда не случалось бывать. Все косточки у него ныли.

Рядом с ним сидела перепуганная Чирика.

— Чик! — сказала она так грустно, что он, верно бы, расплакался, если б только воробьи умели плакать. — Чик, мы теперь никогда больше не вернёмся в родной сад! Где мы выведем теперь детей?

Чик и сам понимал, что ему нельзя больше попадаться на глаза старикам воробьям: они забьют его насмерть. Всё-таки он не хотел показать Чирике, что трусит. Поправил клювом свои растрёпанные перышки, немножко отдышался и сказал беспечно:

— Эка штука! Найдём себе другое место, ещё

получше.

И они отправились куда глаза глядят — искать себе новое место для житья.

Только вылетели они из кустов, как очутились на берегу весёлой голубой реки. За рекой поднималась высокая-высокая гора из красной глины и песка. Под самой вершиной обрыва виднелось множество дырок и норок. У больших дырок сидели парочками галки и рыжие соколки-пустельги; из маленьких норок то и дело вылетали быстрые ласточки-береговушки. Целая стая их лёгкой тучкой носилась над обрывом.

— Смотри, как у них весело! — сказала Чирика. — Давай и мы устроим себе гнездо на Красной горке.

Чик с опаской поглядел на соколков и галок. Он думал: «Хорошо береговушкам: они сами копают себе норки в песке. А мне чужое гнездо отбивать?» И снова у него заныли сразу все косточки.

— Нет, — сказал он, — тут мне не нравится: такой шум, прямо оглохнуть можно.

И они полетели дальше. Дальше была роща, а за рощей — домик с дощатым сараем.

Чик и Чирика опустились на крышу сарая. Чик сразу заметил, что тут нет ни воробьев, ни ласточек.

— Вот где житьё-то! — радостно сказал он Чирике. — Гляди, сколько разбросано по двору зерна и крошек. Мы будем тут одни и никого к себе не пустим.

— Чш! — шикнула Чирика. — Смотри, какое страшилище там, на крыльце.

И правда: на крыльце спал толстый Рыжий Кот.

— Эка штука! — храбро сказал Чик. — Что он нам сделает? Гляди, вот как я его сейчас!..

Он слетел с крыши и так стремительно понёсся на Кота, что Чирика даже вскрикнула.

Но Чик ловко подхватил у Кота из-под носа хлебную крошку и — раз-раз! — опять уже был на крыше.

Кот даже не шевельнулся, только приоткрыл один глаз и зорко поглядел на забияку.

— Видела? — хвастал Чик. — А ты боишься!

Чирика не стала с ним спорить, и оба принялись искать удобное место для гнезда.

Выбрали широкую щель под крышей сарая. Сюда принялись они таскать сначала солому, потом конский волос, пух и перья.

Не прошло и недели, как Чирика положила в гнездо первое яичко — маленькое, всё в розовато-бурых пестринках. Чик был так рад ему, что

сложил даже песенку в честь своей жены и себя самого:

Чирик, Чик-чик,
Чирик, Чик-чик,
Чики-чики-чики-чики,
Чики, Чик, Чирик!

Песенка эта решительно ничего не значила, зато её так удобно было распевать, прыгая по забору.

Когда в гнезде стало шесть яичек, Чирика села их высиживать.

Чик полетел собирать для неё червячков и мух, потому что теперь её надо было кормить нежной пищей. Он замешкался немного, и Чирике захотелось поглядеть, где он.

Только она высунула нос из щели, как с крыши протянулась за ней рыжая лапа с растопыренными когтями. Рванулась Чирика — и целый пучок перьев оставила в когтях у Кота. Ещё чуть-чуть — и была бы её песенка спета.

Кот проводил её глазами, запустил в щель лапу и выволок разом всё гнездо — целый ком соломы, перьев и пуха. Напрасно кричала Чирика, напрасно подоспевший Чик смело кидался на Кота — никто не пришёл им на помощь. Рыжий

разбойник преспокойно съел все шесть их драгоценных яичек. Ветер поднял пустое лёгкое гнездо и скинул его с крыши на землю.

В тот же день воробьи навсегда покинули сарай и переселились в рощу, подальше от Рыжего Кота.

В роще им скоро посчастливилось найти свободное дупло. Они снова принялись таскать солому и целую неделю трудились, строили гнездо.

В соседях у них жили толстоклювый Зяблик с Зяблихой, пёстрые Мухолов с Мухоловкой и франтоватый Щегол со Щеглихой. У каждой пары был свой дом, пищи хватало всем, но Чик успел уже подраться с соседями — просто так, чтобы показать им, какой он храбрый и сильный.

Только Зяблик оказался посильней его и хорошо потрепал забияку. Тогда Чик стал осторожней. Он уже не лез в драку, а только топорщил перья и задиристо чирикал, когда мимо пролетал кто-нибудь из соседей. За это соседи на него не сердились: они и сами любили похвастать перед другими своей силой и удалью.

Жили спокойно, пока вдруг не стряслась беда.

Первый поднял тревогу Зяблик. Он жил дальше других от воробьев, но Чик услышал его громкое

тревожное: рюм-пиньк-пиньк! рюм-пиньк-пиньк!

— Скорей, скорей! — крикнул Чик Чирике. — Слышишь: Зяблик запинькал — опасность!

И правда: кто-то страшный к ним приближался. После Зяблика закричал Щегол, а там и Пёстрый Мухолов. Мухолов жил всего за четыре дерева от воробьев. Если уж он увидел врага — значит, враг был совсем близко.

Чирика вылетела из дупла и села на ветку рядом с Чиком. Соседи предупредили их об опасности, и они приготовились встретить её лицом к лицу.

В кустах мелькнула пушистая рыжая шерсть, и лютый враг их — Кот — вышел на открытое место. Он видел, что соседи уже выдали его воробьям и ему теперь не поймать Чирику в гнезде. Он злился.

Вдруг кончик его хвоста зашевелился в траве, глаза прищурились: Кот увидел дупло. Что же, ведь и полдюжины воробьиных яиц — неплохой завтрак. И Кот облизнулся. Он вскарабкался на дерево и запустил в дупло лапу.

Чик и Чирика подняли крик на всю рощу. Но и тут никто не пришёл к ним на помощь. Соседи сидели по своим местам и громко кричали от

страха. Каждая пара боялась за свой дом.

Кот зацепил когтями гнездо и вытащил его из дупла.

Но в этот раз он пришёл слишком рано: яиц в гнезде не оказалось, сколько он ни искал.

Тогда он кинул гнездо и сам спустился на землю. Воробьи провожали его криком.

У самых кустов Кот остановился и обернулся к ним с таким видом, точно хотел сказать:

«Погодите, миленькие, погодите! Никуда вы от меня не денетесь! Устраивайте себе новое гнездо, где хотите, выводите птенцов, а я приду и слопаю их, да и вас заодно».

И он так грозно фыркнул, что Чирика вздрогнула от страха.

Кот ушёл, а Чик с Чирикой остались горевать у разорённого гнезда. Наконец Чирика сказала:

— Чик, ведь через несколько дней у меня непременно будет новое яичко. Летим скорей, найдём себе местечко где-нибудь за рекой. Там уж Кот не достанет нас.

Она и не знала, что через реку есть мост и что Кот частенько хаживает по этому мосту. Чик этого тоже не знал.

— Летим, — согласился он.

И они полетели.

Скоро очутились они под самой Красной горкой.

— К нам, к нам летите! — кричали им береговушки на своём, на ласточкином, языке. — У нас на Красной горке житьё дружное, весёлое.

— Да, — крикнул им Чик, — а сами драться будете!

— Зачем нам драться? — отвечали береговушки. — У нас над рекой мошек на всех хватает, у нас на Красной горке пустых норок много — выбирай любую.

— А пустельги? А галки? — не унимался Чик.

— Пустельги ловят себе в полях кузнечиков и мышей. Нас они не трогают. Мы все в дружбе.

И Чирика сказала:

— Летали мы с тобой, Чик, летали, а краше этого места не видели. Давай тут жить.

— Что ж, — сдался Чик, — раз норки у них есть свободные и драться никто не будет, можно попробовать.

Подлетели они к горе, и верно: ни пустельги их не тронули, ни галки.

Стали норку себе по вкусу выбирать: чтобы и не очень глубокая была, и вход пошире. Нашлись такие две рядом.

В одной они гнездо выстроили и Чирика выси-

живать села, в другой Чик ночевал.

У береговушек, у галок, у соколков — у всех давно уже вывелись птенцы. Одна Чирика терпеливо сидела в тёмной своей норке. Чик с утра до ночи таскал ей туда еду.

Прошло две недели. Рыжий Кот не показывался. Воробьи уж и забыли о нём.

Чик с нетерпением ждал птенцов. Каждый раз, как притаскивал он Чирике червяка или муху, он спрашивал её:

— Тукают?

— Нет, ещё не тукают.

— А скоро будут?

— Скоро, скоро, — терпеливо отвечала Чирика.

Однажды утром Чирика позвала его из норки:

— Лети скорей: один тукнул!

Чик сейчас же примчался в гнездо. Тут он услышал, как в одном яйце птенчик чуть слышно тукал в скорлупу слабым клювиком. Чирика осторожно помогла ему: надломила скорлупку в разных местах.

Прошло несколько минут, и птенчик показался из яйца — крошечный, голый, слепой. На тоненькой-тоненькой шейке моталась большая голая голова.

— Да какой он смешной! — удивился Чик.

— Совсем не смешной! — обиделась Чирика. — Очень хорошенький птенчик. А тебе нечего тут делать, бери вот скорлупки да закинь их куда-нибудь подальше от гнезда.

Пока Чик относил скорлупки, выклевался второй птенчик и начал постукивать третий.

Вот тут-то и началась тревога на Красной горке.

Из своей норки воробьи услышали, как пронзительно вдруг закричали ласточки.

Чик выскочил наружу и сейчас же вернулся с известием, что Рыжий Кот карабкается по обрыву.

— Он видел меня! — кричал Чик. — Он сейчас будет здесь и вытащит нас вместе с птенцами. Скорей, скорей летим прочь отсюда!

— Нет, — грустно ответила Чирика. — Никуда я не полечу от маленьких моих птенчиков. Пусть будет, что будет.

И сколько ни звал Чик, она и с места не тронулась.

Тогда Чик вылетел из норки и стал как сумасшедший кидаться на Кота. А Кот лез и лез по обрыву. Тучей вились над ним ласточки, с криком летели на выручку к ним галки и пустельги.

Кот быстро вскарабкался наверх и уцепился ла-

пой за край норки. Теперь ему оставалось только просунуть другую лапу за гнездом и вытащить его вместе с Чирикой, птенцами и яйцами.

Но в эту минуту одна пустельга клюнула его в хвост, другая — в голову и две галки ударили в спину.

Кот зашипел от боли, повернулся и хотел схватить птиц передними лапами. Но птицы увернулись, и он кубарем покатился вниз. Ему не за что было уцепиться: песок сыпался вместе с ним, и чем дальше, тем скорей, чем дальше, тем скорей…

Птицам стало уже не видно, где Кот: с обрыва неслось только облако красной пыли. Плюх! — и облако остановилось над водой. Когда оно рассеялось, птицы увидели мокрую кошачью голову посредине реки, а сзади поспевал Чик и клевал Кота в затылок.

Кот переплыл реку и выбрался на берег. Чик и тут от него не отставал. Кот был так напуган, что не посмел схватить его, задрал мокрый хвост и галопом помчался домой.

С той поры ни разу не видели на Красной горке Рыжего Кота.

Чирика спокойно вывела шестерых птенцов, а немного погодя и ещё шестерых, и все они оста-

лись жить в свободных ласточкиных гнёздах.

А Чик перестал задирать соседей и крепко подружился с ласточками.

КАК МУРАВЬИШКА ДОМОЙ СПЕШИЛ

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко — и вниз».

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат — все домой бегут. Сядет солнце — муравьи все ходы и выходы закроют и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней, да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне

теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк-червяком, только спереди — ножки и сзади — ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

— Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост — к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше! — кричит. — Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит.

А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги, как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

— Слезай, — говорит. — Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

— Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит Жужелица. — Не с моими ногами по картофельным грядам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки — лес густой. Тут и со здоровыми ногами — целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка, пищит кто-то:

— А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся Муравьишка — стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю. Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, — а они у него, как пружинки складные, — да щёлк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! — на другой. Щёлк! — на

третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — сказал Кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви — не переплывёшь.

А солнце ещё ниже. Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках. Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

— Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

— Миленький, шибче! — просит Муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает Муравьишка.

— По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

— Гляди, — говорит Водомер, — вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ — тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь? Всё-таки послушался Водомера.

— Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А ты где живёшь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько… Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит Муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф, уф, уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» — поднялся Хрущ на воздух. Как пробку выкинуло его ветром вверх — выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ — у Муравьишки даже дух захватило. «Жжж! Тук-тук-тук!» — несётся Жук, буравит воздух, как пуля. Мелькнул под ним лес — и пропал. А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней. Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и — шлёп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился Муравьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься — не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там, под самой берёзой, его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло. Глянул вокруг себя: сучья да ли-

стья, листья да сучья. Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся! Вдруг видит: рядом на листке Гусеница Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа — и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит — крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху — дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопочут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли — один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк — и домой!

Тут и солнышко зашло.

МЫШОНОК ПИК

КАК МЫШОНОК ПОПАЛ В МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Ребята пускали по реке кораблики. Брат вырезал их ножиком из толстых кусков сосновой коры. Сестрёнка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

— Надо из прямого сучка, — сказал брат, взял ножик и пошёл в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

— Мыши, мыши!

Сестрёнка бросилась к нему.

— Рубнул сучок, — рассказывал брат, — а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда, под корень. Погоди, я её сейчас…

Он перерубил ножиком корень и вытащил крошечного мышонка.

— Да какой же он малюсенький! — удивилась сестрёнка. — И желторотый! Разве такие бывают?

— Это дикий мышонок, — объяснил брат, — полевой. У каждой породы своё имя, только я не знаю, как этого зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

— Пик! Он говорит, его зовут Пик! — засмеялась сестрёнка. — Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

— Всё равно убью его, — сердито сказал брат. — Я их всех убиваю: зачем они у нас хлеб воруют?

— Пусти его, — взмолилась сестрёнка, — он же маленький!

Но мальчик не хотел слушать.

— В речку заброшу, — сказал он и пошёл к берегу.

Девочка вдруг догадалась, как спасти мышонка.

— Стой! — закричала она брату. — Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: всё равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интересно.

Наладили парус, посадили мышонка в долблёное судёнышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от берега. Мышонок крепко вцепился в сухую кору и не шевелился.

Ребята махали ему руками с берега.

В это время их кликнули домой. Они ещё видели, как лёгкий кораблик на всех парусах исчез за поворотом реки.

— Бедный маленький Пик! — говорила девочка, когда они возвращались домой. — Кораблик, наверно, опрокинет ветром, и Пик утонет.

Мальчик молчал. Он думал, как бы ему извести всех мышей у них в чулане.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

А мышонка несло да несло на лёгком сосновом кораблике. Ветер гнал судёнышко всё дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая — целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели от роду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов. В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда — погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик вспугнул всё мышиное семейство.

Пик был ещё сосунком. Ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше б они разом убили его, чем пускать одного, маленького и беззащитного, в такое опасное путешествие.

Вес мир был против него. Ветер дул, точно хотел опрокинуть судёнышко, волны кидали кораблик, как будто хотели утопить его в тёмной своей глубине. Звери, птицы, гады, рыбы — все были против него. Каждый не прочь был поживиться глупым, беззащитным мышонком.

Первыми заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом. Они кричали от досады, что не могут разом прикончить мышонка: боялись с лету разбить себе клюв о твёрдую кору. Некоторые опустились на воду и вплавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать её страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица — рыболов-скопа.

Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидал мышонка на кораблике и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и судёнышко пе-

ревернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевёрнутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь; они думали, что мышонок утонул.

Пик не учился плавать. Но когда он попал в воду, оказалось, что надо было только работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынырнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся судёнышком.

Скоро судёнышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливцем, что спасся.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шёрстка скоро высохла, и он согрелся. Ему хотелось есть. Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодный целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы угомонились.

Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся — никого. Тогда он тёмным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теребить и рвать их зубами.

Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот тёплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него.

А над макушками высоких трав уже всходила полная луна. Быстрые тени бесшумно проносились в воздухе: это гонялись за ночными бабочками вёрткие летучие мыши.

Тихие шорохи и шелесты слышались со всех сторон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы. Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, подни-

мал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлёп! — ударилось что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлёп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей назад, в кусты!

Плюх-шлёп! — скакнуло сзади.

Плюх-шлёп! Плюх-шлёп! — раздалось со всех сторон.

Плюх! — раздалось совсем близко впереди.

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькнули над травой, и — шлёп! — перед самым носом Пика шлёпнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка. Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу…

Так они сидели друг перед другом, и ни тот, ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом по-прежнему слышалось «плюх-шлёп! плюх-шлёп!», точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве.

И всё ближе и ближе слышалось лёгкое быст-

рое шуршанье.

И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-чёрной змеи.

Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули в её разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Он опрометью кинулся прочь и сам не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землёй.

Тут он и провёл остаток ночи, благо брюшко у него было туго набито травой.

А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

ХВОСТ-ЦЕПЛЯЛКА И ШЁРСТКА-НЕВИДИМКА

Голодная смерть больше не грозит Пику: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?

Мыши всегда живут большими стаями: так легче защищаться от нападения. Кто-нибудь да заметит приближающегося врага, свистнет, и все спрячутся.

А Пик был один. Ему надо было скорей отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много

змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С такой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки.

С ветки на ветку, с сучка на сучок, с куста на куст — так пробирался Пик три ночи подряд.

Наконец кусты кончились. Дальше был луг.

Мышей в кустах Пик не встретил. Пришлось бежать дальше травой.

Луг был сухой. Змеи не попадались. Мышонок расхрабрился, стал путешествовать и при солнце. Ел он теперь всё, что ему попадалось: зёрна и клубни разных растений, жуков, гусениц, червей. А скоро научился и новому способу прятаться от врагов.

Случилось это так. Пик раскопал в земле личинки каких-то жуков, уселся на задние лапки и стал закусывать.

Ярко светило солнце. В траве стрекотали кузнечики.

Пик видел вдали над лугом маленького сокола-трясучку, но не боялся его. Трясучка — птица величиной с голубя, только потоньше, — неподвижно висела в пустом воздухе, точно подвешенная на верёвочке. Только крылья у неё

чуть-чуть тряслись да голову она поворачивала из стороны в сторону.

Он и не знал, какие зоркие глаза у трясучки.

Грудка у Пика была белая. Когда он сидел, её далеко было видно на бурой земле.

Пик понял опасность, только когда трясучка разом ринулась с места и стрелой понеслась к нему.

Бежать было поздно. У мышонка от страха отнялись ноги. Он прижался грудью к земле и замер.

Трясучка долетела до него и вдруг опять повисла в воздухе, чуть заметно трепеща острыми крыльями. Она никак не могла взять в толк, куда исчез мышонок. Сейчас только она видела его яркобелую грудку, и вдруг он пропал. Она зорко всматривалась в то место, где он сидел, но видела только бурые комья земли.

А Пик лежал тут, у неё на глазах.

На спинке-то шёрстка у него была жёлто-бурая, точь-в-точь под цвет земли, и сверху его никак нельзя было разглядеть.

Тут выскочил из травы зелёный кузнечик.

Трясучка кинулась вниз, подхватила его на лету и умчалась прочь.

Шёрстка-невидимка спасла Пику жизнь.

С тех пор, как замечал он издали врага, сейчас

же прижимался к земле и лежал не шевелясь. И шёрстка-невидимка делала своё дело: обманывала самые зоркие глаза.

«СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК»

День за днём Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик услышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую сторону. Он бежал всю ночь, а к утру забрался под большой куст и лёг спать.

Его разбудила громкая песня. Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой. Мышонку очень понравилась её весёлая песня. Ему захотелось послушать певичку поближе. Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта певичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан наки-

нулся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки.

Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинуться на него, как мышонок уже шмыгнул под корни. Тогда хитрый «соловей-разбойник» уселся на куст и стал ждать, не выглянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мёртвые, наполовину съеденные птенчики, ящерки, лягушата, жуки и кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника.

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика. Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чащу спать. Тогда мышонок тихонько вылез из-под куста и убежал.

Может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять услышал за кустами

плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и бежать в другую сторону.

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Пик бежал теперь по высохшему болоту.

Здесь рос один сухой мох; бежать по нему было очень трудно, а главное — нечем было подкрепиться; не попадались ни черви, ни гусеницы, ни сочная трава.

На вторую ночь мышонок совсем выбился из сил. Он с трудом взобрался ещё на какой-то пригорок и упал. Глаза его слипались. В горле пересохло. Чтобы освежиться, он лёжа слизывал со мха капельки холодной росы.

Начало светать. С пригорка Пик далеко видел покрытую мхом долину. За ней снова начинался луг. Сочные травы там стояли высокой стеной. Но у мышонка не было сил подняться и добежать до них.

Выглянуло солнце. От его горячего света быстро стали высыхать капельки росы.

Пик чувствовал, что ему приходит конец. Он собрал остатки сил, пополз, но тут же свалился и скатился с пригорка. Он упал на спину, лапками вверх, и видел теперь перед собой только обросшую мхом кочку.

Прямо против него в кочке виднелась глубокая чёрная дырка, такая узкая, что Пик не мог бы всунуть в неё даже голову.

Мышонок заметил, что в глубине её что-то шевелится.

Скоро у входа показался мохнатый толстый шмель. Он вылез из дырки, почесал лапкой круглое брюшко, расправил крылья и поднялся на воздух.

Сделав круг над кочкой, шмель вернулся к своей норке и опустился у её входа. Тут он привстал на лапках и так заработал своими жёсткими крылышками, что ветер пахнул на мышонка.

«Жжжуу! — гудели крылышки. — Жжжуу!..»

Это был шмель-трубач. Он загонял в глубокую норку свежий воздух — проветривал помещение и будил других шмелей, ещё спавших в гнезде.

Скоро один за другим вылезли из норки все шмели и полетели на луг — собирать мёд. Последним улетел трубач. Пик остался один. Он понял, что надо сделать, чтобы спастись.

Кое-как, ползком, с передышками, он добрался до шмелиной норки. Оттуда ударил ему в нос сладкий запах.

Пик ковырнул носом землю. Земля подалась.

Он ковырнул ещё и ещё, пока не вырыл ямку.

На дне ямки показались крупные ячейки серого воска. В одних лежали шмелиные личинки, другие были полны душистым жёлтым мёдом.

Мышонок жадно стал лизать сладкое лакомство. Вылизал весь мёд, принялся за личинок и живо справился с ними.

Силы быстро возвращались к нему: такой сытной пищи он ещё ни разу не ел с тех пор, как расстался с матерью. Он дальше и дальше разрывал землю — теперь уже без труда — и находил всё новые ячейки с мёдом, с личинками.

Вдруг что-то больно кольнуло его в щёку. Пик отскочил. Из-под земли лезла на него большая шмелиная матка.

Пик хотел было кинуться на неё, но тут загудели, зажужжали над ним крылья: шмели вернулись с луга.

Целое войско их накинулось на мышонка, и ему ничего не оставалось, как броситься в бегство.

Со всех ног пустился от них Пик. Густая шёрстка защищала его от страшных шмелиных жал. Но шмели выбирали места, где волос покороче, и кололи его в уши, в ноги, в затылок.

Одним духом — откуда и прыть взялась! — домчался он до луга и спрятался в густой траве.

Тут шмели отстали от него и вернулись к свое-

му разграбленному гнезду.

В тот же день Пик пересек сырой, болотистый луг и снова очутился на берегу реки.

Пик находился на острове.

ПОСТРОЙКА ДОМА

Остров, на который попал Пик, был необитаемый: мышей на нём не было.

Жили тут только птицы, только змеи да лягушки, которым ничего не стоило перебраться сюда через широкую реку.

Пик должен был жить здесь один.

Знаменитый Робинзон, когда он попал на необитаемый остров, стал думать, как ему жить одному. Он рассудил, что сперва надо выстроить себе дом, который защищал бы его от непогоды и нападения врагов. А потом стал собирать запасы на чёрный день.

Пик был всего только мышонок: он не умел рассуждать. И всё-таки он поступил как раз так же, как Робинзон. Первым делом он принялся строить себе дом.

Его никто не учил строить: это было у него в крови. Он строил так, как строили все мыши одной с ним породы.

На болотистом лугу рос высокий тростник впе-

ремежку с осокой — отличный лес для мышиной постройки.

Пик выбрал несколько растущих рядом тростинок, влез на них, отгрыз верхушки и концы расщепил зубами. Он был так мал и лёгок, что трава легко держала его.

Потом он принялся за листья. Он влезал на осоку и отгрызал лист у самого стебля. Лист падал, мышонок слезал вниз, поднимал передними лапами лист и протягивал его сквозь стиснутые зубы. Размочаленные полоски листьев мышонок таскал наверх и ловко вплетал их в расщеплённые концы тростника. Он влезал на такие тонкие травинки, что они гнулись под ним. Он связывал их вершинками одну за другой.

В конце концов у него получился лёгкий круглый домик, очень похожий на птичье гнёздышко. Весь домик был величиной с детский кулак.

Сбоку мышонок проделал в нём ход, внутри выложил мхом, листьями и тонкими корешками. Для постели он натаскал мягкого, тёплого цветочного пуха. Спаленка вышла на славу.

Теперь у Пика было где отдохнуть и прятаться от непогоды и врагов. Издали самый зоркий глаз не мог бы приметить травяное гнёздышко, со всех сторон скрытое высоким тростником и густой

осокой. Ни одна змея не добралась бы до него: так высоко оно висело над землёй.

Лучше придумать не мог бы и сам настоящий Робинзон.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Проходили дни за днями.

Мышонок спокойно жил в своём воздушном домике. Он стал совсем взрослым, но вырос очень мало. Больше расти ему не полагалось, потому что Пик принадлежал к породе мышей-малюток. Эти мыши ещё меньше ростом, чем наши маленькие серые домовые мыши.

Пик часто теперь подолгу пропадал из дому. В жаркие дни он купался в прохладной воде болота, неподалёку от луга.

Один раз он с вечера ушёл из дому, нашёл на лугу два шмелиных гнезда и так наелся мёду, что тут же забрался в траву и заснул.

Домой вернулся Пик только утром. Ещё внизу он заметил что-то неладное. По земле и по одному из стеблей тянулась широкая полоса густой слизи, а из гнезда торчал толстый кургузый хвост.

Мышонок не на шутку струсил. Гладкий жирный хвост похож был на змеиный. Только у змей хвост твёрдый и покрыт чешуёй, а этот был го-

лый, мягкий, весь в какой-то липкой слизи.

Пик набрался храбрости и влез по стеблю, поближе взглянуть на незваного гостя.

В это время хвост медленно зашевелился, и перепуганный мышонок кубарем скатился на землю. Он спрятался в траве и оттуда увидел, как чудовище лениво выползло из его дома.

Сперва исчез в отверстии гнезда толстый хвост. Потом оттуда показалось два длинных мягких рога с пупырышками на концах. Потом ещё два таких же рога — только коротких. И за ними наконец высунулась вся отвратительная голова чудовища.

Мышонок видел, как медленно-медленно выползло, точно пролилось, из его дома голое, мягкое, слизкое тело гигантского слизняка.

От головы до хвоста слизняк был длиной добрых три вершка.

Он начал спускаться на землю. Его мягкое брюхо плотно прилипало к стеблю, и на стебле оставалась широкая полоса густой слизи.

Пик не стал дожидаться, когда он сползёт на землю, и убежал. Мягкий слизняк ничего не мог сделать ему, но мышонку было противно это холодное, вялое, липкое животное.

Только через несколько часов Пик вернулся.

Слизняк куда-то уполз.

Мышонок залез в своё гнездо. Всё там было вымазано противной слизью. Пик выкинул весь пух и постелил новый. Только после этого он решился лечь спать. С тех пор, уходя из дому, он всегда затыкал вход пучком сухой травы.

КЛАДОВАЯ

Дни становились короче, ночи холоднее.

На злаках созрели зёрна. Ветер ронял их на землю, и птицы стаями слетались к мышонку на луг подбирать их.

Пику жилось очень сытно. Он с каждым днём полнел. Шёрстка на нём лоснилась.

Теперь маленький четырёхногий робинзон устроил себе кладовую и собирал в неё запасы на чёрный день. Он вырыл в земле норку и конец её расширил. Сюда он таскал зёрна, как в погреб.

Потом этого ему показалось мало. Он вырыл рядом другой погреб и соединил их подземным ходом.

Всё шли дожди. Земля размякла сверху, трава пожелтела, намокла и поникла. Травяной домик Пика опустился и висел теперь низко над землёй. В нём завелась плесень.

Жить в гнезде стало плохо. Скоро трава совсем

полегла на землю, гнездо приметным тёмным шариком висело на тростнике. Это уже было опасно.

Пик решил перейти жить под землю. Он больше не боялся, что к нему в норку заползёт змея или потревожат его непоседливые лягушата: змеи и лягушата давно куда-то исчезли.

Мышонок выбрал себе для норки сухое и укромное местечко под кочкой. Ход в норку Пик устроил с подветренной стороны, чтобы холодный воздух не задувало в его жилище.

От входа шёл длинный прямой коридор. Он расширялся в конце в небольшую круглую комнатку. Сюда Пик натаскал сухого мху и травы — устроил себе спальню.

В его новой подземной спальне было тепло и уютно. Он прорыл из неё под землёй ходы в оба свои погреба, чтобы ему можно было бегать, не выходя наружу.

Когда всё было готово, мышонок плотно заткнул травой вход в свой воздушный летний домик и перешёл в подземный.

СНЕГ И СОН

Птицы больше не прилетали клевать зерно. Трава плотно легла на землю, и холодный ветер

свободно разгуливал по острову.

К тому времени Пик ужасно растолстел. Какая-то вялость на него напала. Ему лень было много шевелиться. Он всё реже вылезал из норки.

Раз утром он увидел, что вход в его жилище завалило. Он разрыл холодный рыхлый снег и вышел на луг.

Вся земля была белая. Снег нестерпимо сверкал на солнце. Голые лапки мышонка обжигало холодом.

Потом начались морозы.

Плохо пришлось бы мышонку, если б он не запас себе пищи. Как выкапывать зёрна из-под глубокого мёрзлого снега?

Сонливая вялость всё чаще охватывала Пика. Теперь он не выходил из спальни по два, по три дня и всё спал. Проснувшись, отправлялся в погреб, наедался там и опять засыпал на несколько дней.

Наружу он совсем перестал ходить.

Под землёй ему было хорошо. Он лежал на мягкой постели, свернувшись в тёплый, пушистый клубок. Сердчишко его билось всё реже, всё тише. Дыхание стало слабым-слабым. Сладкий, долгий сон совсем одолел его.

Мышки-малютки не спят всю зиму, как сурки

или хомяки. От долгого сна они худеют, им становится холодно. Тогда они просыпаются и берутся за свои запасы.

Пик спал спокойно: ведь у него было два полных погреба зерна. Он и не чуял, какое неожиданное несчастье скоро стрясётся над ним.

УЖАСНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Морозным зимним вечером ребята сидели у тёплой печки.

— Плохо сейчас зверюшкам, — задумчиво сказала сестрёнка. — Помнишь маленького Пика? Где он теперь?

— А кто его знает! — равнодушно ответил брат. — Давно уж, верно, попал кому-нибудь в когти.

Девочка всхлипнула.

— Ты чего? — удивился брат.

— Жалко мышонка, он такой пушистый, жёлтенький…

— Нашла кого жалеть! Мышеловку поставлю — сто штук тебе наловлю!

— Не надо мне сто! — всхлипывала сестрёнка. — Принеси мне одного такого маленького, жёлтенького…

— Обожди, глупая, может, и такой попадётся.

Девочка утёрла кулачком слезы.

— Ну, смотри: попадётся — ты его не трогай, мне подари. Обещаешь?

— Ладно уж, рёва! — согласился брат.

В тот же вечер он поставил в чулане мышеловку.

Это был тот самый вечер, когда Пик проснулся у себя в норке.

На этот раз его разбудил не холод. Сквозь сон мышонок почувствовал, как что-то тяжёлое надавило ему на спину. И сейчас же мороз защипал его под шёрсткой.

Когда Пик совсем очнулся, его уже било от холода. Сверху его придавили земля и снег. Потолок над ним обвалился. Коридор был засыпан.

Нельзя было медлить ни минуты: мороз шутить не любит. Надо в погреб и поскорей наесться зерна: сытому теплей, сытого мороз не убьёт.

Мышонок выскочил наверх и по снегу побежал к погребам. Но весь снег кругом был изрыт узкими глубокими ямками — следами козьих копыт.

Пик поминутно падал в ямки, карабкался наверх и снова летел вниз.

А когда добрался до того места, где были его погреба, он увидел там только большую яму.

Козы не только разрушили его подземное жи-

лище, но и съели все его запасы.

ПО СНЕГУ И ПО ЛЬДУ

Немножко зёрен Пику удалось всё-таки откопать в яме. Козы втоптали их в снег копытами.

Пища подкрепила мышонка и согрела его. Опять начала охватывать его вялая сонливость. Но он чувствовал: поддашься сну — замёрзнешь.

Пик стряхнул с себя лень и побежал.

Куда? Этого он и сам не знал. Просто бежал и бежал, куда глаза глядят.

Наступила уже ночь, и луна стояла высоко в небе. Мелкими звёздочками блестел кругом снег.

Мышонок добежал до берега реки и остановился. Берег был обрывистый. Под обрывом лежала густая, тёмная тень. А впереди сверкала широкая ледяная река.

Пик тревожно понюхал воздух.

Он боялся бежать по льду. Что, если кто-нибудь заметит его посреди реки? В снег хоть зарыться можно, если опасность.

Назад повернуть — там смерть от холода и голода. Впереди где-нибудь есть, может быть, пища и тепло. И Пик побежал вперёд. Он спустился под обрыв и покинул остров, на котором долго жил так спокойно и счастливо.

А злые глаза уже заметили его.

Он не добежал ещё до середины реки, когда сзади стала его настигать быстрая и бесшумная тень. Только тень, лёгкую тень на льду он и увидал, обернувшись. Он даже не знал, кто за ним гонится.

Напрасно он припал к земле брюшком, как делал всегда в минуту опасности: его тёмная шёрстка резким пятном выделялась на сверкающем синеватом льду, и прозрачная мгла лунной ночи не могла спрятать его от страшных глаз врага.

Тень покрыла мышонка. Кривые когти больно впились в его тело. По голове что-то крепко стукнуло. И Пик перестал чувствовать.

ИЗ БЕДЫ В БЕДУ

Пик очнулся в полной темноте. Он лежал на чём-то твёрдом и неровном. Голова и раны на теле сильно болели, но было тепло.

Пока он зализывал свои раны, глаза его понемножку начали привыкать к темноте.

Он увидел, что находится в просторном помещении, с круглыми стенами, уходящими куда-то вверх. Потолка не было видно, хотя где-то над головой мышонка зияло большое отверстие. Через

это отверстие в помещение проникал ещё совсем бледный свет утренней зари.

Пик посмотрел, на чём он лежит, и сейчас же вскочил.

Лежал он, оказывается, на мёртвых мышах. Мышей было несколько, и все они закоченели: видно, лежали здесь давно.

Страх придал мышонку силы.

Пик выкарабкался по шероховатой отвесной стене и выглянул наружу.

Кругом были только засыпанные снегом ветви. Внизу под ними виднелись макушки кустов.

Сам Пик находился на дереве: выглядывал из дупла.

Кто принёс его сюда и бросил на дно дупла, мышонок так никогда и не узнал. Да он и не ломал себе голову над этой загадкой, а просто поспешил скорей удрать отсюда.

Дело же было так. На льду реки его настигла ушастая лесная сова. Она стукнула его клювом по голове: схватила когтями и понесла в лес.

К счастью, сова была очень сыта: она только что поймала зайчонка и съела, сколько могла. Зоб её был так плотно набит, что в нём не оставалось места даже для маленького мышонка. Она и решила оставить Пика про запас.

Сова отнесла его в лес и кинула в дупло, где у неё была кладовая. Она ещё с осени натаскала сюда с десяток убитых мышей. Зимой добывать пищу бывает трудно, и даже таким ночным разбойникам, как сова, случается голодать.

Конечно, она не знала, что мышонок только оглушён, а то сейчас же проломила бы ему череп своим острым клювом! Обыкновенно ей удавалось приканчивать мышей с первого удара.

Пику повезло на этот раз. Пик благополучно спустился с дерева и шмыгнул в кусты.

Только тут он заметил, что с ним творится что-то неладное: дыхание со свистом вылетало у него из горла.

Раны не были смертельны, но совиные когти что-то повредили ему в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега.

Когда он отдохнул и стал дышать ровно, свист прекратился. Мышонок наелся горькой коры с куста и снова побежал — подальше от страшного места.

Мышонок бежал, а позади него оставалась в снегу тонкая двойная дорожка: его след.

И когда Пик добежал до поляны, где за забором стоял большой дом с дымящими трубами, на след его уже напала лиса.

Нюх у лисы очень тонкий. Она сразу поняла, что мышонок пробежал тут только что, и пустилась его догонять.

Её огненно-рыжий хвост так и замелькал меж кустов, и уж, конечно, она бежала гораздо быстрей мышонка.

ГОРЕ-МУЗЫКАНТ

Пик не знал, что лиса гонится за ним по пятам. Поэтому, когда из дома выскочили две громадные собаки и с лаем кинулись к нему, решил, что погиб.

Но собаки, понятно, его даже не заметили. Они увидели лису, которая выскочила за ним из кустов, и кинулись на неё.

Лиса мигом повернула назад. Её огненный хвост мелькнул в последний раз и исчез в лесу. Собаки громадными прыжками пронеслись над головой мышонка и тоже пропали в кустах.

Пик без всяких приключений добрался до дома и шмыгнул в подполье.

Первое, что Пик заметил в подполье, был сильный запах мышей.

У каждой породы зверей свой запах, и мыши различают друг друга по запаху так же хорошо, как мы различаем людей по их виду.

Поэтому Пик узнал, что тут жили мыши не его породы. Но всё-таки это были мыши, и Пик был мышонок.

Он так же обрадовался им, как Робинзон обрадовался людям, когда вернулся к ним со своего необитаемого острова.

Сейчас же и Пик побежал отыскивать мышей.

Но разыскать мышей здесь оказалось не так просто. Мышиные следы и запах их были всюду, а самих мышей нигде не было видно.

В потолке подполья были прогрызены дырки. Пик подумал, что мыши, может быть, живут там, наверху, взобрался по стенке, вылез через дырку и очутился в чулане.

На полу стояли большие, туго набитые мешки. Один из них был прогрызен внизу, и крупа высыпалась из него на пол.

А по стенкам чулана были полки. Оттуда доносились замечательные вкусные запахи. Пахло и копчёным, и сушёным, и жареным, и ещё чем-то очень сладким.

Голодный мышонок жадно набросился на еду.

После горькой коры крупа показалась ему такой вкусной, что он наелся прямо до отвала. Так наелся, что ему даже дышать стало трудно.

И тут опять в горле у него засвистело и запело.

А в это время из дырки в полу высунулась усатая острая мордочка. Сердитые глазки блеснули в темноте, и в чулан выскочила крупная серая мышь, а за ней ещё четыре такие же.

Вид у них был такой грозный, что Пик не решился кинуться им навстречу. Он робко топтался на месте и от волнения свистал всё громче и громче.

Серым мышам не понравился этот свист.

Откуда взялся этот чужой мышонок-музыкант?

Серые мыши чулан считали своим. Они иногда принимали к себе в подполье диких мышей, прибегавших из лесу, но таких свистунов никогда ещё не видали.

Одна из мышей бросилась на Пика и больно куснула его в плечо. За ней налетели другие.

Пик еле-еле успел улизнуть от них в дырочку под каким-то ящиком. Дырочка была так узка, что серые мыши не могли туда за ним пролезть. Тут он был в безопасности.

Но ему было очень горько, что его серые родственники не захотели принять его в свою семью.

МЫШЕЛОВКА

Каждое утро сестрёнка спрашивала у брата:

— Ну что, поймался мышонок?

Брат показывал ей мышей, какие попадались ему в мышеловку.

Но это были всё серые мыши и девочке они не нравились. Она даже немножко боялась их. Ей непременно надо было маленького жёлтого мышонка, но в последние дни мыши перестали попадаться.

Удивительней всего было, что приманку кто-то съедал каждую ночь. С вечера мальчик насадит пахучий кусочек копчёной ветчины на крючок, насторожит тугие дверцы мышеловки, а утром придёт — на крючке нет ничего, и дверцы захлопнуты.

Он уж и мышеловку сколько раз осматривал: нет ли где дырки? Но больших дырок — таких, через которые могла пролезть мышь, — в мышеловке не было.

Так прошла целая неделя, а мальчик никак не мог понять, кто ворует у него приманку.

И вот утром на восьмой день мальчик прибежал из чулана и ещё в дверях закричал:

— Поймал! Гляди: жёлтенький!

— Жёлтенький, жёлтенький! — радовалась сестрёнка. — Смотри, да это же наш Пик: у него и ушко разрезано. Помнишь, ты его ножиком тогда?.. Беги скорей за молоком, а я оденусь пока.

Она была еще в постели.

Брат побежал в другую комнату, а она поставила мышеловку на пол, выскочила из-под одеяла и быстро накинула на себя платье.

Но, когда она снова взглянула на мышеловку, мышонка там уже не было.

Пик давно научился удирать из мышеловки. Одна проволочка была в ней немножко отогнута. Серые мыши не могли протиснуться в эту лазейку, а он проходил свободно.

Он попадал в ловушку через открытые дверцы и сейчас же дёргал за приманку.

Дверцы с шумом захлопывались, но он быстро оправлялся от страха, спокойно съедал приманку, а потом уходил через лазейку.

В последнюю ночь мальчик случайно поставил мышеловку у самой стенки, и как раз тем боком, где была лазейка, и Пик попался. А когда девочка оставила мышеловку среди комнаты, он выскочил и спрятался за большой сундук.

МУЗЫКА

Брат застал сестрёнку в слезах.

— Он убежал! — говорила она сквозь слезы. — Он не хочет у меня жить!

Брат поставил блюдечко с молоком на стол и принялся её утешать:

— Распустила нюни! Да я его сейчас поймаю в сапог!

— Как в сапог? — удивилась девочка.

— Очень просто! Сниму сапог и положу его голенищем по стенке, а ты погонишь мышонка. Он побежит вдоль стенки — они всегда по самой стенке бегают — увидит дырку в голенище, подумает, что это норка, и шмыг туда! Тут я его и схвачу, в сапоге-то.

Сестрёнка перестала плакать.

— А знаешь что? — сказала она задумчиво. — Не будем его ловить. Пусть живёт у нас в комнате. Кошки у нас нет, его никто не тронет. А молочко я буду ставить ему вот сюда, на пол.

— Всегда ты выдумываешь! — недовольно сказал брат. — Мне дела нет. Этого мышонка я тебе подарил, делай с ним, что хочешь.

Девочка поставила блюдце на пол, накрошила в него хлеба. Сама села в сторонку и стала ждать,

когда мышонок выйдет. Но он так и не вышел до самой ночи. Ребята решили даже, что он убежал из комнаты.

Однако утром молоко оказалось выпитым и хлеб съеденным.

«Как же мне его приручить?» — думала девочка.

Пику жилось теперь очень хорошо. Он ел теперь всегда вдоволь, серых мышей в комнате не было, и его никто не трогал.

Он натаскал за сундук тряпок и бумажек и устроил себе там гнездо.

Людей он остерегался и выходил из-за сундука только ночью, когда ребята спали.

Но раз днём он услышал красивую музыку. Кто-то играл на дудочке. Голос у дудочки был тонкий и такой жалобный.

И опять, как в тот раз, когда Пик услыхал «соловья-разбойника» — жулана, мышонок не мог справиться с искушением послушать музыку ближе. Он вылез из-за сундука и уселся на полу среди комнаты.

На дудочке играл мальчик.

Девочка сидела рядом с ним и слушала. Она первая заметила мышонка.

Глаза у неё стали вдруг большие и тёмные. Она

тихонько подтолкнула брата локтем и прошептала ему:

— Не шевелись!.. Видишь, Пик вышел. Играй, играй: он хочет слушать!

Брат продолжал дудеть.

Дети сидели смирно, боясь пошевелиться.

Мышонок слушал грустную песенку дудочки и как-то совсем забыл про опасность.

Он даже подошёл к блюдцу и стал лакать молоко, точно в комнате никого не было. И скоро налакался так, что сам стал свистеть.

— Слышишь? — тихонько сказала девочка брату. — Он поёт.

Пик опомнился только тогда, когда мальчик опустил дудочку. И сейчас же убежал за сундук.

Но теперь ребята знали, как приручить дикого мышонка. Они тихонько дудели в дудочку. Пик выходил на середину комнаты, садился и слушал. А когда он сам начинал свистеть, у них получались настоящие концерты.

ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Скоро мышонок так привык к ребятам, что совсем перестал их бояться. Он стал выходить без музыки. Девочка приучила его даже брать хлеб у неё из рук. Она садилась на пол, а он карабкался

к ней на колени.

Ребята сделали ему маленький деревянный домик с нарисованными окнами и настоящими дверями. В этом домике он жил у них на столе. А когда выходил гулять, по старой привычке затыкал дверь всем, что попадалось ему на глаза: тряпочкой, мятой бумажкой, ватой.

Даже мальчик, который так не любил мышей, очень привязался к Пику. Больше всего ему нравилось, что мышонок ест и умывается передними лапками, как руками.

А сестрёнка очень любила слушать его тоненький-тоненький свист.

— Он хорошо поёт, — говорила она брату, — он очень любит музыку.

Ей в голову не приходило, что мышонок пел совсем не для своего удовольствия. Она ведь не знала, какие опасности пережил маленький Пик и какое трудное путешествие он совершил, раньше чем попал к ней.

И хорошо, что оно так хорошо кончилось.

АНЮТКИНА УТКА

От осенних дождей разлилась вода в запруде. По вечерам прилетали дикие утки. Мельникова дочка Анютка любила слушать, как они плещутся и возятся в темноте. Мельник часто уходил на охоту по вечерам. Анютке было очень скучно сидеть одной в избе. Она выходила на плотину, звала: «Уть, уть, уть!» — и бросала хлебные крошки в воду.

Только утки не плыли к ней. Они боялись Анютки и улетали с запруды, свистя крыльями. Это огорчало Анютку.

«Не любят меня птицы, — думала она. — Не верят мне». Сама Анютка очень любила птиц. Мельник не держал ни кур, ни уток. Анютке хотелось приручить хоть какую-нибудь дикую птицу.

* * *

Раз поздним осенним вечером мельник вернулся с охоты. Он поставил ружьё в угол и сбросил с плеч мешок.

Анютка кинулась разбирать дичь.

Большой мешок был набит стреляными утками разных пород. Анютка всех их умела различать по величине и блестящим зеркальцам на крыльях.

В мешке были крупные кряковые утки с фиолетово-синими зеркальцами. Были маленькие чирки-свистунки с зелёными зеркальцами и трескунки — с серыми.

Анютка одну за другой вынимала их из мешка, считала и раскладывала на лавке.

— Сколько насчитала? — спросил мельник, принимаясь за похлёбку.

— Четырнадцать, — сказала Анютка. — Да там будто ещё одна есть!

Анютка запустила руку в мешок и вытащила последнюю утку.

Птица неожиданно вырвалась у неё из рук и быстро заковыляла под лавку, волоча разбитое крыло.

— Живая! — вскричала Анютка.

— Давай её сюда, — велел мельник. — Я ей живо шею сверну.

— Тятенька, отдай утку мне, — попросила Анютка.

— На что она тебе? — удивился мельник.

— А я её вылечу.

— Да это ж дикая! Она не станет жить у тебя.

Пристала Анютка: отдай да отдай, — и выпросила утку. Стала кряква жить в запруде. Анютка привязала её за ногу к кусту. Хочет утка — в воде плавает, захочет — на берег выйдет. А больное крыло Анютка ей чистой тряпочкой перевязала. Подошла зима.

По ночам воду стало затягивать ледком. Дикие утки больше не прилетали на запруду: улетели на юг.

Анюткина кряква стала тосковать и мёрзнуть под кустом. Анютка взяла её в избу. Тряпочка, которой Анютка перевязала утке крыло, приросла к кости да так и осталась. И на левом крыле кряквы теперь было не синее с фиолетовым отливом зеркальце, а белая тряпочка. Так Анютка и назвала свою утку: Белое Зеркальце.

Белое Зеркальце больше не дичилась Анютки. Она позволяла девочке гладить её и брать на руки, шла на зов и брала еду прямо из рук. Анютка очень была довольна. Ей не было теперь скучно, когда отец уходил из дому.

* * *

Весной, как только растаял лёд на реке, прилетели дикие утки. Анютка опять привязала Белое Зеркальце на длинную верёвку и пустила в

запруду. Белое Зеркальце верёвку стала щипать клювом, кричала и рвалась улететь с дикими утками.

Анютке стало жалко её. Но жалко было и расставаться с ней. Однако Анютка рассудила так: «Что ж силком её держать? Крыло у ней зажило, весна, она хочет детей выводить. А вспомнит меня, так вернётся».

И отпустила Белое Зеркальце на все четыре стороны. А отцу сказала:

— Ты, как будешь уток бить, зорко гляди, не мелькнёт ли на крыле белая тряпочка. Не застрели Белое Зеркальце!

Мельник только руками всплеснул:

— Ну, хозяйка! Сама своё хозяйство разоряет. А я думал: вот съезжу в город, селезня куплю — Анюткина утка детей нам выведет.

Смутилась Анютка.

— Ты ничего мне про селезня не говорил. Да ведь, может, не поживётся Белому Зеркальцу на воле, так она ещё назад воротится.

— Дура ты, дура, Анютка! Где ж это видано, чтобы дикая птица назад в неволю ворочалась? Как волка ни корми, он всё в лес смотрит. Попадёт теперь твоя утка ястребу в когти — и поминай как звали!

* * *

Тепло прибывало быстро. Река разлилась, затопила кусты на берегу. Полилась вода дальше, затопила лес.

Уткам плохо пришлось в тот год: пора нестись, а земля вся в воде — негде гнезда выстроить.

Зато Анютке весело: лодка есть — плыви, куда хочешь. Поплыла Анютка в лес. Увидела в лесу старое дуплистое дерево. Стукнула веслом по стволу, а из дупла кряковая утка — шасть! — и прямо на воду у самой лодки. Повернулась боком. Анютка глядит — и глазам не верит: на крыле белая тряпочка! Хоть грязная стала, а всё заметна.

— Уть, уть! — кричит Анютка. — Белое Зеркальце!

А утка от неё. Плещется в воде, словно подшибленная.

Анютка за ней на лодке. Гналась, гналась — уж из лесу выбралась. Тут Белое Зеркальце поднялась на крылья жива, здоровёшенька — и назад в лес.

«Хитришь ты! — думает Анютка. — Да меня не проведёшь: ведь это ты от гнезда меня отводишь!»

Вернулась назад, разыскала старое дерево.

Заглянула в дупло, а там, на донышке, двенадцать продолговатых яиц зеленоватого цвета.

«Ишь хитрая! — думает Анютка. — Ведь вот где догадалась гнездо устроить, чтобы водой не достало!»

Вернулась Анютка домой, отцу рассказала, что Белое Зеркальце в лесу видела, а про дупло — молчок. Побоялась, как бы мельник гнезда не разорил.

Скоро вода спала.

Анютка приметила, что Белое Зеркальце в полдень летает на реку кормиться. Тепло в этот час, и яйца в гнезде не стынут.

Чтобы не пугать даром птицу в гнезде, Анютка забегала прежде на реку. Знала уж, где в камышах любила кормиться Белое Зеркальце. Уверится, что здесь утка, и бежит в лес глядеть, не вывелись ли в дупле утята?

Раз Анютка только высмотрела на воде Белое Зеркальце, вдруг мчится по воздуху большой серый ястреб — и прямо на утку.

Вскрикнула Анютка, да уж поздно: ястреб впился когтями в спину Белому Зеркальцу.

«Пропала моя уточка!» — думает Анютка.

А Белое Зеркальце нырк под воду и ястреба за собой потащила.

Ястреб окунулся с головой. Видит — дело плохо: не совладать ему под водой с уткой. Разжал когти и улетел.

Анютка так и ахнула:

— Ну, умница! Что за умница! Из ястребиных когтей вырвалась!

* * *

Ещё прошло несколько дней.

Прибежала Анютка на реку — нет Белого Зеркальца!

Спряталась в кусты, набралась терпенья — ждёт.

Наконец летит утка из лесу; в лапах у неё жёлтенький комок.

Спустилась на воду.

Глядит Анютка: рядом с Белым Зеркальцем пушистый жёлтенький утёнок плавает.

«Вывелись утятки! — обрадовалась Анютка. — Теперь Белое Зеркальце всех из дупла на речку перетаскает».

Так и есть: утка поднялась и полетела в лес за другим птенцом.

Анютка всё сидит под кустом — ждёт, что дальше будет.

Вылетела из лесу ворона. Летит, по сторонам

поглядывает — где бы чего на обед промыслить?

Заметила у берега утёнка — стрелой к нему. Раз, раз! — клювом по голове, убила, разорвала на куски и съела.

Анютка остолбенела — и крикнуть не догадается. Ворона опять в лес — и спряталась на дереве.

А Белое Зеркальце летит уж со вторым утёнком.

Спустила его на реку, ищет первого, крячет — зовёт. Нет нигде!

Плавала, плавала, все камыши обшарила — нашла только пух. Поднялась на крылья и помчалась в лес.

«Ах, глупая! — думает Анютка. — Опять ведь ворона прилетит, твоего утёнка разорвёт».

Не успела подумать, глядит: утка круг дала, подлетела из-за кустов назад к реке, шмыгнула в камыш — и спряталась там.

Через минуту летит ворона из лесу — и прямо к утёнку.

Тюк носом! — и давай рвать.

Тут Белое Зеркальце выскочила из камыша, коршуном налетела на ворону, схватила за горло и тащит под воду.

Закружились, заплескали птицы крыльями по воде — только брызги летят во все стороны!

Анютка выскочила из-под куста, глядь: Белое Зеркальце в лес улетает, а ворона мёртвая на воде лежит.

Долго не уходила Анютка с реки в тот день. Видела, как Белое Зеркальце остальных десять утят в камыш перетаскала.

Успокоилась Анютка:

«Теперь, — думает, — не боюсь я за Белое Зеркальце: она и за себя постоять умеет и детей своих в обиду не даст».

* * *

Пришёл август месяц.

С утра на реке палили охотники: начиналась охота на уток. Весь день Анютка не находила себе места: «А ну, как убьют охотники Белое Зеркальце?»

С темнотой палить перестали. Анютка забралась на сеновал спать. Только заснула, вдруг голоса на дворе.

— Кто тут? — мельник кричит из избы.

— Охотники! — отвечают.

— Чего вам?

— Пусти на сеновале переночевать!

— Ночуйте, пожалуй. Да смотрите, как бы огня не заронить в сено!

— Не бойсь! Некурящие.

Заскрипели двери сарая, и охотники полезли на сено.

Анютка забилась в угол, сама слушает.

— Здорово набили! — говорит один охотник. — У тебя сколько?

— Шесть штук, — отвечает другой. — Всё шлёпунцы.

— У меня восемь. Одну было матку чуть не стукнул. Собака нашла выводку. Матка поднялась, гляжу: что-то будто белое у неё на крыле, вроде бы — тряпочка. Рот разинул, да и прозевал. Двух молодых собака задавила с этой выводки. Айда утром опять на то место: матку убьём — шлёпунцы все наши будут!

— Ладно, пойдём.

Лежит Анютка в сене ни жива ни мертва. Думает: «Так и есть! Нашли охотники Белое Зеркальце с утятами. Как быть?»

Решила Анютка ночь не спать, а чуть свет бежать на реку — не дать охотникам Белое Зеркальце убить.

Полночи ворочалась, сон от себя гнала.

А под утро сама не заметила, как заснула.

Просыпается, а уж на реке палят.

— Нет больше моего Белого Зеркальца! Убили

тебя охотники!

Идёт к реке, ничего перед собой не видит: слезы свет застилают. Дошла до плотины, думает: «Вот тут моя уточка плавала. И зачем я её отпустила?!»

Глянула на воду, а по воде Белое Зеркальце плывёт и восемь утяток за собой ведёт.

Анютка: «Уть, уть, уть!»

А Белое Зеркальце: «Ваак! Ваак!» — и прямо к ней.

Палят на реке охотники. А утка с утятами у самой мельницы плавает. Анютка хлеб крошит, в воду им бросает.

Так и осталась Белое Зеркальце жить у Анютки в запруде. Поняла, видно, что Анютка в обиду её не даст.

Потом птенцы подросли, летать выучились, разбрелись по всей речке.

Тогда и Белое Зеркальце с запруды улетела.

А на следующий год, только вывела жёлтеньких утят, сейчас привела их в запруду — и к Анютке.

Теперь уж все охотники кругом Белое Зеркальце знают, не трогают её и зовут Анюткиной уткой.

КУЗЯ ДВУХВОСТЫЙ

Сергейке очень хотелось поймать какую-нибудь птичку, особенно кузю — большую белощёкую синицу. Уж очень они, кузи, весёлые, бойкие, смелые.

Клетка у Сергейки была, а западню ему дали товарищи.

На три дня дали. И в первый же день Сергейке попался в западню кузя.

Сергейка принёс его домой и стал пересаживать из западни в клетку. Но кузя так бился, дрался и клевался, что Сергейка ненарочно выдрал у него несколько перьев из хвоста. И стал кузя двухвостый: сзади по бокам торчат перья вилочкой, а посредине ничего нет.

Сергейка подумал: «Куда мне двухвостого! Мальчишки засмеют, скажут: «Общипанный, в суп его надо».

И решил кузю выпустить и наловить других птиц. Два дня ещё оставалось у него. А кузя прыгает себе с жёрдочки на жёрдочку, перевёртывается вниз головой, как обезьяна, и долбит своим крепким клювиком зёрна. Солнце в комнату заглянет, он запоёт:

— Зин-зи-вер, зин-зи-верр! — так весело, звонко. Будто никогда и на воле не был, всегда жил в клетке.

Сергей стал его выгонять из клетки, — кузя как крикнет:

— Пинь-пинь-черрр! — как зашипит на него!

Пришлось выставить клетку в окно и открыть дверцу. Улетел кузя. Сергейка опять западню поставил.

Утром приходит и ещё издали видит: захлопнута западня, кто-то попался. Подошёл, а в западне кузя сидит. Да не какой-нибудь, а тот самый: двухвостый!

— Кузенька! — взмолился Сергейка. — Ты же мне мешаешь других птиц ловить. Один только день и остался мне ловить их.

Он взял западню с кузей и пошёл прочь от дома. Шёл-шёл, пришёл в середину леса и там выпустил кузю. Кузя крикнул:

— Пинь-пинь-черрр! — И скрылся в чаще.

Сергейка вернулся домой и опять поставил западню.

На другой день приходит — опять кузя двухвостый в западне!

— Пинь-пинь-черррр!

Чуть не расплакался Сергейка. Выгнал кузю и

отнёс западню хозяевам.

Прошло несколько дней, Сергейка скучал и уже стал думать: «Зачем я кузю выгнал? Хотя и двухвостый, а какой весёлый».

Вдруг за окном:

— Пинь-пинь-черррр!

Сергейка открыл окно, и кузя сейчас же влетел в избу. Прилепился к потолку, перелетел на стену, увидал таракашку, тюкнул его носом и съел.

И стал кузя жить в избе у Сергейки. Захочет — в клетку залетит, зёрнышек поклюёт, выкупается в ванночке и опять вылетит: Сергейка клетку не закрывал. Захочет — по всей избе летает, тараканов ищет.

Склевал всех тараканов, крикнул «пинь-пинь-черр!» и улетел.

ЛАТКА

ЗДРАВСТВУЙ!

Таня сидела на крылечке — смотрела, как солнце тихонько опускается за озеро, покрытое льдом.

Вдруг идёт школьный учитель, а впереди него бежит незнакомая собачка.

Откуда такая? Таня таких не видела. Ростом невеличка, на коротких ножках, уши до полу, хвост культяпочкой. Сама вся белая, а на спине — чёрные пятна, и на одном глазу пятно, как заплатка.

Увидала Таню — марш-марш к ней на крылечко; села и лапку подаёт: здравствуй, мол!

Учитель подошёл, смеётся:

— Ишь ты, узнала хозяйку! Твоя ведь теперь эта собачка, Танюшка: я её из Ленинграда привёз от твоего дяди Пети. Собачка испанской породы. Вот и письмо к твоей матери.

Мать вышла на крыльцо, поздоровалась с учителем и прочла. «Дорогая сестра! — писал дядя Петя. — Посылаю тебе собачку, уж не гневись. Мне в городе её никак нельзя держать: в ше-

стом этаже ведь живу, сам весь день на заводе — вывести погулять её некому. А собачка больно хорошая, учёная, очень породистая, ласковая. Твоей Ташке за товарища будет; вещи разные приносить обучена. А летом приеду — на охоту с ней ходить буду. Я охотником решил стать. Вот собачку себе охотничью достал, а к лету соберусь с деньгами — глядишь, и ружьишко себе куплю. А дичь — всю тебе».

— С какого конца ружьё держать, ещё не знает, — улыбнулась мать, — а уж дичь дарит, чудак человек! — Глянула на собачку и руками всплеснула: — Желанные мои! Экая уродка бесхвостая!..

Со всей деревни ребятишки сбежались — и ну хохотать:

— Латка! Латка! Заплатка!

А соседские Колька и Толька тут же и дразнилку сложили:

Ташка, Ташка, простота,
У ней собачка без хвоста,
Ухи-то лопатой,
На глазу заплата!

Таня очень обиделась за свою собачку.

БАРЕТКА

Утром Таня ранёшенько вскочила — и в школу бежать. А одной баретки нет как нет, и куда её с вечера задевала — никак не вспомнит.

— Латка, Латочка! — кричит. — Ищи бареточку, понимаешь? Ищи!

Латка одно ухо подняла, другое опустила, сообразила что-то — и нырк под лавку!

— Поняла, поняла! — обрадовалась Таня. — Гляди, мама, сейчас притащит мне Латка бареточку!

И верно: тащит Латка из-под лавки… что это? Да старое голенище!

— Ай, дурашка! — рассердилась Таня. — Баретку, баретку, я тебе сказала, а не голенище! Понимаешь? Ба-рет-ку! Ищи, ищи!

Латка виль-виль-виль хвостом-культяпочкой — да в дверь! Минуты не прошло — тащит из чулана… дохлого крысёнка. И подаёт Тане в руки.

— Фу, гадость! — чуть не плачет Таня. — В крысёнка, что ли, я ногу обувать буду? Бессовестная какая!

А мать говорит:

— Зачем напрасно бранишь собачку! Откуда ей знать, что это такое «баретка»? В городе такого слова и не слыхали. Ты покажи ей другую свою ба-

реточку, дай хорошенько понюхать её — вот она и поймёт. Собаки всё больше носом понимают.

Таня дала понюхать свою баретку Латке, та и поняла: нырк под кровать — и тащит Танин полуботинок.

— Вот умница! — обрадовалась Таня.

Быстренько обулась и побежала в школу.

НЫРОК

Пришла весна. Лёд на озере стаял — и засияла вода, синяя-синяя!

В первый раз побежала Таня со своей Латкой на берег. Собачонка с разбегу — бух в воду! Таня кричит:

— Сумасшедшая, куда ты! Вода ледяная — воспаление лёгких получишь!

Куда там! Резвится себе в воде, плавает.

Подошли соседские мальчишки Коля и Толя. Коля наклонился, поднял камень со свой кулак и кричит:

— На, Латка, на!

Размахнулся да как швырнёт камень в озеро! Камень — бульк! — и пошли круги по воде.

А Латка — нырк! — и скрылась из глаз. Таня так и ахнула:

— Утонула моя собачка!

А Латка и не думала тонуть: достала камень со дна, вынырнула, фыркает, плывёт. Вылезла на берег и подаёт Тане добычу, а у самой весь рот в крови: разорвала об острый камень. Мальчишки смеются:

— Ай, собачонка — нырок, настоящий водолазик!

Таня очень рассердилась на мальчишек и поскорей увела Латку домой.

ОХОТА

В конце лета приехал дядя Петя — в отпуск.

— Ну как, — спрашивает, — собачка испанской породы? Понравилась?

— Очень хорошая собачка! — отвечают мать и Таня в один голос. — Прямо умница собачка!

— Вот и чудно! Завтра пойдём с ней.

С этой породой как раз на уток охота. Я себе и двустволку купил.

Рано утром пришёл учитель, и дядя Петя собрался с ним на охоту. И Таню с собой позвали — дичь помогать нести.

Идут по берегу озера. Латка впереди бежит, за ней дядя Петя с двустволкой шагает, за ним учитель с одностволкой, позади всех — Таня.

Вдруг — шырр! — вылетает из камышей утка.

Дядя Петя — бах! бах! — из своей двустволки, учитель — ббах! — из своей одностволки. А утка летит себе — и скрылась за лесом.

Дядя Петя проводил её глазами, почесал в затылке и говорит:

— Это чирёнок. Больно маленькая утка. И мчится как сумасшедшая. В такую попасть невозможно.

А Латка сразу после выстрелов бросилась в камыши, поплавала там, поплавала — видит, что там убитой утки нет, и вернулась к охотникам.

Зарядили ружья. Пошли дальше. Теперь учитель впереди.

Вылетает из камышей большая утка — кряква.

Учитель — ббах! Дядя Петя — бах! бах!

Утка только ходу наддала и скрылась из глаз.

— Кхм! Кхм! — откашлялся учитель. — Верно, помирать полетела…

Дядя Петя промолчал, а Латка на этот раз даже не полезла в воду. Зарядили ружья. Пошли дальше.

Но сколько ни вылетало из камышей уток, сколько ни бабахали учитель и дядя Петя, птицы улетали целёхоньки. И каждый раз охотники находили причину, почему дичь не падает. А Таня шла за ними и улыбалась: радовалась, что

утки спасались от выстрелов живы и здоровы.

Наконец охотники устали и присели отдохнуть.

ДОБЫТЧИК

Таня отошла от них в сторону, выбрала местечко, где камыши отошли от берега, и стала купаться. А Латка плавала с ней, плавала и заплыла в камыши.

Только вылезла Таня из воды, оделась — плывёт из камышей Латка и держит в зубах... утку. Вылезла и подаёт Тане в руки.

Таня смотрит: утка живёхонька! Сама хоть большая, а крылья ещё не отросли, летать не может. Шлёпунцами таких зовут, потому что они как кинутся удирать, так крыльями по воде — шлёп-шлёп-шлёп! — а подняться в воздух — никак! Вот Латка в камышах его и поймала.

Таня крикнула дядю Петю. А Латка уж второго шлёпунца тащит.

Пока охотники «ох!» да «ах!» — шесть утят перетаскала, целый выводок!

— Ох, и пристыдила нас собачонка! — говорит дядя Петя. — Стреляли мы, стреляли — ни одной утки на обед не взяли. А Латка сплавала — полдюжины обедов принесла. Да без выстрела. Вот

это так добытчик!

Таня спрашивает:

— Какие-такие «обеды»? Не дам шлёпунцов убивать! Мои шлёпунцы: мне их Латка принесла. Пускай все у меня и живут!

Охотники видят — делать нечего. Таня права: её утки. Поклали всех живыми в мешок, потащили домой. Ох, и смеху было над охотниками в деревне! «Ваша дробь, — говорят, — только живит дичь!»

Ну да охотнички и сами над собой посмеялись с другими.

— Сами видим — не годимся в стрелки. Мы и ружья решили продать. Пускай Латка одна за нас на охоту ходит: у неё это лучше получается.

А Таня так всех шестерых утят и выкормила.

Осенью, когда дикие утки собрались в отлёт, им подрезали отросшие крылья — и они остались зимовать в курятнике. Таня их вволю кормила, и они очень привязались к доброй девочке. Услышат её голос издали и — квяк! квяк! квяк! — ковыляют к ней навстречу все шестеро, одна за другой — гуськом.

В ЛЕСУ

Школьники готовились к празднику Седьмое ноября, украшали зелёными ветвями свои классы. И задержались в школе до поздних сумерек.

Кто близко живёт — тем ничего. А Тане с соседскими Колей и Толей, второклассниками, три километра домой идти — да лесом, да полями. А в лесу дорога чёрная-чёрная — размыло дождями.

Мальчики говорят:

— Мы лучше не пойдём — подождём, пока лошадь пришлют. Дороги нисколько не видать. Боязно идти.

Ну, а Таня — та смелая! Когда с ней Латка — ничего не боится. А Латка от Тани никуда, и в школу вместе ходят; пока Таня в классе, Латка во дворе играет.

Таня и говорит мальчикам:

— Эх вы, трусишки! Да ведь моя Латка впереди нас побежит, нам дорогу указывать будет. Уж не собьётся с пути: она дорогу носом видит.

Уговорила мальчишек.

Вошли они в лес — совсем темно, дороги в потёмках не видно. А Латка впереди бежит — Латку ребятам видно: мелькает впереди белая Латкина спина. Белое на чёрном даже в потёмках видно.

Шли так ребята, шли — ночью дорога куда дольше кажется — шлёпали, шлёпали… И вдруг повалил снег!

Первый в году снег, а густой-густой, крупными хлопьями — всё кругом закрыл.

И Латка вдруг затявкала, затявкала и умчалась куда-то прочь. Верно, заяц на дорогу вышел — зайца погнала.

Прошли ребята немного вперёд, чувствуют — под ногами у них неутоптанная земля. Ещё маленько прошли — на кусты стали натыкаться, на деревья… Дорога совсем куда-то потерялась.

Пошли ребята назад — как, им казалось, только что шли. Нет дороги. Взяли вправо — нет дороги, чаща. Повернули налево, шли, шли — лес будто реже, верхушки деревьев стали видны, а дороги всё равно нет.

Остановились ребята: поняли, что заблудились…

Мальчишки посопели-посопели — и в рёв!

Тане хуже всех: ведь это она уговорила маленьких Колю и Толю не дожидаться лошади, самим домой идти. Теперь и поедут за ними — не найдут в лесу, раз уж с дороги сбились. И Тане одной отвечать.

ШАГИ

Таня усадила мальчиков под шатёр большой ели; даже в темноте разобрала, что это ель: здорово колется…

А Коля и Толя в голос ревут, причитают:

— Пропали наши головушки! Мы на холоду замёрзнем, нас волки-медведи съедят!..

— Цыц, вы! — Таня на них. — Никаких тут волков-медведей сто лет нет — всех повывели.

А самой как раз и вспомнилось: вчера только мать рассказывала, что объявился в лесу за озером медведь. Тёлку задрал. Долго ли ему сюда перебежать?.. И ух как страшно самой стало! Хотела ещё Латку крикнуть — голос перехватило: а ну как вместо Латки да медведь услышит!..

Мальчики замолчали, только всхлипывают. Слышно в тишине: мягко так падают холодные пушинки на землю, на ветки. Чуть шебуршит в лесу.

И вдруг послышалось Тане — шум какой-то издали! Ближе, ближе… Будто баба-яга — костяная нога идёт по дороге, клюкой постукивает.

Ближе, ближе… Цок-цук! Цок-цук! Цок!..

Мальчики всхлипывают, ничего не слышат. А у Тани прямо сердце зашлось от страха. Хоть бы

Латку сюда: она бы носом разобрала, что там…

НА ПОИСКИ

Между тем в деревне уже хватились Тани и мальчиков: уж ночь, снег повалил, а ребят всё нет из школы.

Колхозники живо запрягли лошадь, и Танина мать погнала в школу: думала, ребята ещё там.

Въехала в лес. Стучат лошадиные подковы по мёрзлой земле, дорога снегом покрыта — видна в темноте.

Доехала быстро. Но школа оказалась закрытой, а сторожиха сказала, что Таня с обоими мальчиками ушла домой ещё в сумерки.

— Не иначе как с дороги сбились, в лесу плутают, — догадалась мать. — Замёрзнут малыши!

И погнала лошадь назад: живей народ собирать — да в лес!

ЛАТКА

… Таня слушала, замерев от страха. Но стук копыт бабы-яги — костяной ноги, приблизившись, вдруг стал отдаляться, отдаляться и затих вдали. Страх отпустил Таню.

И вдруг что-то холодное, мокрое ткнулось Тане в руки: собачий нос!

— Латка, Латочка! — прошептала Таня. — Собачушка моя!..

И к Тане в один миг вернулась вся её смелость.

— А ну, ребятишки, побежали! — весело скомандовала она мальчикам. — Латка нас живо выведет!

И правда: они прошли совсем немножко по всё редевшему лесу — и вышли в поля. Тут было гораздо светлее. К тому же и снег перестал падать. На белом поле хорошо были видны чёрные «заплатки» на боках у бежавшей впереди Латки: чёрное на белом даже в потёмках видно.

Прямиком через поля и добежала Таня с мальчиками до своего дома. Утки услыхали её из курятника и громко закрякали: «Квяк! квяк! квяк!» А из-за угла улицы раздалось вдруг: «Цок-цук! Цок-цук! Цок!», будто баба-яга — костяная нога

идёт, по мёрзлой земле клюкой постукивает.

— Тпру-у! — крикнула мать. — Никак, ты, Танюша?

— Я, я, и с мальчиками! Нас Латка довела!

Ну, как узнали про всё это ребятишки — сразу зауважали Латку, собачку испанской породы, коротконожку, уши до полу, хвост культяпочкой, сама белая, а по бокам и на глазу — чёрные пятна, как заплатки.

МУЗЫКАНТ

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

— Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружьё. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружьё и пошёл в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашёл даже и следа его.

Устал старик и присел на пенёк отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услыхал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился: «Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: «Дзенн!..» — да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» — как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка!

Замолк звук — медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходит мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дёргал одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзинн!..»

Колхозник спросил старика:

— Ну что, убил медведя?

— Нет, — ответил старик.

— Что ж так?

— Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщеплённом грозой дереве.

ЛАЙ

Когда я в первый раз увидел Лая, я подумал, что он волк. Ростом он с волка, и уши у него торчком, как у волка, и масти он серой, волчьей. Только толстый хвост лежит у него на спине кренделем. Но я тогда был маленький и не знал, что такой хвост бывает только у лаек, а у волка он висит книзу тяжёлым поленом.

Бабушка объяснила мне, что Лай — волчий пёс: отец и мать его — сибирские лайки, а дед был настоящий волк. Потом бабушка стала рассказывать мне, какой Лай умница, какой он верный и добрый друг. На охоте ему цены нет и дома тоже. Бабушка рассказала мне всю его жизнь.

КАК МОЙ ОТЕЦ ВЫБРАЛ СЕБЕ ЛАЯ

Мой отец был сибиряк, охотник и зверолов.

Однажды зимой он шёл тайгой и вдруг слышит — человек стонет. Отец подошёл к кустам, откуда слышался стон, и видит: лежит не снегу лось. Мёртвый. А за кустами шевелится человек, хочет подняться — и не может, стонет.

Отец поднял человека и отнёс его в свою избу —

юрту. Там он и бабушка ухаживали за раненым, пока тот не выздоровел.

Человек этот оказался звероловом народа манси. Народ этот живёт в Сибири, за Уралом. Манси высокие, стройные, горбоносые и все отличные охотники, отлично знают повадки зверей и птиц. Но вот этот человек погорячился — и чуть не погиб.

Он подстрелил лося. Зверь упал, вздрогнул всем телом и затих. Манси не посмотрел, что у лося уши прижаты к голове, и подошёл к нему. Вдруг зверь приподнялся и с такой силой ударил его передними ногами, что охотник перелетел через кусты и, как чурка, упал в снег. Страшные копыта сломали ему два ребра.

Расставаясь с отцом, Сидорка (так звали манси) сказал:

— Ты спас мне жизнь — чем отплачу тебе? Приходи ко мне через месяц. У меня лайка есть волчьей крови. Скоро у неё будут щенки. Дам тебе, которого сам захочешь. Будет тебе верный друг. И ты ему будь друг. Вдвоем вас никто не одолеет.

Отец приехал к нему через месяц. У лайки было шесть маленьких, ещё слепых щенков. Они копошились в углу юрты — чёрные, пегие, а один

— серый.

— Теперь гляди, — сказал Сидорка, положил всех щенят в полу своего полушубка, вынес за дверь и кинул в снег. Дверь в юрту оставил открытой.

Щенки барахтались в снегу и пищали. Мать рвалась к ним, но Сидорка держал её крепко. Она звала своих детей.

Скоро один из щенков, серый, показался на пороге юрты, перевалился через него и — слепой — уверенно заковылял к матери.

Прошло несколько минут, пока явился второй. За ним третий, четвёртый — все шесть щенков нашли свою мать. Она слизала с каждого снег и спрятала всех под свой тёплый пушистый живот.

Сидорка закрыл дверь в юрту.

— Понимаю, — сказал отец. — Беру того, который пришёл первым.

Сидорка взял у лайки серого щенка и передал отцу.

ВОСПИТАНИЕ

Отец с бабушкой выкормили щенка из бутылочки с соской. Щенок оказался на редкость резвым. Когда у него прорезались зубы, он стал грызть

всё, что ему попадалось на глаза. Но отец был с ним очень терпелив. Он не только не бил щенка — ни разу даже слова плохого ему не сказал.

Когда Лай подрос и стал гоняться по деревне за курами и кошками, отец, бывало, только крикнет ему:

— Лай, назад! Назад!

И когда Лай вернётся, начнёт ему ласково выговаривать:

— Ай-ай, Лаюшка, сплоховал! Так нельзя. Понимаешь: нель-зя!

И умный щенок понимал. Хвост у него сам собой прятался между ног, глаза виновато косили в сторону. Отец говорил бабушке:

— На лайку нельзя поднимать руку. Для неё хозяин — первый друг. Побей её раз — и конец: озлобится. Словом надо действовать.

От одного только он не мог отучить Лая: гоняться за глухарями и белками. Это когда Лай уже вырос и стал ходить с отцом на охоту.

Лайка что делает? Зачует глухаря на земле, поднимет его на крыло. Глухарь от неё на сук. Расхаживает по суку и бранится, насмехается над ней оттуда по-своему: знает, что собаки на деревья не лазают.

Тут хорошая лайка садится, глаз с него не спус-

кает и тявкает. Это она даёт знать хозяину, что нашла и посадила глухаря. Глухарь только ею и занят — охотнику тут легко подкрасться к нему на выстрел.

Такая лайка, которая по дичи идёт, называется молочницей или белочницей: она также и белку подлаивает.

Но отец хотел сделать из Лая зверового пса, такого, что на крупного зверя идёт. А зверовой пёс не должен на всякую мелочь внимания обращать. Иначе что получится? Идёт охотник за лосем или медведем, а кругом в тайге глухарь да белка. Лайка и будет по ним тявкать. А зверь уйдёт.

Всё это мне бабушка подробно объяснила. Мне это надо знать, потому что я тоже охотником буду. Бабушка мне и ружьё обещала купить — вот только денег накопит.

Отец хотел, чтобы Лай зверовой был. А Лай как зачует белку или глухаря — так его от них не оттащить. Тогда отец вот что сделал. Он застрелил глухаря, застрелил белку и привязал их Лаю на спину. Куда Лай ни побежит, он всюду их запах чувствует, а стащить с себя не может.

И скоро до того они ему надоели, что он запах их прямо возненавидел. И уж, конечно, больше в тайге ни за глухарями, ни за белками не бегал.

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

Через три года Лай был уже отличным охотником. Он умел, забежав вперёд, остановить уходящего по тайге лося. Умел отбить от стада диких северных оленей — одного или двух — и направить их прямо на хозяина. А силён был так, что однажды загрыз напавшего на него матёрого волка.

Наконец отец пошёл с ним на медведя.

Набрели на след большого зверя. Страшно было смотреть, какие глубокие ямки оставляли его когтищи в размокшей от дождя земле. На Лае вся шерсть поднялась дыбом, но он смело бросился вперёд и скоро догнал спокойно уходившего в гору медведя.

Отец видел, как Лай вцепился ему в гачи — в мохнатые «штаны», как ловко он отскочил, когда медведь быстро обернулся, чтобы ударить его лапой.

Но только зверь хотел идти дальше, Лай опять на него напал.

Отец, подбежав, выстрелил, но впопыхах только легко ранил зверя. Зверюга рассвирепел и так стремительно кинулся на отца, что отец не успел выстрелить второй раз. Чудовище лапой вышиб-

ло ружьё у него из рук. Миг — и отец лежал на спине под тяжёлой тушей. Он считал себя уже погибшим, но зверь вдруг отвалился от него и вскинул передние лапы в воздух.

Отец вскочил на ноги.

Лай висел на спине у медведя, зубами вцепившись ему в ухо.

Нет такого пса на свете, чтобы мог один на один справиться с могучим медведем. Самые смелые лайки решаются нападать на такого зверюгу только с тыла.

К счастью, отец успел схватить валявшееся на земле ружьё и послать в медведя пулю, прежде чем зверь задавил Лая. Медведь рухнул мёртвый.

Так оправдались слова охотника-манси: верный Лай спас отца от неминуемой смерти, а отец — Лая.

КАК БАБУШКА ОСТАЛАСЬ ОДНА НА СВЕТЕ

Отец погиб в тот же год на глазах у бабушки. Но тут уж Лай не мог его спасти.

Отец рубил лесину. А был очень сильный ветер; бабушка говорит, прямо буря. Подрубленная лесина свалилась не на ту сторону, куда думал отец. Он не успел отскочить. И его задавило насмерть.

Бабушка своими руками вытащила его из-под лесины. Похоронила тут же, в тайге. И осталась одна-одинёшенька. Давно это было.

Кругом тайга. Зима в начале. Реки замёрзли — на челне не проедешь. И пешком идти — не дойдёшь до людей. И еды запаса нет в малой охотничьей избушке, что срубил отец на своём промысловом участке.

Бабушка могла бы и сама промыслить себе еду: умела с ружьём обращаться. Да отцово ружьё в щепки изломала та проклятая лесина.

Как быть?

На счастье, тут забрёл в бабушкину избушку какой-то охотник.

Бабушка ему очень обрадовалась:

— Выведи, добрый человек, из тайги, — вот как тебе благодарна буду.

А он ей:

— Так и быть, бабка, выведу. А ты мне за это своего пса отдашь.

Это Лая-то. О нём тогда уж далеко слух прошёл, что очень замечательный пёс. Хоть понаслышке, а все охотники километров на сто кругом его знали, Бабушка сдвинула брови и говорит:

— Нет, — говорит, — пёс у меня не продажный. Он моему покойному сыну верный друг был, а те-

перь мне на всём свете первый друг. Что хочешь проси — ничего не пожалею. А друга не отдам.

Охотник упёрся.

— Деваться тебе, старая, некуда. Всё равно отдашь.

— Ну, — бабушка говорит, — коли совести в тебе нет, нечего мне с тобой и разговаривать. Покинь старуху одну в беде.

Тот разозлился.

— Всё равно, — говорит, — я у тебя пса силой уведу.

— Попробуй, — отвечает бабушка.

И взялась за топор.

Ушёл злой человек ни с чем.

Бабушка говорит: мы — крепкая косточка, мы из сибирских казаков.

Так-то так, да ведь и тайга — не городской парк культуры и отдыха. Чаща, болота, горы. Снег по пояс. Вьюги. Как тут себе еды промыслить?

Отец, бывало, уложит лося или медведя и тут же на месте освежует. Кусок мяса отрежет — какой в мешок уйдёт. Это — с собой. А тушу и шкуру — в амбарушку.

Такие амбарушки звероловы себе в тайге рубят. На гладком бревне ставят, чтобы никакой зверь не залез. Тут и хранится мясо до времени. Ведь

не всякий раз охота задастся — бывают и долгие чёрные дни.

Говорил отец бабушке, что у него три полные амбарушки запаса в тайге. Там и лосятина, и оленина, и медвежатина. А где их — те амбарушки — искать? Вот вопрос!

Всё-таки бабушка моя догадалась, как ей быть.

Ремнём потуже перепоясалась, топор за пояс, на лыжи стала и санки с собой взяла.

— Ну, Лаюшка, — говорит. — На тебя вся надёжа. Беги вперёд — показывай, где хозяин складывал добычу. Ищи!

Лай хвостом покачал — и в тайгу. Побежит-побежит да оглянется: идёт ли за ним бабушка?

И такой умница: прямо-прямо к амбарушке привёл!

Потом, когда бабушка всё мясо домой на санках перетаскала, Лай вторую амбарушку показал. А там и третью. Так всю зиму с мясом были, очень даже сытно прожили.

А весной, когда лёд растаял, постелила бабушка в отцов чёлн звериные шкуры, собрала кой-какую поклажу и спустилась речкой за шестьдесят километров до ближнего селения.

Там хорошие люди ей помогли, сельсовет избу дал.

Бабушка списалась с городом, где тогда моя мать училась и я, маленький, с нею был. Узнала бабушка, что мать сильно больна. Скорей на железную дорогу — и к ней. Да всё равно не успела: умерла моя мама.

Так бабушка и осталась одна на свете да еще со мной маленьким на руках.

Поселилась в железнодорожном посёлке под городом. А Лай, конечно, всё время с ней неразлучно.

ЛАЙ У МЕНЯ В ДЯДЬКАХ

Мне доходил четвёртый год, когда умерли мои родители и бабушка приехала и взяла меня к себе. Совсем еще несмышлёныш я был. И, бабушка говорит, неслух, озорной такой, что беда! Трудно, говорит, ей со мной пришлось, вот как трудно. Поступила, конечно, бабушка на службу. А меня дома оставить не на кого. И детского садика близко нет.

Тут опять бабушку Лай выручил.

Придумала она мне в дядьки его поставить.

Позвала меня, позвала его, велела нам обоим на стулья сесть и говорит:

— Слушайте оба. Тебе, Лаюшка, поручаю за этим молодым человеком присматривать. Чтобы

не баловал, не озорничал бы, пока я на службе. Понял?

Лай: «Вау!»

Он, конечно, просто так тявкнул, потому что привык отвечать если к нему с вопросом обращаются. У него что ни спроси — он всё тебе «вау!» в ответ.

А мне бабушка сказала:

— Видишь, он «да» сказал. Он всё понимает. И ты его слушайся всё равно как меня. А ты, Лаюшка, — опять она к нему, — как приду, всё мне докладывай, что этот молодой человек напроказил. Понял?

Лай, конечно, опять: «Вау!»

А «молодой человек» сидит ни жив ни мёртв: я ведь тогда еще его за волка считал.

— Бабуленька, — лепечу, — я его боюся… Миленькая, не оставляй меня одного с ним!

— А и вовсе нечего его трусить, паря, — нахмурилась бабушка. — Лай хороший, честный зверь. Вот погладь его.

И как я ни отдёргивал ручонку, взяла её и погладила ею Лая по голове.

— Вот. Будешь себя хорошо вести, и он к тебе будет добрый. Можешь даже играть с ним. Брось ему палочку, он принесёт тебе. Зато уж озоровать

при нём, — строго прибавила бабушка, — и не думай. Всё равно он мне всё про тебя расскажет. Вот сам увидишь, как приду.

Ух, и страшно мне было, когда закрылась за бабушкой дверь и я остался с глазу на глаз с этим серым волком! Маленький был, а на всю жизнь запомнил.

Сижу на стуле как привинченный, чуть жив и дохнуть боюсь: кто его знает, что он думает?

Лай давно соскочил со стула, передней лапой на подоконник вскинулся и бабушку глазами проводил.

Потом встал опять на все четыре, по избе походил, к миске своей подошёл — в углу стояла. Да пустая. И вдруг ко мне направился.

Меня так и вытянуло на стуле: вот съест!..

А он подошёл и голову ко мне на колени положил. Большущая голова, тяжёлая.

Да нет, вижу, совсем добрый волк, кусаться и не думает. Страх меня отпустил, и я тихонько положил ему руку на голову.

Он — ничего.

Я стал осторожненько его гладить, как бабушка показывала. Ниже, ниже, а как носа коснулся, он и лизнул мне мокрым языком руку.

Я сошёл со стула. Глядь, а в окно бабушка смот-

рит, улыбается.

Показывает рукой: открой форточку.

Я на подоконник, форточку открыл; бабушка и спрашивает:

— Ну, как? Не очень страшный волк?

— Нет, бабуля.

— Вот и славно, оставайтесь вместе. А я скоро, я в обеденный перерыв наведаюсь, тут ведь мне недалеко.

Так вот я и начал привыкать к нашему Лаю. Но, конечно, особенного при нём ничего не делал: опасался, что он про меня бабушке скажет.

ВОЛЧЬИ ЗУБЫ

Скоро я совсем решил, что он не волк. Он был мне добрым товарищем. Я его и гладил, и толкал, и за хвост дёргал. Даже верхом на него залезал и ездил на нём по всей избе — отличная была у меня лошадка. И он никогда на меня не сердился, не ворчал даже.

Случалось, конечно, я и не совсем хорошо вёл себя при нём. Мало ли что на ум взбредёт, когда бабушки дома нет.

Бывало, конфеты у неё из комода стащишь или там варенья ложечку-другую.

Правда, я всегда честно делился с Лаем всем, что

удавалось стащить вкусного. Если два кусочка сахара стяну или два баранка, один ему отдам. И он ничего — берёт.

Потом, бывало, всегда попрошу его:

— Ты, Лаюшка, ничего про это не говори бабушке. Тебе-то ничего не будет, тебя бабушка никогда не трогает, а мне… сам знаешь! Уж больно она скора на руку.

Лай: «Вау!»

Придёт бабушка со службы — Лай сразу передними лапами ей на плечи и что-то ей на ушко шепчет.

То есть это я тогда думал так, что он ей про меня шепчет, хорошо ли я вёл себя. А он, конечно, просто лизал ей ухо — привычка у него такая была здороваться с бабушкой.

И сама бабушка делала вид, будто Лай что-то ей докладывает.

Вот я и боялся, как бы он чего лишнего ей про меня не сболтнул.

Бабушка окинет глазами избу, увидит, что в ней всё в порядке, и говорит мне:

— Ну, вот молодец. Лай сказал мне, что ты сегодня хорошо себя вёл.

И я уж совсем стал думать, что Лай во всём со мной заодно, что при нём можно пускаться на

любые проделки.

И вот раз я заметил на полке над плитой забытый бабушкой коробок спичек. Конечно, я сейчас же решил устроить в комнате небольшой костёр.

Мне, маленькому, необычайно нравился огонь. Да и теперь я могу часами сидеть у открытой печки и смотреть, смотреть, как жёлтое и красное пламя, то притаиваясь, то разгораясь, весело пляшет, то ручейком побежит по полену, то вдруг выстрелит, как из ружья, — треск, дым!

Угольки тоже люблю, когда они пышут живым золотом и загораются над ними синие язычки. Мне всегда какие-то фигурки чудятся в огне, разные там жар-птицы, чёртики хвостатые, чьи-то лица.

Теперь я знаю, что бабушка ничего так не боялась, как того, что я, оставшись один, наделаю пожар. Она всегда брала с собой все коробки со спичками, когда уходила на службу. Попробуй я при ней потянуться к спичкам — она как даст мне по руке, крикнет: «Нельзя!» — прямо как на Лая. И уж как в этот раз она оставила коробок на полке, она сама не знает.

В углу стоял ящик с бумажками и разным мусором. Я вытащил его на середину избы, вытряс

на пол и сложил из бумаги, лучинок и щепочек отличный костёр. Потом поставил под полку табуретку и полез за спичками.

Но только я схватил коробок и спички в нём тихонько громыхнули, — вдруг слышу, кто-то рычит сзади. Обернулся — Лай! Стоит, шерсть на шее поднял — совсем на себя не похож. Главное — зубы оскалил, страшные волчьи клыки.

Я так перепугался, что и с табуретки полетел. При этом спички выпали у меня из рук и рассыпались по полу.

Я поднялся на ноги. Потираю ушибленную коленку и спрашиваю самым добрым голосом:

— Ты что, Лаюшка, что с тобой? Ты не думай: я всего только одну спичку возьму, остальные все бабушке останутся. Мне только костёр разжечь.

Лай слушает и молчит. Шерсть у него на загривке улеглась и зубы под губой скрылись.

Но только было я потянулся к спичкам — вот уж предо мной опять волчья пасть! Губы сморщены, белые клыки оскалены.

Я скорей от него в дальний угол.

Тогда Лай лёг и голову на лапы положил. Опять мой добрый, хороший Лай.

Я стал ему говорить, что, ладно уж, я не буду костра делать, я только спички соберу и на место

их положу, а то бабушка увидит — горячих задаст… Долго его уговаривал, ласковыми именами называл.

Он весело на меня смотрит, даже хвостом виляет. Но чуть я к спичкам — у него сразу глаза злющие делаются, зелёным огоньком зажгутся и губа поднимается.

Так и не подпустил меня к спичкам до тех пор, пока бабушка не пришла.

Ну и, конечно, было мне за это дело от бабушки — ой-ой! До ночи на стул не садился.

— Так и знай раз навсегда, — сказала бабушка, — у Лая дружба дружбой, а служба службой. Коли тебе сказано: «Нельзя!» — так и не думай делать: всё равно Лай не даст.

В том-то и был весь фокус: ведь бабушка, когда я к спичкам тянулся, всякий раз говорила мне: «Нельзя!» А Лай это слово отлично знает.

Теперь-то всё просто объясняется, а маленький я ничего такого понять не мог. Вот и думал, что Лай вроде бабушки. Думал, он глядит за мной и боится, как бы я избы не спалил.

Так он меня напугал, что после этого случая я при нём не только делать — даже думать плохое что-нибудь и то боялся.

КАК Я ХОТЕЛ ЗАЙЦУ СОЛИ НА ХВОСТ НАСЫПАТЬ (РАССКАЗ КОРАБЕЛЬНОГО МЕХАНИКА)

Когда я был маленький, я думал: вот бы попасть в такую страну, чтобы ни птицы, ни звери меня не боялись. Бежит, например, заяц. Я ему крикну: «Зайка, зайка!» Он и остановится. А я его поглажу — ну, беги дальше!

А если волк… Ну, так я крикну: «Уходи, уходи прочь!» И он — во все лопатки.

И чтоб к птице можно было подойти и разглядеть её.

А то чижика какого-нибудь иначе как за двадцать шагов, да ещё сквозь ветки и не подсмотришь — не подпустит. Чего там чижика, когда кошку чужую на лестнице не погладишь: она сразу спину дугой, хвост трубой — прыск, прыск! — и на чердак… А по лесу идёшь, так будто и никакие звери там и не живут — все от тебя прячутся и притихнут. Один раз белку видел — и то только хвост. Может, и не белкин.

Я больших спрашивал, есть ли такие места где-нибудь, чтоб звери к себе подпускали? А большие

только смеялись и глупости говорили: «На вот, возьми соли, насыпь зайцу на хвост, тогда он тебя и подпустит».

И так было обидно! Я вырос, а обиды не забыл, но уж надежды подманить зайца у меня, конечно, не осталось. Я уже моряком стал, пароходным механиком. Попал как-то на китобойный корабль.

Киты, конечно, от нас удирали полным ходом. И было отчего: мы их из пушки били. Ядром. А впереди ядра приделана пика; называется гарпун. А от пики идёт к пароходу верёвка.

Но я смотреть на это не любил. Да и смотреть не на что было: сверху небо, внизу вода, а по воде лёд. Мы всё время плавали в холодных странах.

Раз поднялась буря. Нас куда-то понесло. Я всё у машины сидел и не спрашивал, где это мы плывём.

Вдруг как-то слышу — наверху все кричат:

— Земля! Трава, зелёная трава!

Я не поверил и выскочил на палубу. Смотрю, верно: берег, на нём зелёная трава, горы, на небе солнышко. Всем стало очень весело. Даже петь начали.

Капитан остановил пароход, и все стали проситься на траву погулять.

Мы выехали на лодке на берег — и давай бегать

по траве. Я ушёл совсем далеко за холмы, а когда устал, лёг посреди луга.

Вдруг смотрю — что такое? Беленькое что-то. Я привстал. Смотрю: зайчик. Весь белый, настоящий зайчик.

«Смешно! — подумал я. — Зелёная трава, а заяц белый. У нас зайцы серые летом бывают».

Я боялся шевелиться, чтобы не спугнуть зайца.

Гляжу: и другой выскочил. А вот их уже три. Фу ты! Уже десяток!

Я устал неподвижно сидеть и шевельнулся. Зайцы посмотрели на меня и поскакали, да не от меня, а ко мне!

Что за чудо: обступили — их уже с сотню было вокруг меня — и разглядывают: что я за диковинный зверь такой?

Я двигался как хотел. Даже папиросу закурил. Зайцы на задние лапки становились, чтоб меня лучше разглядеть.

Мне так весело и смешно стало, что я начал с зайцами говорить.

— Ах вы, шельмы! Да в самом ли это деле? Да неужто это бывает, чтобы зайцы не боялись? А вот я вас сейчас напугаю!

Зайцы только посматривают, ушками потряхивают.

— Да я вас из ружья сейчас!

Нарочно я: ружья-то у меня никакого не было. Я как хлопну в ладоши, да как крикну: «Пиф! паф!». Зайцы подскочили. Наверно, удивились. Вот чудак какой! Но никто не побежал, а просто травку стали щипать — тут же, рядом со мной.

Теперь вот, если б была соль, можно б каждому на хвост насыпать.

Тут я хватился: на пароход, пожалуй, пора.

— Ну, — говорю, — прощайте, храбрые зайчишки!

И зашагал.

Смотрел только, чтобы на зайцев не наступить.

А куда идти? Где пароход? В какой стороне? Совсем забыл!

Впереди были горы. Дай, думаю, залезу на гору: с высоты будет видно, где море. Оттуда сразу к морю и пойду. А на море — пароход.

Стал взбираться на гору. Вдруг смотрю: что такое — коровьи следы?

Да сколько! Да это целое стадо шло!

«Ага! — подумал я. — Коли тут стадо — значит, есть и пастух. Значит, здесь люди живут. Вот я пастуха и расспрошу, почему у них зайцы такие храбрые».

А следы коровьи всё уже да уже. Вот уж, видно, гуськом шли и дорожку протоптали, и дорожка ведёт на кручу. Да так круто, что я уж стал на четвереньках царапаться. А сам думаю: мне здесь через силу, а как же коровам тут лазать? Удивительные какие коровы! Здесь только козам скакать.

И вот уж я долез до самого верха: вниз глянуть страшно. И вот передо мной камень; прямо не знаю, как влезть.

Я уцепился руками, поддал ногами и выскочил животом на камень.

Вот бы передохнуть!

Какое тут передохнуть! В десяти шагах от меня стоит большой, рогатый зверь, весь лохматый, шерсть до полу и на ногах острые копыта. И прямо на меня глядит.

Поглядел немного и пошёл на меня.

Я подумал: «Назад надо!».

Да куда там назад: если мне с этого камня под кручу прыгать, так я покачусь вниз, как камешек, и останутся от меня одни «дребезги». Туда вниз посмотреть — и то голова кружится.

А спереди — этот рогатый. Сейчас как боднёт!..

У меня душа в пятки ушла. Закрыл я глаза со страху: будь что будет!

И вот с закрытыми глазами слышу: зверь ко мне подходит. Вот совсем подошёл.

Слышу, как жарко дышит.

Я не выдержал, один глаз приоткрыл, а мы с ним — нос к носу!

Он воздух ноздрёй потянул, фыркнул в бок. Повернулся и… потихоньку пошёл назад.

Я дух перевёл: не хочет, значит, меня бодать! Раздумал.

Я встал на ноги. И вот что я увидел: целое стадо таких зверей, штук двадцать, паслось тут на горе. Каждый из них, если б захотел, мог меня забодать и растоптать. Но, видно, никто из них не собирался на меня нападать.

Я вдруг вспомнил, что видел таких на картинке, даже вспомнил, как назывались. Называется этот зверь — овцебык.

Я огляделся — и там, за быками, увидел море.

Подумал: «Ничего, пока они меня не трогают, я, может быть, угляжу спуск и пойду вокруг горы».

Спуска я никакого не нашёл и тут услышал гудок нашего парохода. Это значит: хватились меня, зовут. А меня-то нет, и никто не знает, что я на этой горе. Людей тут нет. Пропаду!

Мне оставалось одно — идти прямо на быков. Эх, была не была! Распугаю.

А самому — во как страшно!

Я заорал не своим голосом. Завертел руками, как мельница, и ногами затопал.

Быки все на меня оглянулись, своих телят и маток затолкали в середину, сами вокруг стали и рога вперёд выставили.

Я сразу присмирел и даже на землю сел. А быки постояли, постояли — видят, что я ничего не делаю, и опять взялись траву щипать.

А пароход гудит, гудит!

Я чуть не заплакал. Я снял фуражку и стал быкам говорить — никого не было, так что не стыдно.

Я сказал:

— Вы знаете, честное слово, мне просто на пароход надо! Я никому ничего не сделаю. Только, пожалуйста, пожалуйста, не бодайте меня, не кусайте меня!.. Я только пройду, честное слово!

Быки посмотрели, как я говорю, и ничего. Я пошёл. Прямо на стадо. Всё приговаривал сначала:

— Миленькие, я, честное слово, только так... Я на пароход.

Одного даже слегка погладил.

Потом пришлось протолкнуться между двумя. Тут уж я посмелей:

— Дорогу-то дайте же, в самом деле! А то стали

— ни пройти, ни проехать!

Дальше смотрю: один лёг как раз у меня на пути. Я уж крикнул:

— А ну, вставай!

Лежит, проклятый, и ухом не ведёт.

— Да вставай ты!

Я вплотную подошёл и ткнул ему под брюхо ногой.

Ух, шерсть какая на них большая: сапог так и ушёл, как в сено!

А бык ничего: только мыкнул, не спеша встал на колени, как домашняя корова, поднялся и отошёл нехотя вбок. Я его ещё ладошкой подтолкнул.

Я прошёл через стадо. Спустился с горы и побежал по долинке — скорей к морю! Пароход уже гудел тревожно.

Я бежал со всех ног. Всё думал, какие это быки на вид только страшные, мохнатые. А если их выстричь, как овцу, окажется лёгкая зверюшка, вроде козы. Понятно, что они на такие кручи царапаются: копытца-то у них острые.

Вдруг смотрю: что такое? Две собаки.

Нет, какие там собаки, — волки! Чистейшие полярные волки. Этих-то я уж знаю. Не раз с парохода видел.

И бегут прямо на меня. Нюхают землю, меня не видят.

Ветер дул от них, и моего человеческого духа на них не несло. Они меня не чуяли и бежали, глядя в землю.

Я встал как вкопанный: авось не заметят, пробегут мимо.

А они всё ближе да ближе.

И тут, понимаете, что случилось: мушка, паршивенькая маленькая мушка села мне на нос.

Я рукой боюсь шевельнуть: где тут до мухи, когда волки сейчас съедят! А она, дрянь, на свободе расхаживает да мне в нос.

И вот что тут случилось.

Защекотало, защекотало у меня в носу, я как чихну — ап-чхи! Во весь дух.

Волки стали. На миг глянули на меня… Да как бросятся наутёк. Только я их и видел.

Я припустил вперёд и скоро прибежал к морю. В лодке уж меня ждали и пароход ругался — гудками, конечно.

На пароходе я спросил капитана:

— Какая это земля?..

— Восточный берег Гренландии, — ответил капитан.

— Ну, ладно, — сказал я. — Но что же это за

страна такая? Ведь здесь всё шиворот-навыворот: зайцы сами тебе чуть за пазуху не скачут, диких быков — хоть поленом гоняй, а волки от человеческого чиху, как от пушки, врассыпную!

И про себя подумал: «Совсем как мне маленькому хотелось, чтобы соль на хвост сыпать».

Капитан улыбнулся.

— А это, — сказал он, — это вот почему. Людей тут нет. И не было. Зайцы и овцебыки совсем с человеком не знакомы. И поэтому не боятся его.

— А волки почему же боятся? — спросил я.

— А волки пришли сюда недавно. По льду перешли из Америки. И они отлично помнят, что такое человек. И что за инструмент у него — ружьё. Им и неохота связываться с человеком.

Вот что сказал мне капитан. И я думаю, что это правда.